



**R.S.**

литературное интернет-издание

**№100 (июль 2020)**

**Books not dead!**





проза

Пеан

публицистика

Р **свобода**

е эротика

фанфик поэзия

Мансёнг

п

м

Д

хокку

о

и

е

р

т

т

т

а

т

а

а

т

ж

о

т

любовь

новелла

киберпанк

рубаи

утопия

арказм

т

литературное интернет-издание

д

в

е

с

а

а

д

и

я

д

ф

э

н

т

е

з

и

я

р

а

з

е

е

д

и

и

я

д

ф

э

н

т

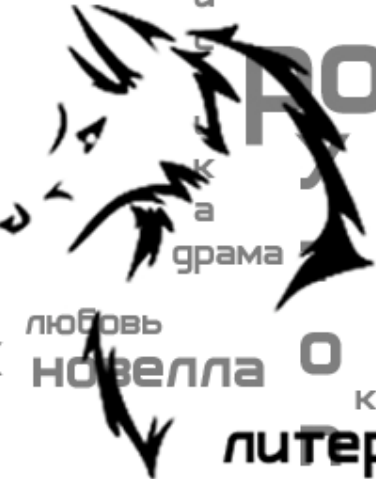
е

з

и

я

рок



**PS.**

скетч

и

пародия

я

фельетон

повесть

**юмор**

песня

п

о

э

м

а

а

а

а

а

а

а

а

а

а

религия

сонеты

лирика

**эпопея**

шансон

**видения**

литература

стимпанк

**рассказ**

мемуары

действие

**Драпа**

**стих**

п

р

и

к

л

ю

ч

н

и

я

ирония

фантастика

роман сюрреализм

**Рубаи**

драма

**№100 (июль 2020)**

сказка

**Философия**

# Над номером работали

**Александр Маяков**  
главный редактор

**Надежда Леоничева**  
старший редактор

**Расима Скиба**  
редактор

**Элина Ким**  
редактор-корректор



## ВНИМАНИЕ!!!



Авторские права на размещенные произведения принадлежат их авторам, и защищены Законами об авторском праве Украины, а так же международными законодательными актами об авторском и смежном правах.  
Пунктуация и орфография авторов сохранена.

## ВНИМАНИЕ!!!



Некоторые произведения содержат сцены насилия, секса, не пристойного поведения и психологические тяжелые сцены. Поэтому, не рекомендуется для прочтения лицам младше 18 лет.

Прочтение возможно с разрешение родителей, опекунов, либо лиц выполняющих их функции.

**CROCUS**  
2018

Отпечатано  
в типографии «Crocus»  
crocus.zp.ua

**CROCUS**  
2018

При копировании материала ссылка на АВТОРА **ОБЯЗАТЕЛЬНА!**

[www.pslit.co.ua](http://www.pslit.co.ua)

# Колонка главного редактора

Здравствуйте!

100! Сегодня в свет выходит сотый номер журнала! Признаться, мы даже и не думали, что выпустим сто номером. Авантюра удалась! Не шалость, как в Гарри Поттере, а именно авантюра, ибо иначе это и не назвать. И эта авантюра длится 100 месяцев.

В 2013 году мы были рады, что число, обозначающее количество номеров, стало двухзначным. Сейчас же оно стало трехзначным. Это круто! Наша команда и не могла подумать о таком.

Команда... Она менялась. Кто-то приходил, кто-то уходил. Сейчас нас четверо: Александр Маяков, Надежда Леонычева, Расима Скиба и Элина Ким. Этот состав у нас сформировался давно. Ранее в команде были и другие люди. Яна Янурова, Анастасия Маловичко и Наталья Колесник стояли у истоков журнала, но, увы, покинули наши ряды. Из основателей в команде остались только Александр и Надежда.

Максим Гайер, Лиза Панчишина, Катерина Винтер — эти имена навсегда останутся в истории журнал. Хоть наши дороги и разошлись, мы были рады работать с вами, удачи и успехов во всем! Вы были частью журнала и то, как он выглядит сейчас, это и ваша заслуга! Спасибо вам за это.

Что такое 100 месяцев работы издания? Это более 1200 авторов, которые опубликовали свыше 3600 произведений. Это читатели в 60 странах мира, из которых печатный журнал читают более чем в 20 странах. Это страны Европы, Азии, Африки, а так же Северной и Южной Америк. Ну и Австралия, разумеется. Единственный континент, где еще не читают наш журнал — Антарктида.

И какой же он, сотый номер? Он идеален! Да, мы не умрем от скромности, но на данный момент текущий номер воплощение всех наших трудов. На обложке прекрасная и обворожительная Эльвира Абладова. Среди наших новичков талантливая Карина Войтюк, а среди «ветеранов» журнала Дзотта, Татьяна Уразова, Нелли Мершон, Оксана Баранова и многие другие. Ведь журнал — это не только работа редакции, это и ваши произведения, которыми он наполнен. И, разумеется, все это в печати реализуют наши друзья из типографии «Crocus». Номер — это результат работы многих людей: авторов, редакции, типографии.

Но нет пределов совершенству! Мы будем продолжать работать над журналом, стараясь улучшить его. Чтобы нашим авторам было комфортно публиковаться в нем, а читателям — интересно читать его.

Давайте выпустим еще как минимум тысячу номеров!

С уважением,  
главный редактор «Литературного интернет-издания P.S.»  
Александр Маяков

**Поэзия****8**

«Подражая Бодлеру» Мария Золотарева	8
«В разбитом зеркале» Мария Золотарева	8
«Утро. Наблюдения. Мысли» Владимир Васильевский	9
«Спитак» Илья Криштул	10
«Глядишь и не заметят» Нелли Мершон	11
«Гоголь... и паспорт» Нелли Мершон	12
«В Мэри - Энином» Нелли Мершон	12
«Будильник» Нелли Мершон	13
«Как - то так» Нелли Мершон	13
«Ожиданье дождя» Татьяна Уразова	14
«Уходят друзья» Татьяна Уразова	14
«За жизнь цепляться будем дружно» Татьяна Уразова	15
«Вспомним юность» Татьяна Уразова	15
«Ностальгия» Татьяна Уразова	16
«Школьные воспоминания» Иванов Николай	16
«Мальчишка» Диана Севостьянова	18
«Дети 90-х» Оксана Баранова	18
«Я спрошу: ты останешься рядом» Оксана Баранова	19
«Летнее утро» Елаиль Миндаль	19
«Ночь» Элис Сорокина	20
«Старость, может быть уже я постарела» Иосиф Арабаджи	21
«Выбор» Элис Сорокина	22
«Новый шанс» Оксана Мелихова	23
«Тяжело в этом мире романтикам» Антон Зоркальцев	24
«Дождь» Дмитрий Бояринов	25
«Чепчик» Борисова Ольга	25
«Рыжая осень» Абдалова Эльвира	26
«Меланхолия» Абдалова Эльвира	27
«Коварство» Дзотта	27
«А все намного проще...» Дзотта	28
«Знаешь...» Дзотта	28
«Подари мне крылья, ветер!» Дзотта	29
«Песочных замков след...» Дзотта	30
«Надев на себя цепи из золотых оков» Карина Войтюк	31

«Любовь, для каждого лишь просто слово» Карина Войтюк	32
«Говорят, что нужно избегать» Карина Войтюк	33
«Как книга с непрочитанными строками» Карина Войтюк	33
«Живу, как сердце мне велит» Карина Войтюк	34
«Луноцвет» Фаустов Сергей	35
«Ткач» Фаустов Сергей	36
«Питер» Анастасия Радионова	37

## **Интервью с автором** **38**

«Писатель, редактор, философ» Юрий Тубольцев	38
--	----

## **Строка прозы** **42**

«Ангел, что рядом с тобой» Остапенко Александр	42
«Колобок 2.0» Остапенко Александр	44
«Глава» Родина Наталия	48
«Бомбы для анатомии» Игорь Скориков	53
«Искренне» Жувак Борис	56
«Другая жизнь. Ёжик» Мария Губаревич	58
«Новая эра Зйона Миматеза» Жувак Борис	71
«Чудо» Жувак Борис	74
«Торможение познания замедления» Жувак Борис	75
«Обычный день» Хамов Сергей	78
«Бастард» Распутина Анастасия	83
«Дворянин» Ева Голдева	89
«Официантка Лида» Ева Голдева	92
«Обряд» Сергей Калабухин	94
«Абсурдософские рассказы» Юрий Тубольцев	101
«Костя-дурак» Юрий Берг	113
«Отец» Алексей Студнев	119
«Лишь бы зиму продержаться» Татьяна Белецкая	122

## **Литературный сериал** **124**

«Летописи межмирья» Александр Маяков	124
«Депресука или Чужие-Близкие» Александр Ти	126
«Императорский Рим» Глеб Фалалеев	131
«Афганский разлом» Роман Максимов	136
«Кровь на моих руках» Лиза Керн	145

# Погражая Бодлеру

Мария Золотарева

У гроба твоего справляют змеи бал.  
Ты при жизни так любила их,  
Шипящие клубки среди битых зеркал.  
Бой часов настенных уж затих.

Молчат в тумане призраки и тени,  
Боясь шагнуть ко гробу за тобой.  
И ветвь лежит завядшая сирени  
В руках твоих. Зовёшь меня с мольбой.

Твой голос слышу я, закрыть глаза мне стоит —  
Зовёт меня он в темноту небес.  
Душа болит. Израненное сердце ноет —  
Уж не видать мне красоты телес

Твоих, прекрасная принцесса.  
Я с горечью сжимаю похоронный саван.  
Была ты милой нимфой леса,  
Тобой одною я, увы, наказан.

Глаза открыв, ты смотришь на меня,  
Полоски бледных губ кривя в усмешке.  
Ты после смерти полная огня,  
А я при жизни равен твоей пешке.

# В разбитом зеркале

Мария Золотарева

В разбитом зеркале, сокрытом старою картиной,  
Ты по ночам встречаешь двойника.  
Там отраженье бледной девы, в саване укрытой,  
И знаешь ты, что вот твоя судьба.

Двойник зовёт, манит к себе рукою,  
Лукаво улыбаясь. Ты молчишь.  
И думаешь: «Свой мир я не построю...  
Провидение, прошу, услышь!

Я не хочу бродить среди зеркал,  
В осколках отражаясь в ночи».  
В ответ тебе — убийственный оскал.  
Погас огонь от восковой свечи.

Смех двойника как истеричный крик,  
Но уши не заткнуть — крепки объятья страха.  
За отраженьем в зеркале возник  
Лик смерти. Так тяжело дыхание мрака...



Бой часов раскачивает полночь.  
Осколков брызги орошают старый пол.  
Никто не придёт к тебе на помощь.  
Смерть с Судьбой об руку восходят на престол.

# Утро. Наблюдения. Мысли

**Владимир Васильевский**

Утренний чистый город,  
Незатейливый лабиринт,  
Пахнет прибрежными соснами,  
Долго играет эхом  
Звука моих шагов.

Неспеша я иду с тренировки.  
Мысли, как яркие блики  
На волнах залива,  
Неожиданно разные,  
Без конца...

Вдруг вспоминаю хоккей.  
Сегодня решающий матч -  
Чемпионы встретятся с чехами.  
Возможно Третьяк  
Пропустит броски Недоманского -  
Мы проиграем.

Солнце ступает по крышам,  
Хлопают двери домов.  
Откуда-то вихрем  
Врывается ветер,  
Уносит запахи сосен.

\*\*\*

Да...  
Моя тренировка!

Свежий напористый бриз  
Кренит широкую яхту,  
Волны, упав на борт,  
Рассыпаются мириадами брызг,  
Ветром летят навстречу.

С каждым ударом волны,  
Я исчезаю  
В облаке влажной пыли,  
Растворяясь в нем,  
Превращаясь в его капли.

И тогда  
Я смотрю на солнце.

То, что я вижу,  
Нельзя описать словами,  
Как нельзя описать  
Само солнце, море,  
Стаи неистовых брызг.

Напрягая ванты,  
Я лечу  
Параллельно воде  
За бортом суденышка.  
Мне хорошо.  
Не высказать  
Как хорошо!..

\*\*\*

Дворник метет тротуары.  
Окурки, обрывки бумаг  
Летят, гонимые ветром.  
Черный газетный кусок  
Трепещет,  
Ветром прибитый к дереву.

Голова человека  
(Наверно трех лет)  
Смотрит скуластым лицом  
Безумно  
И мертво...

Вьетнам!..

Внезапный порыв  
Срывает,  
Уносит газету.

Сегодня решающий матч -  
Чемпионы встретятся с чехами.  
Возможно Третьяк  
Пропустит броски Недоманского -  
Мы проиграем.

## **Спитак**

**Илья Криштул**

Это был декабрь, и декабрь был мёрзлым,  
И сыну куртку тёплую одела Арегназ...  
Она его увидела через неделю, мёртвым,  
Без курточки, которая была ему как раз.

Это был декабрь. Безмолвным серым утром  
Закричало эхо далеко в горах,  
И за бесконечно долгую минуту  
Красивый белый город превратился в прах.

Это был декабрь, и декабрь был длинным –  
Семь дней, а дальше вечность для мёртвых и живых...  
Кто ты, всемогущий, что скалы с места сдвинул?  
Зачем ты, всемогущий, наземь бросил их?

Это было в среду. Без двадцати двенадцать  
«Барев дзез» сказал мне армянский друг Андро.  
Он набрал мой номер, чтоб навсегда прерваться,  
Он набрал мой номер за две секунды до.

Это было в среду. Ещё вчера живые  
Ещё вчера дышали, ходили по земле...  
Их рты забиты пылью. Крики их – немые,  
Их слышат только ангелы из ангельских полей.

Это был декабрь. Гробы на перекрёстках  
Солдаты раздавали под горячий чай.  
В гробах этих, как будто в похоронных лодках,  
Твои, Хаястан, дети уплывали в рай.

Это был декабрь... Время не осушит  
Реки слёз в морщинах серого лица...  
Проклятый декабрь разорвал нам души,  
Проклятый декабрь разорвал сердца.

Это был декабрь... В его седых руинах  
Погребены надежды милых и родных,  
Милосердных сердцем, молодых, безвинных...  
Боже! Там, за пятым небом, посмотри на них!

Это был декабрь. Это было в среду...

# Глядишь и не заметят

**Нелли Мершон**

Ночь проведя у дикого столетия  
Иди... иди. Глядишь и не заметят?!

Трамвай желания — давай, гони - давай же  
Жила была лесника... Как там дальше?  
Ужель в избе?  
Засахаренный пряник берёт разбег  
И Гензель Гретель ранит  
Желаете мясного на подносе  
От кыш до ш-ш-ш подправила волосья  
Живые патлы вытащив из печи  
Высасывает щи по человечьи  
Речистая старушка в неглиже  
Хватай, мочи — а яйца?? Фаберже!

# Гоголь... и паспорт

**Нелли Мершон**

Дайте - затмевающий весь свет -  
Паспорт. Краснорожей паспортины  
Нет ещё - совсем... В помине нет.  
Загребущей под покроей единый  
Книжки, прикрывающей зады  
Тощие — бессильных, бесхребетных  
Позабывших вкус былой еды  
В лагерях, в подёнщине скелетной  
Председатель в чумовом пиру -  
Книжечки складировал под папкой.  
Ленин плыл сметая кепкой — шапкой  
Не державших тело на ветру.  
Трубною попыхивая скупю -  
Лихо — лишним! Росчерк на листе!  
В паспорте, на всё глядящем тупо -  
Имена смываются (ни те?!)  
Дайте только Гоголю - отменный  
Документ, и что бы не искать  
Что бы сам - чиновникам вселенной  
Морду затыкал е..т т..й м..ь  
Что б не затаскали по психушкам  
Что бы не цеплялся каждый мент  
Что бы кровожадная пирушка  
Не толкала массово в брезент  
Дайте только Гоголю — спасите!!  
Что б фантазмагория плыла  
Чтоб ему (не Грозному!) - учитель!  
Слышалось из каждого угла!

# В Мэри - Энином

**Нелли Мершон**

Мы в своём рассудке? В Мэри - Энином?  
Сутки растянулись не измерены  
Сутками питаются слова -  
Сглатывающая вялость. И на два -

Встать, на кухне ступорив движение  
Заливая чайник доплотна  
Чтоб потом чайниками - мишенями  
Пустоту выскрёбывать до дна

От жары отмахиваясь жестами.  
И не пятый угол, а шестой -  
Находить под крышей плоско жЕстяной -  
Равновесьем жердочки с шестом

# Будильник

Нелли Мершон

С утра затикал снова  
Чтоб ему!  
Подрагивают руки, ноги  
В пульсе -  
Тик так?? Точь в точь!  
Так так... Малютка Мук -  
Ты не верста — бормочет —  
Сдуйся... сдуйся!

Тик так - мой друг, тик так - затикал там  
В часах обыкновенный человек -  
Малюсенький. Давно прижился. Сам  
Он заменяет тиканьем наречия

На стрелке повисая - егоза  
Раскачивает замершее время  
Секунду на секунду нанизав  
Назначено? Когда и как, и кем? И

Устало спит, и кажется во сне  
Что он уже смирился с этим звуком  
Но ходики прижатые к стене  
Подталкивают — выпрыгни — а ну ка?!

# Как - то так

Нелли Мершон

Друзья - мы все одна команда!  
Одна команда... ты да я  
А где - то шамкают баланду  
На перекрёстках бытия  
Сверкают яростно погоны  
Крутой заваривают чай...  
Встречают ягодицы троны  
Ну, пустозвонная – венчай!

Речей развесистых на шару  
Нажравшись... или натощак  
Шаг - «Кащенко», сума да шмара  
Фарт беспощаден... Как – то так...

# Ожиданье дождя

**Татьяна Уразова**

Интригуя зависла над городом тень  
Цвета пыльного с примесью злобы.  
Не решится никак, подустала и лень  
Разрешится дождём высшей пробы.

Кроны сжались в кулак, шепчет поле мольбу,  
Вороньё надорвало уж связки.  
Только серая мгла наложила табу  
На дыхание жизни и краски.

Лопнул серый пузырь, изрыгая поток  
Ливня мощного с громкой оглаской.  
И в сверканье сполохов желанный глоток  
Стал итогом небесной развязки.

# Уходят друзья

**Татьяна Уразова**

Мы терялись в бегах за фортуной капризной,  
Уверяя себя: расстаёмся на год,  
Приводя в оправданье из книг афоризмы.  
Не хватало для счастья всего-то нам звёзд.

Путеводные звёзды искали в сполохах  
Ниспадающих с плеч фееричных небес,  
Что на Севере Крайнем и радуясь крохам,  
В одиночку несли свой возложенный крест.

На востоке, на западе, даже на юге,  
Где разнятся созвездья, доставали до звёзд  
На чужом небосклоне, как чёрной дерюге,  
Но холодными были они словно лёд.

Теплоты, чувства локтя в минуты сомнений  
Нам зашедшим в тупик, не хватало до слёз.  
И срываясь, летели, придумал же гений,  
На денёк мы к друзьям, что прекраснее звёзд.

Словно канули в пропасть! Я стала обузой.  
Не найти мне следов их на нашей земле.  
Время скользкое всех научило жить юзом.  
Стрелка дружбы былой – на холодном поле.

Утомлённое небо ночью прохладой  
Укоризненно смотрит мне жалкой в лицо,  
Растерявшей друзей в лабиринте неладном,  
Называемом жизнью, с туманным концом.

# За жизнь цепляться будем дружно

Татьяна Уразова

Ложилось небо мне на плечи,  
Как тёмно-синий палантин.  
И берега стреножив речки,  
Мосток серел из паутин.  
И хлопал крыльями, как кречет  
Багряный лист седых рябин.

Под гнётом мыслей я молчанье  
Не прервала – ни даже всхлип  
Не смог прорваться. Как пиранья  
Рвала боль душу. Гром охрип...  
И шелест ливня без рычанья  
Шептал как будто: ох, как влип!

И пузырилось небо в лужах  
И за себя, и за меня  
Последний раз. А скоро стужа  
Настигнет нас. Её кляня,  
За жизнь цепляться будем дружно...  
Но облетит весь лист, звеня...

# Вспомним юность

Татьяна Уразова

Бесшабашная, «клёвая» юность.  
На Шихан в воскресенье - на день.  
Пострелять из «мелкашки» и плюнуть,  
Промахнувшись в чуть видимый пенёк.

Споря с эхом, орать громко песни  
У взметнувшего пламень костра.  
Рассказать быстро байку, хоть тресни,  
Чтоб пикантна была и остра.

В настоящую не понарошку  
Дружбу верить, рассевшись кружком.  
И достав из золы, есть картошку,  
Обжигаясь, пропахнув дымком.

А сегодня в квартирах уютных  
В нас освоивших север и юг,  
Рикошетом ударит вновь юность:  
Дочь, подруги, костёр - вечный круг!

# Ностальгия

**Татьяна Уразова**

Холодный пот. И крик в ночи.  
Опять я в детстве. По посёлку  
Иду, сжимая я ключи.  
Свой дом ищу. Вновь сбита с толку.

Льёт ливень, словно из ведра.  
Попав в ухаб вдруг, в сапоги я  
Воды начерпала. Пора  
Жить настоящим... Ностальгия...

А позади дома друзей.  
Моя стыдливая берёза.  
И низкий лёт сырых гусей  
В сарай спешащих. Дождь, как слёзы...

И лица, лица... Нет родных!  
А вот и улица. Нет дома!  
Кричу. Зову. Лишь грома рык.  
И старых сплетниц нудный гомон.

И я бегу, бегу от всех...  
Меня измучила стихия.  
Где дом? В ответ я слышу смех.  
И завтра ночь. Ночь... ностальгии...

# Школьные воспоминания

**Иванов Николай**

А давайте вспомним школу  
Вспомним то, как мы тогда,  
Обожали перемены  
И дурачились всегда.  
Вспомним первый мы звонок,  
И рюкзак с пеналом полным,  
А в руках букет цветов  
Необъятный и широкий.  
Ручка, карандаш, точилка,  
Циркуль, ластик, транспортир,  
Каждый все эти предметы  
В рюкзаке всегда носил.  
И предметы тоже вспомним  
Математику, Англ-яз,  
Химию с Физ-рой напару,  
И конечно же Русс-яз.  
Биологию мы вспомним,



Курс истории, изо,  
И конечно не забудем  
Мы про физику с трудом.  
А теперь давайте вспомним  
То, что было так давно,  
Все эмоции пробудим  
Чтобы вспомнить всё всё всё.  
Вот уроки ты не сделал  
Ужас, паника, беда,  
Но к удаче, слаба Богу  
С одноклассников списал.  
На уроке хулиганил,  
Замечание в дневник,  
И за это всю неделю  
Ты по струночке ходил.  
На физ-ре играли в мячик  
Ты в окно его запнул,  
И конечно же за это  
Маму в школу притащил.  
Дёргал за косы девченок  
Бил портфелем по башке,  
И за это верно тоже  
В школу маму приводил.  
Без любви само собою  
Дело там не обошлось,  
И записки ты конечно  
Тайно посылал не раз.  
Первый поцелуй за школой,  
Ходьба за руки держась,  
И портфель носить конечно  
Приходилось...И не раз.  
А теперь уже о грустном  
Класс последний, всё, конец,  
Все экзамены - отлично,  
Ты идёшь на выпускной.  
Там все девушки - принцессы,  
Джентльмены парни все,  
И признайся, ты конечно  
Сразу всех их не узнал.  
Вы смеётесь и грустите  
Понимая, что сейчас  
Смотрите все друг на друга  
Вы увы, в последний раз.  
И прошли школьные годы  
Время то ушло, увы,  
И остались с нами только  
Воспоминания внутри.  
И поэтому, вас люди  
Я прошу лишь об одном,  
Вспоминайте школу чаще  
Это был второй ваш дом!

# Мальчишка

**Диана Севостьянова**

Ранимый мальчишка с тонкой душой  
И автоматом наперевес.  
В холодной земле покоится он,  
Взирая на нас с небес.

Ранимый мальчишка жестокому миру  
Наносил ответный удар.  
Жизнь скалила зубы и метила в спину,  
Но он поле боя уже повидал.

Ранимый мальчишка, который стал жестким,  
Который сломался, но снова восстал.  
Ты можешь и воин, но всё же подросток.  
Ты позабыл как счастьем пылал.

Ты позабыл, как легко и бездумно  
Мог улыбаться в былые года.  
Ты стал слишком взрослым, ты стал слишком умным.  
Из души-океана утекает вода.

Теперь гром и рокот опасных сражений  
В тебе вызывают дикий восторг.  
Есть рука, автомат и страстное жженье,  
И багровый закат, и пуля в висок.

# Дети 90-х

**Оксана Баранова**

*(стихи о моем детстве)*

Мы дети девяностых,  
Мы поколение "колы" -  
В цветных лосинах, в джинсах  
Играем возле школы.

Мы слушаем кассеты,  
Под "Руки Вверх" танцуем,  
Диснеевских героев  
На дневниках рисуем.

Мы ручкой пишем письма,  
Живем без Интернета,  
Мобильников и флэшек -  
Ждет впереди все это.

И, повзрослев однажды,  
Войдем мы в мир "хай-тека":  
Мы дети девяностых,  
И это наша вежа.

# Я спрошу: ты останешься рядом...

**Оксана Баранова**

Я спрошу: ты останешься рядом,  
Если кто-то другой отвернется,  
Если воздух наполнится ядом,  
Голос мой, как стекло, разобьется,  
Если станет ответом молчание,  
Если кровь на руках, если время  
Ни за что не найдет оправдания,  
Если буду забыта я всеми,  
Если вспыхнет в душе сожаление?..  
В пустоте, без потерь, без возвратов  
Безразличны и месть, и прощение.  
Но скажи: т ы останешься рядом?..

# Летнее утро

**Елаиль Миндаль**

А дождь лил так долго,  
Что никто не ждал уже солнца  
И тихо вера уснула,  
И, боюсь, уже не проснётся.

И кругом всё было так тускло  
И устали люди и звери.  
И мечтали все не о счастье,  
О покое, по крайней мере.

А девочка всё глядела  
В окно, и мечтала о чуде.  
А взрослые всё вздыхали:  
-Его не будет. Не будет...

И время тоскливо тянулось,  
От себя самого устало.  
Но вдруг все услышали крик:  
-Оно настало! Настало!

Летнее утро.

Оно было чистым и свежим,  
Оно было лёгким и звонким.  
И таким необычно спокойным,  
Но таким оглушительно громким.

Ты его во снах порой видишь,  
И в слезах просыпаешься... Больно!  
Словно радость тебе возвратили,  
А потом отняли невольно.

Оно, как сон, невозможно,  
Но оно пришло в самом деле!  
И хотелось от счастья заплакать,  
Неужели оно? Неужели...

Летнее утро.

Оно пахло солнечным светом  
И шуршало зелёной травой.  
И усталые нищие души  
Наконец ощутили покой.

А ветер унёс все тревоги,  
Как обрывки дождливых туч.  
И солнце на небе всходило  
И на лица лёг розовый луч.

И птицы летали так радостно,  
И ребёнок от счастья смеялся.  
А крик раздавался всё громче,  
По всей земле раздавался:

-Слышите все! Оно пришло!  
Пришло летнее утро!

# Ночь

**Элис Сорокина**

Ночь - пора раздумий в звёздной тишине.  
Это день сгоревший в сумерок огне.

Когда от событий остаётся сон.  
Ты идёшь задумчиво среди огней окон.

Изредка услышишь уханье совы,  
Но куда прекрасней звуки тишины.

В них увидеть можно судеб миражи.  
В них понять ты сможешь зеркала души.

# Старость, может быть уже я постарела

Иосиф Арабаджи

*и до старости вашей Я тот же буду, и до седины вашей Я же буду носить [вас]; Я  
создал и буду носить, поддерживать и охранять вас.  
(Ис.46:4)*

Может быть уже я постарела  
Годы пробежали чередой  
Да болеть конечно не хотела  
Но болезнь пришла сама собой

Я живу теперь живу и знаю  
Есть вокруг друзья и есть враги  
Завсегда на Бога уповаю  
Дал надежду он мне на пути

Силы покидают и здоровье  
Вида молодого уже нет  
И ищу повсюду исцеление  
Знаю что Господь мне даст ответ

Жизнь моя конечно угасает  
С жалостью все смотрят на меня  
Только жаль что многие не знают  
Что отдала Богу я себя

Закрываю я глаза с надеждой  
Той что сам Господь нам всем дает  
Не останусь на всегда я прежней  
Бог избавит выведет спасет

И моя надежда не стареет  
И она не может умереть  
Смерть придет и наше тело тлеет  
Песнь победы будем вместе петь

Старости совсем уже не будет  
Нет греха и смерть побеждена  
Той победы вечно не забудем  
Как сражен был дьявол сатана

Вот храню я вечную надежду  
Что дарована нам всем Христом  
Чтоб одеться в белую одежду  
Встретить Господа с любовью с торжеством

Пусть моя душа не унывает  
Есть надежда Господом дана  
Много человек о том узнает  
И спасется с радостью душа

# Выбор

**Элис Сорокина**

Давно уж отзвенел отбой,  
И город тихо спит.  
Лишь мэр, овеянный тоской,  
Всё за столом сидит.

Сейчас тридцатый век,  
Немыслима печаль!  
С загадок мира ведь  
Давно снята вуаль.

Так что ж его тревожит?  
Откуда страх крадется?  
Сомненье его гложет:  
А вдруг он ошибется?

Смешно это, чудно,  
Решенье ведь просто.  
Хотя, его и нет,  
Уже все решено.

Решили все давно  
У власти богачи.  
По сути, он - никто,  
Лишь подпись от него.

Так в чем же тут проблема,  
Коль подпись лишь нужна?  
Проблема вся в системе.  
Жестокая она.

Он знал, поставив подпись,  
На смерть всех обречет.  
Но выбора другого  
Теперь уж не найдёт.

Давно уже за полночь,  
Он голову склонил.  
И сон его в виденья  
Тот час же поглотил.

И на краю скалы он  
Во сне своём сидел.  
Над пропастью, над миром,  
Вниз с высоты глядел.

А там, внизу, метались люди,  
До тла загорали города,  
Всё делалось, не видя сути,  
Бежали всё скорей года...

И видел он тот мир ничтожный,  
Что раньше с верой прославлял.  
Не уж создатель ненадежный,  
Коль люд неверно направлял?

Но разве кто-то сжег планету  
В огне бессмысленной войны?  
Не получить ему ответа,  
Людей ответы не честны.

И он закрыл глаза вуалью  
На все проступки всех людей.  
И сделал "бога" виноватым  
Во всех последствиях страстей.

Потом, легко поставив подпись,  
Он, с грешно чистой душой,  
Легко губить продолжил судьбы,  
А "бога" наделил виной.

И жили люди дальше слепо,  
И всё горели города...  
Но были всё ж и те (хоть где-то!),  
Кому вся суть была видна.

И жизнь для них ставала мукой.  
Они бежали, всё скорей,  
Захлебываясь мнимой скукой  
Жестоких одиноких дней.

Конец, как видите, печальный.  
Печальный ли? Лишь для людей.  
Но есть уж парочка безумцев,  
Что верят в свет, Свет Наших дней.

## Новый шанс

**Оксана Мелихова**

Спокойно, ровно жизнь идёт,  
Её уже не виден гнёт,  
Но и в такой привычный круг,  
Другая жизнь ворвется вдруг,

Судьба подкинет новый шанс,  
Всё изменить возможно, но сейчас,  
До новых горизонтов, сделать шаг,  
Понять кто есть твой друг, кто враг,

Опять начать всю жизнь с нуля,  
Есть шанс один, вновь у тебя,  
Построить заново всю жизнь,  
Ты сам на это лишь решишь,

Что дальше будет, знаешь только ты,  
Принять, а может оттолкнуть мечты,  
Решится на безумство и поймать судьбу,  
А может отвернутся, мол и так живу,

Мы сами выбор делаем всегда,  
Всё изменить решаем иногда,  
А может, пусть останется как было,  
Решает наша воля, наша сила,

К чему раздумья приведут опять,  
Дается редко шанс, всё поменять,  
И сможешь ли, всё заново начать,  
Решаешь сам, чтоб никого не обвинять.

# Тяжело в этом мире романтикам

**Антон Зоркальцев**

Тяжело в этом мире романтикам,  
Им здесь слишком продажно и тесно.  
Здесь в цене только губки бантиком,  
Пошлость, проза и неестественность.

Им бы в лес, на поляну зеленую,  
Да любовное что-нибудь петь,  
Петь про рощу, весной обновленную,  
Про осеннюю мягкую медь,

Про бродяг, про коней да про всадников,  
Да про ночь, про восход и закат,  
Да про дом за резным палисадником,  
Да про брошенный искоса взгляд...

Им влюбляться б в любую прохожую,  
Но любить дорогую одну,  
Дорогую, на всех непохожую,  
Ту, что сердца ласкает струну.

Им стихи бы читать на кресле,  
С чашкой чая смотря за стекло -  
Маяковского, холодно если,  
И Есенина, если тепло.



# Дождь

Дмитрий Бояринов

Мне увидеть красоту твоих глаз,  
Не пустил проказник дождь.  
Ветер зонтик мой отобрал,  
Разгоняя по лужам дрожь.

И сижу я, вина этих двух  
Непогоды шальных детей.  
Не поглажу я твоих рук  
В этот хмурый осенний день.

Где приятель мой, солнца луч?  
Прокричу: «Помоги мне, друг!  
Мне увидеть бы милой глаза,  
Ощутить теплоту ее рук.

Помоги мне, природа мать,  
Разреши мне мою тоску.  
Разгони непогоды грусть,  
Злой разлучницы суету»!

Будто сжалившись надо мной,  
Ветер тучи все разогнал.  
И приятель мой, солнца луч,  
Путь к любимой мне указал.

И крича я: «Спасибо всем,  
Помогавшим моей судьбе»!  
И нарвав еще влажных цветов,  
Я бегу навстречу к тебе.

# Чепчик

Борисова Ольга

Большую стирку мама мышь устроила на днях.  
А ветер дул, в окно стучал, рвал листья второпях!

Проказник ветер маму мышь немного удивил:  
Сорвал, умчал её чепец и след его простыл.

Кружил, вертел, играл чепцом, водил с ним хоровод.  
Да в муравейник угодил! Закрыв беднякам вход.

- Какой же грозный великан, - пищали муравьи, -  
Носил такой большой чепец! Ни взять, ни обойти.

Наверно, этот исполин придет сейчас сюда.  
И перетопчет или съест нас всех! Беда! Беда!

Но тут шутник схватил чепец и радостно унес  
Через овраг, через кусты Медведице на нос!

-О, что за диво, посмотри! Не видела милей  
И чепчик меньше в десять раз, чем у моих детей.

Какой же крошечный малыш носил такой чепец?  
- Возможно, это лилипут,- рычал медведь отец

Не унимался ветерок, дул резче и сильнее.  
И вот опять летит чепец через камыш в ручей.

Мышонок маленький в воде кораблики пускал  
И миг летающий чепец увидел и поймал.

Сказал мышонок: "В самый раз он маме для зимы.  
Тот, кто свой чепчик потерял такой же, как и мы".

Так рада мамочка была, когда чепец нашли,  
Что своим детям испекла грибные пироги.

## **Рыжая осень**

**Абдалова Эльвира**

Рыжая осень, янтарная, яркая  
Скоро ты станешь седою совсем  
Как же ты вынесла (тихая, зябкая)  
Танцы о ветви хрустальных дождей

Как же ты - молчаливая, робкая  
Пряталась ночью в тени фонарей  
А на рассвете в тумане укутавшись  
Кружилась в пространстве пустынных аллей

Рыжая осень, янтарная, яркая  
Вот ты и стала седою совсем  
Веточка тонкая, гибкая, зябкая  
Белое платье, и губы бледней

У человечества память короткая,  
С каждым рассветом зима всё сильней  
Злая, заснеженная и одинокая  
В жутком морозе, средь чёрных аллей

Рыжая осень, янтарная, яркая  
Вот и настала пора уходить  
Алою кровью рябина раздавлена  
С сердцем, когда-то способным любить

# Меланхолия

Абдалова Эльвира

Любить, так грустно и забавно  
Оксюморон день ото дня  
Вдвоём – всецело  
Врозь – стенания  
Зачем все это? Ох, беда!

Сижу я, в думы погружаясь,  
С пустынным сердцем, с дымкой зла  
Осенний ветер, дождь, стенания  
Одна печаль, один и я

Кружатся листья в ритме вальса,  
Шурша, касаясь мостовой  
Людские толпы, лица – маски  
А может просто кто - то злой?

К чему придирки и обиды?  
К чему столь удручённый вид?  
Вся наша жизнь – да, не картинка,  
Но, что мы можем изменить?  
Хотя ведь «мы» - скорей неверно,  
Вернее, будет только «я»  
И в назидание, нет, примерно  
Жизнь хороша! О, нет, брехня!

# Коварство

Дзотта

Безмолвно Равнодушие храня,  
взирая на Ошибки и Сомненья,  
Беспольным духом проникая сквозь меня,  
и сердцу оставляя Сновиденья,

играя Жизнью партию свою,  
не ведая ни Жалости, ни Боли,  
не оскверняя Чистоты струю,  
не отрицая поиск лучшей Доли,

не предавая Совершенство форм,  
ища в Уродстве капельку Соблазна,  
нырнув в Эмоций не прожитых шторм,  
поверив в сладко-горькое Напрасно,

и Смелости ничуть не потеряв,  
у страждущего отобрав лекарство,  
и вечной женской Тайны не познав,  
к порогу приближается... КОВАРСТВО!

# А все намного проще...

**Дзотта**

Пусть,  
выжжена душа моя дотла  
и коркой ледяной покрылось сердце,  
от чувств былых осталась лишь зола  
и наглухо закрыта память-дверца,

до капли выпит, и опустошен  
сосуд мечты, надежды, счастья, веры,  
страсть, словно сладко-приторный крющон  
уж не пьянит меня в желаньях смелых...

Пусть,  
ложью искорежена судьба,  
за стенами пустых воздушных замков  
покоится вчерашних грёз раба.  
А сказка обрывается внезапно...

Пусть,  
мост меж берегов чужих сожжён,  
затоплен остров неги и уюта,  
и наступают тени с двух сторон -  
зловещие фигуры абсолюта...

Фантасмагория накалена!  
Внутри все чувства сжались как пружина.  
У счастья слишком высока цена,  
и кажется спасеньем - гильотина...

Развеет морок утренняя трель,  
чар чувственных из соловьиной рощи...  
День растушует красок акварель  
на жизни лист....

А все намного проще...

# Знаешь...

**Дзотта**

Ты далеко...  
Ты где-то на краю земли...  
Не знаешь обо мне, не ищешь, не мечтаешь...  
Ты - далеко...

Там, где пронзают корабли  
космические время и пространство...

Знаешь,

а я совсем не знаю кто ты?  
И какой?  
Чем дышишь?  
Чем и как живешь?  
О чем мечтаешь?  
Цвет глаз твоих - зеленый, карий, голубой?  
А запах: сладкий?  
Терпкий?  
Мятный?  
Не узнаешь,  
меня в толпе, наверно, ты...  
Не позовешь  
с собою...  
За собой...  
Быть просто рядом....  
Знаешь...  
Я так боюсь тебя не встретить...  
Боль и ложь  
давно живут в душе моей ...  
А ты считаешь  
часы, минуты, годы, месяцы и дни  
до нашей встречи?  
Веришь в это?  
Ну, признайся?  
Ты мне не снишься больше...  
Сны мои - они  
все ни о чем....  
Ты наяву, сейчас, прошу, останься...

# Подари мне крылья, ветер!

**Дзотта**

"Подари мне крылья, ветер!  
Залечи на сердце раны...  
Я скачаю в интернете  
ссылку эту на экране,

сохраню в загрузках файлы,  
перейду по ссылке следом.  
А наутро, в край тот, дальний,  
улечу... Ища, там, лето...

Подари мне, ветер, крылья,  
не скупись, отдай задаром!  
Как устала я быть сильной,  
ждать судьбы пинков, ударов...

Подари мне сказку, лето!  
Подари мне смех и радость,  
сон, объятый согревший  
и любви взаимной сладость...

Подари мне краски, лето,  
всех цветов, что есть у радуг!  
Дай, душе моей ответы:  
"Что же, все-таки, мне надо?"

Подари мне, ветер, крылья!  
Улететь хочу в края я,  
где несчастья черной пылью  
оседают, выгорая...

Подари мне крылья, ветер!  
Заскучала муза в клетке...  
Не лови жар-птицу в сети,  
пусть поет себе на ветке.

Подари мне крылья, ветер!  
Подари воскресным утром,  
чтоб проснувшись на рассвете,  
я за счастьем, по маршруту

полетела, оставляя  
черноту дорог унылых  
во вчерашнем дне. Со зла я  
сердце там похоронила ...

Подари, побудь же щедрым,  
и воздастся все сторицей!", -  
как-то я просила ветра,  
вздумала, когда влюбиться...

## **Песочных замков след...**

### **Дзотта**

Песочных замков след остался на песке.  
Еще мгновение и волною смоет  
мои иллюзии. И для меня никем  
ты будешь в моей новой жизни, вскоре...

Песочный замок башни смысл морской прибор...  
Я впредь в иллюзии не стану верить...  
Не стану больше я дышать одним тобой,  
не стану счастье встречами я мерить.

Воздушных замков след останется в душе,  
еще на фото, в SMS-ках тоже...  
И слов банальных сладко-приторных клише  
не буду слышать, искренность дороже...

Пускай останутся иллюзии и ложь  
в песочной сказке. Море, крики чаек,  
закат багряный, бриз, по телу всему дрожь...  
Я утаю, как по тебе скучаю...

Песочных замков след остался на песке.  
Еще мгновение и волною смоем  
мои иллюзии. Маячит вдалеке  
история с совсем другим героем...

# Надев на себя цепи из ЗОЛОТЫХ ОКОВ

Карина Войтюк

Надев на себя цепи из золотых оков,  
И выставив на теле крест, в который нету веры,  
Шла женщина из высших, как ей чудилось слоёв,  
Не зная в собственной гордыни меры.

Здрав пустую голову, как можно выше,  
Ей показалось, что все ей что-нибудь должны,  
Она была готова только лесть услышать,  
А в правде не было ни капельки нужды.

И образ был ее, почти что человека,  
И внешность якобы была,  
Но в свои, практически полвека,  
Она и жизни то не поняла.

Злорадствуя чужому горю,  
С ухмылкой почти как у гиены,  
Она не зная настоящей боли,  
Шла сквозь людей, как через пустые стены.

В ее мечтах была лишь только корысть,  
Используя ей преданных людей,  
Создав из ненависти помесь,  
Она была, как потерянный злодей.

И все кругом ее не понимали,  
Искали, что же в ней не так.  
Но люди попросту не знали,  
Как прячет она горесть под колпак.

Ей горько было от бессилия,  
От одиночества и многих бед.  
Но тут, увы и ах, ее усилия,  
Лишили ожидаемых побед.

Мораль сей басни такова:  
Вы не судите строго тех глупцов,  
Кто вслед смеётся вашей боли.  
Из них не вышло мудрецов,  
Должны же им достаться, хоть такие роли?!

# Любовь, для каждого лишь просто слово

**Карина Войтюк**

Любовь, для каждого лишь просто слово,  
Его так сложно всем сказать,  
Но слышим мы его, практически от каждого второго,  
И давит чувство, что ни дать, ни взять.

Любовь нам кажется понятной,  
Ней мы оправдываем обычное влечение.  
Но, зачастую, чувства выглядят невнятно,  
А позже, требуют душевного лечения.

Мы путаем любовь с вниманием,  
Оправдываем каждый лишний взгляд.  
А иногда для простого понимания,  
Нам нужно знать, что кто-то нам сегодня рад.

Но не всегда любовь является обманом!  
Она приходит в жизнь практически внезапно,  
И обрамляются простые дни туманом,  
Что просто нет желания, вернуться нам обратно.

Мы растворяемся в родном дыхании,  
В сердцебиении находим нужный ритм.  
И появляется непреодолимое желание,  
Быть только рядом, только с ним!

И, тут приходит осознание,  
Что ранее казалось чуждым.  
Человек, идущий рядом - важнейшее создание,  
На веки вечные, становится нам нужным.

С ним воздух свеж и жизнь прекрасна,  
С ним солнце светит, даже в хмурый день.  
Он небо серое украсит ясной,  
Волшебной радугой, рукой снимая тень.

Любовь, по сути, просто слово,  
Но лишь его способны осязать.  
Для этого, всего-то надо быть готовым,  
Свою судьбу с другой судьбой связать!



# Говорят, что нужно избегать

**Карина Войтюк**

Говорят, что нужно избегать,  
Людей, что сетуют на бедность.  
Но как глупец способен знать,  
Что для другого это честность?

Признаться в том, как тебе сложно,  
Пытаясь выходы найти.  
Ища вокруг людей похожих,  
Чтоб от проблемы вмиг уйти.

Говорят, что нужно избегать,  
Людей, что сетуют на горе.  
Но как глупец способен знать,  
Ни разу не испытывая боли?

Таких "философов" кругом,  
Так много, что и не сосчитать.  
Они пекутся только об одном,  
Чтоб их хотели почитать.

Взывают "люди" к уважению,  
Признание хотят найти,  
Но только в строках унижения,  
Им от себя ведь не уйти!

# Как книга с непрочитанными строками

**Карина Войтюк**

Как книга с непрочитанными строками,  
Что чужды искушенному читателю,  
Со всеми скрытыми пороками,  
Я предстаю перед простыми обывателями.

Меня понять сумеют единицы,  
А есть и те, кто просто пролистнут.  
Одни увидят небылицы,  
Другие здесь себя найдут.

В моих страницах много боли,  
Но прочитав их многие поймут,  
Как сложно быть добром в неволе  
И быть закованным в хомут.

В хомут из страха и терзаний,  
Из неприятия жестоких дел,  
Где нет простого понимания -  
Злорадство - глупости удел.

И книги призваны учить,  
Чтоб вынести достаточный урок,  
Как быстро можно уличить,  
Того, кто в жизнь несёт порок.

Увы, я книги раньше не читала,  
Я слепо верила, что люд мне мил.  
И, к сожалению, совсем не понимала,  
Кто был мне враг, а кто любил.

Но нынче я сама, та книга,  
Наполненная множеством простых идей.  
Я отличаю, что добро, что лихо,  
И убираю всех ненужных мне людей.

# **Живу, как сердце мне велит**

**Карина Войтюк**

Живу, как сердце мне велит,  
Не осуждаю мир и не корю,  
И даже если день печаль сулит,  
Ему "спасибо" говорю!

Живу, как будто в мире всё прекрасно,  
Прощаю и смотрю вперёд.  
Не вижу смысла злость держать напрасно,  
Она сама собой ответчика найдёт.

Ответ держу я перед Богом,  
Других учить я не берусь.  
Я рассуждать могу о многом,  
Но есть и то, чего боюсь.

Моя душа, как темный лес,  
Но нет в нем той пугливой тайны.  
Я каждый день все жду чудес,  
Ведь вера тоже не случайна!

Врагов я рядом не держу,  
Да и врагами их я не считаю,  
Я просто тихо ухожу,  
Бесценный опыт получая.

Кривить душой я тоже не умею,  
Любить того, кто мне не мил,  
И гневных слов сказать не смею,  
Тому, кто был со мной ульстив.

Мучений тьма во мне, как и вопросов,  
И видит Бог, хочу ответ найти.  
И я совсем уж не философ,  
Я просто следую по своему пути.

# Луноцвет

Фаустов Сергей

Пусть серебро Луны покроем тайной имена  
И Лиры дух пусть будет милосердным  
Поэзия Любви не формой слов облечена  
А языком влюбленных душ, бессмертным

Мелодию вплетает лютня в ветра нотный стан  
А надо мною арфы песнь безбрежна  
Прекраснейшая дева изо всех известных нам  
С балкона услаждает слух мой нежно

И льется в переливах ее песнь ночным вином  
Сапфир искрит на пальцах перебором  
А луноцвет трепещет под распахнутой Луной  
Дыша пылью, звенящей до-минором

О том,  
Что Любовь не смотря ни на что побеждает смерть  
Все, что может цвести, возрождаясь, оставит во времени светлый след  
В каждой новой искре есть желание вспыхнуть и пламенем ярким гореть  
Тайну эту раскроет тебе на заре луноцвет

В глазах твоих мне видится печаль нездешних мест  
С тобой я чувством этим окольцован  
Гонцов крылатых в звуках лютни шлю тебе как весть  
О том, что арфы песней зачарован

О том, что пальцы нежные по прежнему легки  
А в голосе твоём любви обеты  
И знают клятвы наши однодневки мотыльки  
Кружащие над белым луноцветом

И я священной клятвы этой тоже не забыл  
У пруда принесенной в знак венчальный  
Что если б вдруг тебя я на мгновенье разлюбил  
Лишился бы души своей печальной

Но Любовь не смотря ни на что побеждает смерть  
Все, что может цвести, возрождаясь, оставит во времени светлый след  
В каждой новой искре есть желание вспыхнуть и пламенем ярким гореть  
Тайну эту раскроет тебе на заре луноцвет

Но вот рассвет пастелью теплой пишет небеса  
Скрывают свою нежность луноцветы  
И тают в искрах башня и иные чудеса  
И мотыльки, и озеро, и силуэты

Но не страшит забвение влюбленные сердца  
Луна нас вырвет вновь из тьмы разлуки  
Я поцелуй прощальный нежным шлю твоим устам  
И утихают музыка и звуки

Я тоже растворюсь при свете дня..  
еще один рефрен - и нет меня

А Любовь не смотря ни на что побеждает смерть  
Все, что может цвести, возрождаясь, оставит во времени светлый след  
В каждой новой искре есть желание вспыхнуть и пламенем ярким гореть  
Тайну эту раскроет тебе на заре луноцвет

## Ткач

**Фаустов Сергей**

Тонкая серебряная нить  
Вертикальной осью, чуть звеня  
Позволяет с легкостью творить  
Бытие из бездны небытия

Смесью золота и бархата - паук  
Клавесиновыми спицами сучит  
В бусине хрустальный перестук  
Отражаясь, кадрами искрит

Восемь линз глядят в окно ночи  
-Почему так поздно, где ты был?  
Ожиданий высохли ручьи  
Ужин на столе давно остыл...

-Так и знал, что снова ты начнешь!  
-Так чего же ты пришел домой?  
-Пожалел тебя, что не уснешь  
-Ты меня не любишь, ты - чужой!

-Ладно, не сердись, был у друзей  
-Что, не мог оттуда позвонить?  
-Я забыл. Я был навеселе...  
-Ты опять сорвался, начал пить!

Он ей что-то нервно говорит  
Снова плачет, мечется Она  
Бусина тревожнее искрит  
Белым накаляется струна

Лапка поворачивает шар  
В хрустале опять видны лучи  
И сменяется былой кошмар  
Нервным ожиданием в ночи

Дверь открылась - блеск, духи, цветы  
-Где была? Что, снова у него?  
Слышен детский плач из темноты  
-Да куда уж, хватит одного!

-Так букет откуда, черт возьми!  
-Девочки поздравили меня!  
Он кричит и хлопает дверьми  
Снова накаляется струна

Вновь над сферой трудится паук  
Светлый блик очистил все, звеня.  
Только ночь. И в двери легкий стук:  
-Ты прости!  
-Нет, ты прости меня!

-Я тебя люблю! Прости, что груб!  
-Знаю! Я бываю не права!  
И слетают поцелуи с губ  
И кружатся нежные слова

В хрустале светлеют миражи  
Утверждая смыслы меж пустот  
Зажимают лапы фиксажи  
Да, таков желаемый исход

Да, у нити идеальный звук  
Да, хрусталь сверкает, как ручей...  
Но не знает устали паук  
В океане Вечности Ткачей

# Питер

**Анастасия Радионова**

А давай, махнем с тобой в Питер,  
где дожди и туманы седеют?  
Я свяжу самый лучший свитер,  
чтобы в холод было теплее.

А давай, по музеям, театрам  
целый день, а ночами – рисунки.  
Каждый вечер, после спектаклей,  
будем греть замерзшие руки...

А давай, на холсты белоснежные  
мы обрушим красивейший дождь.  
Пусть с картин полетят заржавевшие,  
золотые отрывки из грез.

# **Писатель, редактор, философ**

**Юрий Тубольцев**

**Вы любите писать рецензии. Что сложнее творить или оценивать чужое творчество?**

Я пишу рецензии на стихи и прозу сетевой литературы каждый день, обычно одну в день. Пишу их с удовольствием и считаю себя литературным критиком. Еще я регулярно пишу рецензии на интервью интересных личностей.

**Как критик, что посоветуете коллегам? Как авторам, так и критикам.**

Я бы посоветовал всем, кто работает со словом, переписывать рассказы Чехова. Также очень эффективно слушать аудиокниги. Еще очень полезно иногда читать вслух. Ну и, конечно, обязательно надо учить как стихи, так и прозу наизусть.

**Создание творческого окружения вокруг себя. В чем это проявляется?**

Я добавляю интересных писателей себе в друзья в фэйсбук и в вконтакте, с некоторыми перехожу на скайпе. Мы с ними регулярно переписываемся и оцениваем работы друг друга. Я в 2008 году создал сообщество «абсурдософия» и общаюсь в кружке абсурдософов. Также я хожу в литературный институт на «Кружок Белкина» и посещаю он-лайн поэтический кружок «Личный взгляд».

**Абсурдософия – звучит как названия нового философского течения. Много единомышленников?**

Да, это и есть новое философское и литературное направление. Единомышленников у нас много. Мы в 2005 году открыли новый сетевой журнал «Речевые игры» и наши единомышленники публикуются в нашем журнале. Также у нас есть журнал «Звезды» и сообщество «Абсурдософия» на фэйсбуке и в вконтакте. Особенно много активных друзей у нас в нашем сообществе в фэйсбуке. Сейчас мы развиваемся в первую очередь через социальные сети.

**Как вам опыт ведения собственных журналов? Редакторская деятельность сильно отличается от писательской?**

Вести журналы — это один из способов социальной интеграции, адаптации и социализации в сообществе писателей. Быть редактором — это всегда ответственность, интрига и творческий вызов. Жизнь становится ярче и интереснее, когда берешь на себя функцию редактора. Приятно, когда помогаешь людям самореализоваться и самоактуализироваться в литературной сфере.

**Как вы считаете, в наш век цифровых технологий, старый формат печатных изданий еще актуален или он уже изживает себя?**

Традиционные печатные книги останутся. При чтении бумажных книг лучше концентрация внимания, легче запоминать информацию зрительно и тактильно и более эмоциональным является чтение и учеба. Также, как и письмо ручкой останется, так и всегда будут бумажные книги. Коэффициент полезной работы с книгой выше, когда книга традиционная.

**Ваши журналы выходят в печати?**

Я работаю в жанре «сетература» - сетевая литература, мои журналы виртуаль-

ные на основе самых популярных русскоязычных порталов proza.ru и stihi.ru. Длительное время ссылка на мои журналы была на главной этих сайтов и журналы посещало огромное количество читателей, намного больше, чем если бы они были на бумаге. И сейчас журналы активно посещают. Часто в интернете намного больше прочтений, чем офф-лайн. Еще одно преимущество - интернет-журнал бесплатный.

**Ведя «Дневник писателя» вы начали сбор материалов для будущих произведений. Вы всегда так ответственно подходите к работе?**

Да, я считаю, что писатель — это важная и нужная, ответственная работа и работать писателем надо даже во сне. Писатель всегда, каждую секунду собирает материал и думает о своем творчестве. Писатель должен быть очень зорким, внимательным и наблюдательным.

**Писатель больше создает свое, личное, или же заимствует из окружения?**

Если писатель интроверт — то личное, если экстраверт — то из окружения, но настоящий писатель должен сочетать в себе качества интроверта и экстраверта. Также писатель должен занимать активную творческую позицию и быть в постоянном творческом поиске.

**Вы создали на ютубе аудиокнигу «3000 афоризмов Юрия Тубольцева». Можно подробнее об этом проекте?**

Этот оригинальный проект — видеокнига. Он начался с идеи «наложить» свои фотографии на афоризмы. Такой «оригинальный формат» является авангардной формой подачи текстов. Я стал монтировать ролики по 3 минуты 30 секунд из 30 фотографий с афоризмами. Уже готово 83 эпизода. Аудиокниги у меня тоже есть на ютубе.

**Аудиокниги сами озвучиваете?**

И сам озвучиваю и приглашаю профессиональных дикторов. С одним из та-



## **Интервью с автором**

ких дикторов мы уже дружим 12 лет, это Андрей Кабилов из Тальятти.

### **А как опыт издания печатных книг?**

Я издал две печатных книги тиражом 20 экземпляров и третью книгу в одном экземпляре для отдела «критики» журнала «Знамя». Официально пока у меня три изданных книги. Строю планы издать четвертую книгу в хорошем издательстве.

### **У вас внушительный послужной список: и участие в конкурсах, и членство в литературных союзах. Тяжело ли вести такую активную творческую жизнь?**

Образ жизни — это призвание. Я реализую свое предназначение, я на своем месте, я чувствую себя в своей тарелке, в своей нише. Для меня иначе не возможно. Я нашел себя, нашел свой путь, нашел свою роль. Я считаю, что каждый человек должен быть лучшей версией себя и жить своей жизнью.

### **Сейчас бушует пандемия коронавируса. Как вы считаете, она сильно скажется на творческой жизни общества или нет?**

Пандемия спровоцировала творческую активность. Люди стали больше сидеть дома, и все свободное время начали уделять творчеству. Я думаю, что пандемия — период максимальной творческой активности писателей.

### **Пандемия даст толчок развитию творчества? Может, появятся новые**





**жанры, направления на волне борьбы со смертельно опасным вирусом?**

Да, уже появился новый жанр — философия хрупкого мира. Философский факультет МГУ уже весь месяц проводит цикл лекций в этом новом жанре.

**Вы планируете написать полифонический роман, как у Достоевского, с элементами Кафки. Задумки уже есть?**

Да, для начала я в последние 2,5 месяца написал около 100 мини-рассказов. Потом постепенно рассказы будут обрастать мясом. Как говорится — кости есть — мясо нарастет. Скелет будущего романа уже написан. Друзья мне говорят, что главное — удачно начать. А дописать «каркас» — это уже дело техники.

**Интересный поход. Вы создаете небольшие рассказы, а потом связываете их в единый роман?**

Да, это как бы «творческая серия», типичные и похожие рассказы можно объединять и как из кирпичиков складывать из них роман. Это метод «мозаики», метод коллажа.

**Вы сказали, что никогда бы не написали о дне общества, о негативных, развратных моментах жизни, о грубости и о политике. Вам не нравится антиутопия?**

Антиутопии я иногда читаю, но мой стиль — это позитив, конструктив и созидание. Я за конструктив. Я придерживаюсь теории социалконструктивизма, что реальность и факты являются социальной конструкцией, писатели конструируют жизнь словом, язык первичнее, чем реальность, т. к. именно через словесные шаблоны, нормы и речевые стереотипы возникает действительность, люди подражают тому, что видят в фильмах и читают в книгах. Поэтому я хочу, чтобы мои читатели брали пример с добрых, благородных образцов.

**Да, но это позиция ярко контрастирует с мечтой о вашем романе. Произведения Кафки и Достоевского не блещут позитивом. Их герои проходят через тяжелые испытания, как физические, так и душевные. Последнее в большей степени. Не кажется ли вам, что работать в таком ключе будет сложно?**

Писательская деятельность — дело не простое. Но я сложностей не боюсь. Я за философичность, мое творчество — это гибрид литературы и философии. Я беру пример с Бахтина и его «теории полифонического романа», когда нет единой идеи и единой гармонии, а есть разноголосица, борьба и взаимное пересечение различных точек зрения и позиций, все голоса ведутся как самостоятельные партии, разные идеи конфликтуют и создают противоречия, а авторской позиции нет, все мнения и мировоззрения равноправны.

**Не боитесь быть не понятым простым обывателем?**

У каждого писателя есть «свой читатель». Моя «целевая аудитория» меня понимает, и это главное. Нельзя нравиться всем, но иметь постоянных читателей очень приятно. Мне пишут множество рецензий, и я получаю информативную, интересную обратную связь от своих постоянных читателей.

**Есть ли современные авторы (классиков трогать не будем), чьим постоянным читателем являетесь вы?**

Да, я постоянно читаю поэтессу и прозаика Виолетту Баша, поэта Ната Весенина, я на них подписан и они присылают мне ссылки на свои новые работы. Есть еще около пятнадцати постоянных авторов голландского русскоязычного сайта АндерсВал, которых я регулярно рецензирую, т. к. являюсь постоянным читателем этого сайта.

# Ангел, что рядом с тобой

Остапенко Александр

«Вот. Я посылаю пред тобой Ангела хранить тебя на пути и ввести тебя в то место, которое Я приготовил» (Исход 23:20)

Пожилой мужчина не торопясь шел по тротуару, а за ним чуть правее, не отступая ни на шаг, шествовал ангел-хранитель. На их пути возникло препятствие в виде яркой ленты протянутой поперек улицы, на уровне пояса - впереди, шли ремонтные работы. Тротуарная плитка сменялась жидкой грязью. Мужчина, искоса глянув, через правое плечо, предложил:

- Давай перейдем на другую сторону?

Ангел запнулся. Поначалу он подумал, что мужчина обращался к самому себе, что это мысли вслух. Или это он обратился к кому другому? Ангел закрутил головой. Улица была пустынна, кругом ни души.

- Это вы мне? - удивился ангел.

- Да. - Мужчина спокойно стоял, разглядывая ангела в его кипенно-белых одеждах.

- Но как? - удивился тот. - Вы не должны меня видеть!

- Не должен, - согласился мужчина. - Но, вижу...

Они неторопливо перешли улицу, на другой стороне ремонтные работы еще не начинались, и можно было идти по улице, не страшась испачкаться.

- Видишь ли... - начал мужчина. - Когда я прошел Афганистан без единой царапины, мне говорили, что меня оберегает ангел-хранитель. Когда, я избежал плена в Сомали, мне мои товарищи твердили о том же, но я смеялся. Когда попал в аварию, в которой погибли все, кроме меня, когда чуть не сгорел в пожаре, когда перенес два тяжелейших инфаркта, мне долдонили то же самое, но я уже не смеялся. Сначала задумался, а потом просто стал верить, что ты у меня есть. И чем больше я верил, тем чаще стал оглядываться через правое плечо в надежде увидеть тебя. Прошло время, и я стал замечать краем глаза твое присутствие.

Ангел заинтересовано ускорил шаг, сократив положенную по инструкции дистанцию. Теперь они шли рядом, плечом к плечу.

- Вначале мне показалось, что я вижу белое, на самой периферии моего зрения. Поначалу, подумалось, что это катаракта или глаукома, наверное. Но, нет, это оказались твои одеяния. Точно, они. Стал косить глаза чаще, вглядываться пристальней и пару раз в поле зрения мне попали твои белоснежные крылья. А сегодня утром проснулся и увидел, как ты сидел в изголовье моей кровати, понял, что ты не спал всю ночь, следил за мной, за моим сердцем, чтобы его неровный бег не остановился. Верно?

Ангел кивнул. Так и было. Сегодня ночью старое, изношенное сердце сорвалось в ритмию, и мужчина заворочался во сне, хрипя и хватая ртом воздух. Еле удалось отвадить старуху с косой, убедив ее, что еще не время.

- Я хотел сказать тебе спасибо мой ангел, - серьезно сообщил мужчина. - И поговорить с тобой... просто так, за жизнь.

Мужчина улыбнулся, ангел тоже, машинально подхватывая его под руку, чтобы пойти с ним в ногу дальше. Им было сегодня, о чем поговорить...

«И простер Ангел руку свою на Иерусалим, чтобы опустошить его» (2Цар. 24:15-17)

Ангел тщательно расправил темный плащ, набрасывая его на свои плечи, пряча крылья аспидно-черного цвета от моросящего дождя. Проводив взглядом прошедшую мимо парочку — пожилого мужчину, с усталым и больным лицом и своего собрата - крылатого посланника небес в ослепительно белых одеяниях, он вышел из своего укрытия и тенью скользнул вслед за ними. Двигаясь совершенно бесшумно, темный ангел шел следом, одновременно краем уха слушая беседу впереди идущих и размышляя о своем.

Аритмия... А именно пароксизм мерцательной аритмии, состояние, когда сердце срывается в бешеный галоп, хаотично схлопывая желудочки. От чего кровь не поступает должным образом в легкие, не насыщается кислородом. Наступает гипоксия, от которой страдают и мозг, и само сердце, в своей тахикардии требующее втрое больше питания. Замкнутый круг. Иногда смертельный. Не зря светлый сидел всю ночь у кровати, в напряжении вглядываясь в ауру человека, отслеживая работу его сердца, кровотока по сосудам. Тогда как темный ангел, разрываясь, пытался придумать способ разбудить вовремя подопечного (а это не так просто, как могло показаться! Время действовать в открытую давно кануло в лету. Влиять на объект приходилось всегда опосредованно, а это всегда на порядок труднее) и одновременно отслеживал вероятностные линии будущего сразу на нескольких направлениях. А именно, следил за передвижением всех бригад скорой помощи на ближайшей подстанции. Окажется ли в нужный момент свободная машина, как быстро сможет она приехать и так далее. Довольно утомительное занятие, даже для ангела. Но, что такое приступ аритмии, по сравнению с другими ситуациями, которые попадались на нелегком пути человеческом, и с которыми приходилось разбираться ангелам-хранителям? В том же Афганистане, кто сосчитал сколько раз ему, ангелу в темном, пришлось уводить человека от пули? Да, общей операцией всегда руководил светлый, но, извиняюсь за каламбур, вся черная работа лежала именно на плечах ангела в черных одеждах и черными крыльями за спиной. «Спасти любой ценой!» - был приказ, и, подчиняясь старшему, темный ангел защищал человека и от пули, и от шального заряда, и от удара штыком. И как так, получилось тогда, что уведенная со смертельной траектории пуля снайпера угодила не в человека, которого они оберегали, словно зеницу ока, а в его лучшего друга, его боевого товарища рядом? Где был ангел-хранитель того несчастного, которому пуля угодила в переносицу? Предусмотреть все, не дано даже ангелам, сказал тогда светлый. После того случая темный уверовал в то, что на смертного, что они опекают столько лет у Бога особые планы. Какую роль он должен сыграть в Великой партии, что разыгрывает Создатель? Кем будет этот человек? Пророком? Святым? Предтечей? Не похоже. Особой веры в нем нет. Тогда это просто очередное звено на пути к Мессии? Маленький кусочек мозаики в большом панно Мироздания? Маленький и, казалось бы, незначительный, но без которого картина останется не законченной? «Сохранить и спасти! Любой ценой!» Подобные приказы от светлого, вылетают из его уст почти каждый день. Он этим, в последнее время, даже немного даже притомил ангела в темном! А на могилу своего товарища, погибшего от пули снайпера, человек ходит каждый год, будто знает, что тот принял его смерть на себя.

Хуже Афганистана было с Сомалийскими пиратами. Тут промашка светлого, не предусмотрел. Проще было бы свернуть немного жизненный путь человека, подправить немного, не пускать в моряки, или хотя бы не пускать в экипаж того, несчастного судна, которое едва не попало в плен к сомалийским пиратам. Сколько усилий пришлось приложить тогда темному и не сказать! Если бы ангелы могли поседеть, тот бы точно поседел. Тогда ценой того спасения жизни подопечного оказалась жизнь двоих пиратов. Да, пусть они оказались заклятыми грешниками, но все же жизнь есть жизнь! Но, самой страшной расплатой за жизнь одного человека в возрасте стала жизнь ребенка. Темный ангел не любил вспоминать этот эпизод, но

каждый раз все равно возвращался к нему. Второй инфаркт, в отличие от первого трансмуральный. Светлый видел, как наступает кардиогенный шок, как мерзкая старуха с косою радостно подкрадывается к изголовью кровати, и отдал очередной приказ. «Спаси! Любой ценой!» Что темный и сделал. Небольшой сбой в работе компьютера диспетчера и бригада едет не к больному ребенку, а к пациенту с сердечным приступом. Ангел в черном потом специально узнавал, что случилось с ребенком. Несколько часов промедления обернулись для него смертью. Молниеносная форма менингита. «Невинная душа! В раю она обретет счастье и покой!» - только и сказал тогда светлый.

Темный не знал, мучился ли сомнениями светлый. Скорее всего, нет. Хоть они вместе и служат Создателю, одеяния у них разного цвета. «Светлые служат благими вестниками, гласом божьим, они ведут армии в атаку. Мы же — простые солдаты, исполнители, которых много. Такие как он, в сверкающих одеждах, сообщают заплаканной девчужке лет двенадцати о приходе Спасителя, тогда такие как я уничтожают Содомы и Гоморы. Белый цвет заслужили те, кто слепо верит в Его промысел и слепо повинуется ему, видя даже в боли и страдании благо. Я же, скорбел по каждой душе, ушедшей в мир иной, по моей вине или нет» - думал ангел, и мысли его были черны, подобно его плащу.

Когда ангел в белом подхватил человека под руку, словно отмечая этот невероятный факт контакта смертного и ангела, тучи на короткий миг разошлись, бросив вниз, на землю копьё солнечного света. И в этой короткой вспышке темный ангел, опуская взгляд к земле, заметил невольно, что ослепительно белые одежды идущего впереди посланника небес, внизу, у самого края испачкались. Грязь раскисшей земли оставили на них темные разводы. «Не может быть!» - подумалось тогда темному ангелу. Ошеломленный увиденным, он невольно замедлил шаг. Но, если бы темному ангелу суждено было обратить в тот миг взгляд на себя, то он заметил бы, что в небесном свете изменил свой цвет и его плащ. Из черного тот стал серым, со стальным отливом.

## Колобок 2.0

Остапенко Александр

0.0

Жили-были старуха со старухой. Вот и говорит, как-то, старик своей старухе:

- Поди-ка, старуха, по коробу поскреби, по сусекам помети, не наберешь ли муки на колобок.

Опешила старуха. Лет ей было предостаточно, и что такое "сусек" она забыла.

- Слышь, старый? А где у нас сусек? И как он выглядит? - прошамкала старуха, вопрошая у своего благоверного. Дед почесал в затылке.

- А черт его знает! Я тоже запомнил! А ты погугли! Вон от внучки старый компьютер остался!

- И то верно!

Старуха села за стол, смахнула с древнего системника пыль, сняла с монитора вышитую салфетку. Глухо завыл кулер, мерно защелкал винт. Экран заморгал и засветился, как полагается, через пару минут загрузки явив миру заставку операционной системы.

- Как там внучка меня учила? - самоуверенно ткнула старуха пару клавиш. - Мне бы только... Этот как его? Браузер бы запустить!

Дед с умилением смотрел, как водрузив на нос пенсне, сгорбившись, старуха тыкала пальцами в клавиши, пытаясь в строке поиска набрать слово "сусек". Долго ждал дедушка, но как говорится "скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается". Наконец, не выдержал старик:

- Ну, старая! Узнала что ли?

- А? - старуха оторвалась от монитора, вытирая свои слезящиеся глаза. - Что узнала? погоди ты со своим сусеком и колобком! Слышал новость? Петросян разводится со Степаненко!

- Или ты! - дед аж подпрыгнул от неожиданности. - Не может быть!

- Сам погляди!

Дед пододвинул ещё один стул и сел рядом со своей старухой... Так и не вспомнили в тот день старик со старухой, что такое сусек, не испекли колобка. Зато многое узнали они из всемирной сети про разводы звёзд, про Дом-2, про пенсионную реформу да санкции иноземные, про... да про многое чего. Но это сюжет уже совсем другой сказки!

## 1.0

Так или иначе, но в свой срок колобок был испечен. Испечен и одушевлен. А в ходе становления своей личности колобок неизбежно столкнулся с кризисом, который вылился в бунт, сопровождаемый побегом из отчего дома... А может, и кризиса личности-то и не было, а колобок просто догадался о своем истинном предназначении? Что, так или иначе, быть ему съеденным? Ведь не зря положили его остужаться на подоконник. Не будем гадать о причинах, поговорим о том, что колобок покатился в дальнюю даль, и на своем пути он встретил несколько темных личностей, от которых он благополучно убежал. Как спросите вы, существо из рыхлого теста, без ручек и ножек сумел обхитрить таких зверей как заяц, волк и медведь?

Заяц хоть и был трусоват, но, однако являлся далеко не глупым зверем. Благодаря своей хитрости он выживал в диком лесу, в котором всякий хищник пытался его съест. Эту главенствующую черту его характера колобок разглядел сразу, едва они познакомились. А поэтому, решив, что ничего хорошего от ушастого не жди, сразу ошарашил косога, напористо бросившись в атаку. Для нападения колобок использовал риторику «Магазина на диване», которого пребывая на подоконнике, он успел наслушаться вдоволь.

- Сегодня и только сегодня мы предлагаем наш эксклюзивный товар! Уникальное средство для ухода за шерсткой! При заказе двух баночек, только сегодня вы получите третью, по совершенно символической цене! Возможна оплата наличным или безналичным расчетом. При покупке шести баночек возможна рассрочка!

Косой от неожиданности на самом деле окосел. Стрельнув ушами, он затрусил прочь, от греха подальше. При всей своей животной хитрости заяц неоднократно попадался на уловки всевозможных проходимцев. После оказии с «МММ» косой как никогда понял, что представляет собой «финансовая пирамида». Сетевой маркетинг заяц тоже недолюбливал. Свежа была еще в его памяти разочарование от новомодного, патентованного средства для поднятия храбрости «Трын-трава», купленную им наперед в кредит, по заявленной цене 999,99 целковых. Обещанного эффекта заяц не дождался, зато потом целую неделю мучился животом.

Едва засверкали мохнатые пятки зайца вдали, колобок отправился дальше, чтобы на повороте столкнуться лицом к лицу с волком. Матерый волчара, предплечья, которого украшали синие звезды, а во всю спину красовались купола сегодня, как никогда оказался зол и голоден. Он только что вышел на свободу, и сейчас перед ним стояла проблема соискания хлеба насущего. А тут, сам господь Бог направил в его лапы пропитание! Ну, чем не знак? Волчара взрыкнув и перекрестившись,

## Строка прозы

облизался. Он, как и многие грешники с тюремным прошлым оказался истово верующим. Что, конечно, не ускользнуло от внимания колобка, как и тот факт, что зубы волка остры, а взгляд алчно-голодный.

- Скажите, вы верите в то, что мир совершенен? Наполнено ли ваше существование страданием? - кротко начал колобок. - Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда вы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно.

Откуда кусок теста в столь юном возрасте оказался нашпигован, что твоя кулебяка капустой цитатами из Священного писания не скажу (может виной тому тесное общение бабки со свидетелями Иеговы?), но цитаты из жития святых, Ветхого и Нового завета так и сыпались изо рта колобка. Ошеломленный волк слушал своего визави, сначала ошеломленно и недоверчиво, а затем с вниманием и огнем истинной веры в желтых глазах. Так должно быть слушали евреи старика Моисея, когда тот пообещал им землю обетованную. Наконец ровный духовный строй мыслей волчьих, был сломлен теологическим напором говорливого колобка, и с надрывом закричав «В скит! Покаяться! Епитимью наложить! Все отринуть! В грехе, в грехе страшном живу!» убежал прочь, подвывая на ходу. Довольный результатом, колобок, чертыхнулся и покотился дальше.

На медведя колобок наткнулся случайно. Решив срезать путь, он покотился сквозь малинник, где и столкнулся с угрюмым бирюком Михаилом Потапычем. Тот толи от обиды, то ли еще по каким-то причинам, не стал разбираться, а немедленно подхватил когтистой лапой колобка, да прицелился зубами в его округлый бок. Едва огромные зубы мишки коснулись аппетитной корочки его бока, как колобок неожиданно для самого себя завопил голосом Жириновского:

- Подонки! Отставить! Диктатура — это запор. Демократия — понос. Выбирайте, что вам больше нравится!

От удивления медведь разжал челюсти, и колобок шлепнулся в одуванчики. От удара о землю, временное умопомешательство немного затянулось, выдавая из подсознания беглеца еще немного Жириновского:

- Спонсировать юных и талантливых композиторов? Вам, бл\*ть, чумачечей весны мало?

Медведь неуверенно сделал шаг назад. Если бы его сейчас спросили, в духе Остапа Бендера «Ваше политическое кредо?», он непременно ответил, как и Полесов «Всегда!», имея в виду, конечно, что анархист и вообще, по природе аполитичен. Колобок, видя сомнение на морде медведя, стал развивать атаку, повышая голос, выкрикивая лозунги:

- Я сторонник реабилитации Кашея Бессмертного! Женщина должна сидеть дома, плакать, штопать и готовить! Я готов плюнуть тому в лицо, кто скажет, что я некультурный!

Вконец опешивший медведь, решив, что судьба его столкнула с умалишенным, спешно ретировался по добру, по здорову, под аккомпанемент бессмертных цитат известного политика. Михаил Потапович по жизни не отличался многословием. Кличка «бирюк» крепко прицепилась к нему. Но свое отношение к современной политике, убегая от чудного существа без ручек и ножек, но с громким голосом, он все-таки высказал. Внезапно накативший на него приступ «медвежьей болезни» однозначно показал это.

- Выгони его отсюда, подлеца, и расстреляй его там — в коридоре! - пробормотал, задыхаясь, колобок, морща нос и двигаясь в сторону, стараясь двигаться по ветру. - Политика дело грязное, как ни крути!

2.0

Золотая осень щедро раскрасила лес в золото и пурпур. Некогда изумрудный

наряд дубов и буков сменился на яркий сарафан с кружевами, самых ярких цветов. Резные листья на ветках и земле, после дождя заиграли только ярче. Короткий, но сильный ливень, сопровождаемый грозой, промыл воздух, добавив ему живительной свежести. Воды упало столько с темных небес, что серая, глинистая почва раскисла от влаги, сделалась скользкой и липкой. Но это было не страшно - ковер из опавших листьев прикрывал набухшую от влаги землю. Лиса с восторгом кралась среди черных, блестящих столов, среди полуголых кустарников наслаждаясь погодой и тишиной осеннего леса. Ее осторожные, крадущиеся шаги сопровождал тихий, едва слышимый шелест и шорох. Это сброшенный лиственный наряд, обнажившегося бесстыдно леса, звал ее, вкрадчиво что-то внушал и обещал ей...

Лиса любила осень. Любила, несмотря на то, что за цветной осенью неизбежно и бесповоротно наступит монокромная зима - холодная, а порой и голодная пора. Впрочем, несмотря на все неудобства у зимы свое очарование. Но не успела лиса обдумать все прелести холодного сезона, как впереди послышалось пение. Лиса замерла, наострив ушки. Тоненький голосок выводил, то и дело, не попадая в ноты: « Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел...» Заинтригованная пением лиса, рыжей тенью скользнула вперед на голос, прячась за деревьями. Тот же голосок продолжал хвастаться дальше, как он ушел от зайца, волка и медведя. Движимая любопытством лисица, выглянула из кустов. Ее взору предстал, катящийся по грязной тропинке шар, темно-коричневого цвета, с многочисленными вмятинами и следами от зубов на округлых боках. Кроме этого колобок, как сумела разглядеть плутовка, обладал парой острых глаз, вздернутым носиком и широким, безгубым ртом. «Это интересно!» - подумала лисица и плавно перетекла из своего укрытия на тропку, преграждая путь странному существу.

-Привет! - поздоровалась хитрая лиса. - Ты кто?

Странное существо сделала круг вокруг лисицы, взметая в воздух кружева из листьев.

- Я колобок, - представился он.

- Извините, милейший, но мне случайно, удалось подслушать вашу песню! - добавила лисица в свой льстивый голосок еще меду. - Не смогли бы вы спеть ее еще раз?

Вблизи от колобка вкусно пахло ржаным хлебом. И ведь сказать, что лиса была голодна нельзя — еще утром она утащила курочку из курятника в соседней деревне. Но день близился к полудню, и запах печеного теста будил в ней аппетит. Колобок, польщенный вниманием к своей персоне, фальшиво пропел еще раз про свои подвиги.

- Ах-ах-ах! - восхитилась лиса. - Какой голосок! Ну, спойте мне еще! Спойте! Дайте мне, дайте мне насладиться вашим пением! Запрыгивайте мне на носик, и спойте не еще раз!

Лесть инструмент тонкий, и лиса им владела мастерски. Он ей в свое время помог обмануть ворону, обладательницы приличного куска сыра. Введенный в заблуждение, сладким голоском и манерами коварной плутовки, колобок вспрыгнул лисице на ее морду... чтобы встретить свой неизбежный конец.

А что лиса? Лиса улыбнулась, усмехнулась да облизнувшись, двинулась вновь по лесу легким, скользким шагом. Впрочем, дальнейшая ее участь оказалась незавидной. Колобок, проделав свой нелегкий путь по лесу, оказался источником кишечной инфекции. Была ли это стафилококковая инфекция или вульгарная кишечная палочка, про то нам не ведомо. Но спустя несколько дней хитровка-лисица издохла в страшных муках. И не было в том, волшебном лесу никого, кто смог бы ей помочь. Единственный на всех зверей ветеринар Айболит в то время пребывал в командировке, в далекой Африке, спасал звериную детвору на берегах широкой Лимпопо...

# Глава

**Родина Наталия**

Когда Полина вышла на работу после второго декрета, мир перевернулся с ног на голову, колхоз ее «сидел» без зарплаты, 1993 год: шок у всех постперестроечный, безработица, безденежье. Приглашение на должность главного бухгалтера в сельскую администрацию от начальницы РАЙФО она восприняла, как должное. Жизнь диктовала свои правила, думать было нечего, согласилась. Детей двое, для них она пошла бы и в огонь и в воду. Для начала бухгалтерию запущенную разгребла, а через три года назначили главой.

Осень... Пьяницу-предшественника уволили за три недели до выборов районного главы. Дров в учреждениях ни полена, а их двенадцать (школы, детсады, больницы), топили сырьем с колес, да еще выборы эти на носу и как их проводить Полине было неизвестно. Пришлось «засучить рукава».

На Новый год районный глава (тоже вновь избранный) прислал три машины сухих дров, что б смогли пережить лютые морозы. Подарок был поистине царский. Полина ждала машины на крылечке администрации почти весь последний день уходящего года. Ей помогали, как самой молодой главе... Даже сейчас, если подобное снилось ночью, то просыпалась она в холодном поту, а тогда было море «по колено»...

Вновь избранный глава районной администрации, маститый руководитель, бывший директор РТП, затем птицефабрики, не сразу понял, какой человек Полина. «Проверка на «паршивость» длилась полгода. Он рассматривал ее цепко, и ничто не могло укрыться от его взгляда, да она еще и не умела скрывать своих эмоций. Ее открытость и подвигла нового главу выделять ее среди других сельских глав. Было не трудно выяснить, чем живет население ее администрации и справляется ли с работой Полина. Все друг друга в районе знали. Полина с трудом привыкала к такому пристальному вниманию. Еще сложнее было ладить с управделами, женщиной умной и проницательной. Светлана Владимировна, простая на вид, была далеко не проста. «Дева» по гороскопу могла легко передумать Полину, так как была старше и опытней, и сам знак говорил о том, что ее следует опасаться. Сомнения Полины были далеко не безосновательны: доносы о ней везла в администрацию района глава соседней сельской администрации то ли по зависти, то ли по глупости. Полине больше помогали, да и сама она быстро находила выход из безвыходных порой ситуаций. Оказалось, что доверять никому нельзя...

Полина впервые в жизни увидела «паршивых овец в стаде», завистниц ее удачливости оказалось много: вся женская часть состава сельских глав района. С мужчинами она всегда умела договариваться, да и они ее уважали, принимая как равную себе.

Однажды в районную администрацию «приехала» жалоба на Полину, от кого - она не задавалась вопросом. Предстать с отчетом на коллегию депутатов на первом году работы оказалось делом не простым (по закону только через два года предполагался отчет для глав). Полина не растерялась, доклад написала за ночь, все как есть на самом деле: что людям негде жить, негде работать, в школе на уроках дети в голодный обморок падают, что в администрации одни долги, рабочих на заготовку дров не нанять и т.д. Читала доклад как приговор власти, бесстрастным, спокойным и уверенным голосом, а когда закончила, немая пауза длилась, казалось, целую вечность. Не покажи слабость - стучало в голове Полины, разорвут, растопчут. Отрезвили ехидные ухмылки коллег, плохо переживших успех Полины. Она поняла: это победа! Так нашла она большую поддержку, и не только районного главы, а и главвра-



ча районной больницы, и начальницы Соцзащиты, даже «Пожарный надзор» здоровался с ней по-мужски за руку и всем говорил: с этой дамой не шути.

Главный врач районной ЦРБ всегда помогал Полине, когда она звонила ему с какой-либо просьбой, помогала ему и она. К ней в участковую больницу собирали стариков со всего района на социальные койки (кому требовался уже уход). Иногда ей подкидывали и беспризорных детей, на какое-то время до отправки в детдом. Однажды поселили в больницу троицу цыганят, грязных, голодных, собрали по селу им одежду, отмыли. Весь персонал больницы был на «ушах» от их проделок, а когда их увозили в детдом, медсестры провожая, плакали, успели к ним привыкнуть.

Да разве обо всем расскажешь... Полина не чувствовала себя героиней, она в шутку говорила себе: плакать нельзя - ты же на «войне», отступать тоже некуда, там народ обездоленный и беспомощный, как ребенок, да еще наивный в придачу. Русский Народ... Кому его доверишь?

\*\*\*

Сменился районный глава, подав в отставку из-за болезни. Выбрали бывшего агронома из родного колхоза Полины, который проработал председателем соседнего колхоза двадцать лет. Колхоз его был самым богатым в районе, об этом говорили сами за себя новые улицы построенного для работников жилья, новостройки ферм и складов, новая техника. В его колхозе оставалась работать молодежь, в то время как из других уже разбегалась по городам.

Виктор был старше Полины на три года, учились они в одной школе, ходили в один сельский клуб, но друг друга почти и не знали.

Был он внебрачным сыном одного знатного комбайнера, у которого и так имелось четверо сыновей, и вырос он в соседнем с отцом доме. Мальчишки - братья, его не любили и поколачивали от души. Заступиться за Виктора было некому, одна мать, которая с зари до зари на работе в колхозе.

Еще пацаном, он уже зарабатывал весной на сплаве леса. Однажды чуть не погиб, сорвавшись с бревна в ледяную воду. Его чудом спасли, так как плывущие по реке бревна «накрыли» бы его насовсем.

Об этом случае он рассказал Полине как то на фуршете, уже, будучи районным главой. Выпитое вино размягчило львиную душу, снаружи жесткого и непримиримого человека. Полина, молча, слушала исповедь, проникаясь его болью. Она вдруг увидела, как одинок он в своей честности и порядочности, как незащищен перед вражьей стаей противников. Они понимали друг друга с полуслова, с одного только взгляда...

Это был прием иностранца, который приехал в Россию с визитом из какого-то экологического международного фонда. Француз, ни бельмеса не понимающий по-русски, в старых стоптанных ботинках и потертых джинсах выглядел довольно комично. Переводчица, изрядно приняв на грудь, почти не переводила. Полина и ее коллеги пытались ему что-то объяснить на немецком и английском, который знали на уровне сельской школы, и даже жестами. Француз боялся попробовать знаменитые белые грузди, так как отравился грибами накануне поездки в Россию. В результате все «оскорбились» от такого отказа, от души потешаясь над ним, и все-таки убедили отведать и этот местный «деликатес».

Француза этого привезли с областного центра на вертолете на участок бывшего леспромхоза в сельской администрации Полины. Принимали его в деревенской избе с домоткаными половиками, старинной с пружинным матрацем кроватью, резным шкафом и удобствами во дворе. В программе праздника была русская баня с веником, которая вконец доконала заграничного гостя, умудрившегося еще и обжечься паром. В конце концов, француз сделал правильный вывод: надо учить русский язык...

Району нужны были деньги на подъем топляка со дна реки, целей было две: очистка реки и почти бесплатные дрова для учреждений сельской администрации.

## Строка прозы

Данный фонд выделял средства на экологию России, а местная власть должна была помочь областным «хватам» отмыть «бабосы».

Полина долго волновалась, все ли прошло как надо, и только спустя много лет поняла, как легко ей все удавалось, что она была полна сил, энергии и просто по-человечески счастлива.

Была и другая поездка в п. Курдюм в этот же год. Погиб в Чечне офицер, парень из этого же поселка. Повоевать он не успел, пробив там считанные дни. Его «снял» снайпер. При мысли о его матери Полина похолодела душой. Поехала туда сразу, нужно было готовиться к похоронам.

Раиса, мать погибшего держалась хорошо, хотя до сознания Полины это плохо доходило. Просто включился механизм самозащиты на предельном уровне боли и горя, граничащими с безумием. Она должна была ехать на опознание во Владикавказ, что было не сопоставимо с ее состоянием. Полина подала деньги, сумма была небольшая, и не было слов, что бы выразить какую-то поддержку. Когда-то Раиса похоронила и погибшего в аварии, мужа, воспитывая двоих сыновей одна. И вот они выросли, а найти свое место в жизни в России всегда было непросто. Оставалась военная служба, где еще платили. В селах и деревнях работы не стало, все рушилось на глазах. Владимир сам решил ехать в Чечню, что бы помочь матери, оставшейся без работы и брату, еще не получившему образование. Попрощавшись с родными, он пошел из поселка пешком, надеясь на попутки, но почему-то вернулся и ночевал дома еще одну ночь, последнюю ночь дома...

На похороны высыпал весь поселок, от мала до велика. Приехали учителя из средней школы, где учился погибший. Полина и Виктор тоже учились у них, когда-то. Беда объединила народ, как нельзя лучше, друзья и враги забыли на время о своих проблемах и разногласиях, понимая, что жизнь человека ничего не стоит, а особенно в нашей стране, где вряд ли работает хотя бы один закон. Полина не могла говорить, ее попросту трясло от какого-то состояния ужаса и неизбежности. Виктор, прерывающимся от волнения голосом, начал речь:

- Сегодня мы провожаем в последний путь Владимира, российского офицера. Он вырос у вас на глазах, учился в школе, был одним из многих, одним из нас. Это поступок мужчины - поехать в горячую точку страны, далеко не каждый принимает такие решения. Невосполнимость утраты, боль и отчаяние переполняют сейчас наши души. Скажем: нет войне! Нельзя больше допускать смерти наших детей. Вечная память Володе, мы очень сожалеем о случившемся...

Директор школы Алевтина Александровна как то сразу постарела и ссутулилась за эти дни. Когда она говорила тихим голосом, у многих односельчан выступили слезы. Искреннее ее горе потрясло Полину, настолько родными были ей ее выпускники.

От войны в Чечне, развязанной еще не нынешним президентом, устали все. Сколько матерей по России оплакивали своих сыновей и не сосчитать. Чечня была уже не в состоянии войны, а потери среди наших солдат все отсчитывались и отсчитывались.

На кладбище Полина стояла рядом с Виктором. Ветер задувал поминальные свечи. Уложив венки на свежий холмик, поправляя лапник, Виктор смахнул непрошеную слезу. На поминки не хотелось, но надо ехать, Полина в таких случаях приказывала себе.

За столом, прочитав молитву, выпили. Ели немногие, так как не могли еще справиться с внутренним напряжением. Полина и Виктор сидели рядом, притиснувшись, друг к другу от тесноты на скамейке. Своим плечом, ощущая друг друга, они осознавали, всю силу взаимного притяжения родственных душ. Как же катастрофически не хватало в жизни каждому из них поддержки другого, и не было никакой возможности объединиться. По разные стороны «баррикад» они были не по своей воле. Полина ощущала себя ближе к народу, он – к власти, но это противостояние

было и одной связкой для них, в любом случае о людях они думали оба и понимали то, что власть наверху о народе не помнит. Обсуждать это Полине не доводилось ни с кем, так как в нее люди верили, верили в Виктора, совесть у них была на месте. Разве можно было поколебать эту людскую веру, дать народу понять, что власть у них больше не народная.

Держать удар местной власти было все сложнее, и чем больше они болели душой за простой народ, тем уязвимее становились сами. Власть не любила и не жаловала «слабонервных», готовых на бунт людей. Она их вычисляла и давила планомерно своей государственной машиной. Убедиться в этом предстояло довольно-таки быстро.

Работы на селе не стало, леспромхоз «задохнулся» вслед за местным колхозом через год после «перестройки». В лесном поселке Курдюм объявился первый бомж, который жил в разоренной квартире, где оконные рамы и двери путем уже не прикрывались, а печкам требовался ремонт. Полина приехала с тяжелым сердцем в поселок, пришла в указанную квартиру. Под кучей грязного тряпья на кровати пошевелился человек, давно потерявший человеческий облик. От холода и голода он еле говорил и передвигался. Что по документам мужчина сорока с небольшим лет, поверить было трудно.

- Собирайся, поедешь в приют и марш в баню, вот одежда переодеться - коротко бросила Полина. Мужик поплелся, вытирая слезы на грязном бородатом лице, зажав в ладони деньги. В поселке его подкармливали соседи, в одиночку бы он не выжил. Когда его, отмытого и побритого, увозили на УАЗике в приют, и Полина подошла к машине с «сопроводилкой», он как-то по-детски пролепетал: спасибо, тетка Полина. Видно не до того было «бедолаге», что б сообразить, что на тетку Полина еще не тянула совсем в свои тридцать с небольшим лет.

ЧП происходили, когда не ждешь, и ничто не предвещает этого. Иногда Полина выезжала даже на убийства. Преступления чаще всего происходили у приезжего народа.

Однажды на хуторе в доме фермера убили молодую девушку выстрелом в упор. Стрелял родственник, гость семьи. Что могло стоять между ними, Полина так и не узнала: может это случайная неосторожность, может умышленное убийство. Девушка с пышной косой и нетронутой девичьей красотой лежала, распластавшись как птица. Смерть никак не вязалось с ее обликом. Казалось, тронь и она встанет, очнется от тяжелого сна и скажет: нет, нет, это ошибка, я дышу, я живу...

О том, что преступник где то рядом и может пострадать любой из присутствующих, Полина даже не думала. Из отдела милиции «люди» приезжали позднее ее, на дешевых «понтах» требовали транспорт для отправки тела в морг, так как их «собачатник»-каблучок не был для такого приспособлен. Полина зачастую сама искала машину с прицепом, да и оплачивать такие поездки приходилось тоже самой. Но самое страшное было то, что ничем больше не можешь. Мать девушки, безумная от горя, ничего не могла объяснить, невпопад отвечая на вопросы. Пережить такую потерю Полине даже не представлялось возможным.

Тяжелей всего для Полины был патронаж многодетных семей. В основном, это были пьющие семьи, где один из родителей, а то и двое были безработными. Хорошо, если они попадались трезвыми под горячую руку Полины, порой она не выбирала выражений, и родители сидели, обливаясь потом и опустив голову. Иногда удавалось загнать лодырей на работу, иногда нет и вставал вопрос об изъятии детей из семьи. Родители лишались последнего - детских пособий, детей лишать семьи было еще трудней. Дома хоть кто-то погладит ребенка по голове, а в приюте, почитай, никто.

В районный детский дом Полина попала на отчетный концерт, куда пригласили всех сельских глав. Дети, конечно, были наряжены, девочки тщательно заплетены, с бантами. Программа была веселой, на улице весна, светило солнце, но все

## Строка прозы

меркло перед лицами этих брошенных детей. Тоска по родному дому сквозила у ребят даже в голосе. Сдерживать слезы удавалось не многим. Поразительно талантливыми оказались ребята, их выступления трогали до глубины души, проникая до сознания болью «безнадеги» и какой-то особенной не мирской красотой. Будто сам Бог светил на эти ангельские лица и все видели больше, чем им полагалось.

Как то Полине сообщили, что в поселке Курдюм заперт маленький мальчик один в нетопленной квартире. Пьющая мать не появлялась вторые сутки, «путешествуя» с двумя старшими детьми в соседней деревне. Что чувствовала Полина, словами не выразить, такое прощать кому-то она не собиралась. В течение дня районной администрацией были подготовлены документы об изъятии детей из семьи, так как была реальная угроза их жизням. Из райцентра выехала бригада: соцработники и милиция. Старшие ребята сбежали и спрятались в лесу, мать успела предупредить их, что могут увезти в детдом. Пока парни из милиции искали мальчишек, Полина вела осаду их дома. Пьяная мать встретила Полину с ножом в руке, но ее отрезвил тяжелый взгляд Полины, она не посмела даже замахнуться. Младший ребенок плакал на полатах, вероятно, боялся собственную озверевшую мать. Полина взяла его на руки, стараясь немного успокоить, он вырывался, пытаясь, освободиться. С большим трудом их удалось усадить в машину и отъехать от дома. Полина умом понимала, что совершает не меньшее варварство, спасая их жизнь, но выбора в общем - то и не было.

Хватила Полина горя с этой командой и потом. С районного приюта они сбежали, добравшись до дому на попутках. Поздним вечером звонила их воспитательница, рыдая во весь голос: на дворе зима - страшно за детей. Полина поехала искать их домой, зная их сообразительность, и не ошиблась. Они были у матери, к тому времени уже лишенной родительских прав судом. Повторно этих детей уже отправили в детдом подальше от дома, на границу области, где они выросли и выучились. Мать их тем временем мотала срок за воровство, а когда вышла, явилась в кабинет Полины с проклятьями и руганью, вымещая на ней всю свою злобу на жизнь. Обещая, что ее сыновья прикончат Полину, она выкатилась из администрации. Полина не выдержала впервые, редела по-бабьи прямо в кабинете, уткнувшись лицом в оконную шторку. К ней сбежались коллеги, сначала шутили, пытаясь все списать на дурость мамы. Но Полину прорвало не на шутку, она долго не могла успокоиться и начала задаваться вопросом: а нужно ли ей вообще все это?

Иногда просыпаясь ночью и, встав, у телефона она ждала звонка, а где то в подсознании была уже ясна причина беспокойства - пожар. Телефон звонил, пищала у окна дочка, увидев зарево на краю деревни. Дети знали, что родители сорвутся вместе и оставят их одних, хотя Полина всегда спокойным тоном им обещала скоро вернуться. Девчонки держались обычно хорошо: старшая успокаивала младшую, но все равно: у страха глаза велики.

Полина звонила в милицию и пожарку, тем временем муж выгонял машину из гаража. Спешили оба, но никогда Полина не повышала голоса в таких случаях. Муж знал: надо встретить пожарных, показать ближайший водоем, организовать дежурство и первым делом убедиться, что никто не пострадал. Он кидал ведра и топор в багажник, быть зрителем на пожаре Полина не позволяла никому, на ходу коротко бросая нужные команды. Паника прекращалась, люди работали с азартом, сообщая. Тушить начинали до приезда пожарных, так как расстояние в 20 км. пожарные преодолевали не так уж быстро, а счет шел на секунды. Обычно успевали поливать соседние постройки, что б огонь не перекинулся дальше.

\*\*\*

Виктор не щадил людей, но не щадил и себя, работая как одержимый. Наивен, как всякий русский, он слишком доверял своим приближенным. Интриги плелись у него за спиной из мести, из зависти, или злобы. Полина понимала, что все меньше надежных людей рядом с ним, и больше приспособленцев, которые не будут

рисковать ради него. Да и власть правила старым испытанным способом: кнутом и пряником. Полина боялась за него, боялась не зря. Проработав два срока, Виктор проиграл выборы. Это его как то сразу подкосило, хотя работу ему предложили. Какое-то время он еще держался, но надрыв в душе все ширился и становился пропастью.

Полина с ужасом наблюдала, как его враги перед выборами сфабриковали дело, Виктора показывали по новостям, как преступника, грозил срок лишения свободы до 5 лет. Разве могла Полина поверить в такое, Виктор для нее был олицетворением русской Чести. Она обратилась за помощью к прокурору области. Прокурор был молод и нагл, но жаркая речь Полины пробила стену равнодушия. Он позвонил в район и, наверное, что-то предпринял, что б дело замяли. Но Полина знала - это убьет Виктора окончательно.

Когда заговорили, что его болезнь смертельна – не поверила. Не вышло с хворью его огромное жизнелюбие и стойкость. Она помнила его молодым и красивым, полным сил и энергии, с обаятельной донельзя улыбкой на лице.

Все существо Полины бунтовало, но все было поздно и ничего не изменить, ничего не изменить...

Старое сельское кладбище июньским утром пышно цвело и благоухало. Полина недолго плутала, ноги сами привели к его ухоженной и заваленной цветами могиле. Полина силилась понять, кто и что обрывает так неожиданно и сурово жизни на земле. Она смотрела в глаза Виктора на портрете, и как будто слышала его неповторимый голос: «В жизни человек зачастую остается «сам на сам», выступишь, так выступишь – а нет, так нет...»

# Бомбы для анатомии

**Игорь Скориков**

- А ты че, трупов не боишься? Там же в морге надо будет трупы резать.

С таким вопросом приставали ко мне парни, когда узнавали, что я поступил в мединститут. Девчонок больше интересовало, не боюсь ли я вида крови. А я и сам не знал насчет трупов. Крови не боялся, во всяком случае в обморок не падал.

Знал бы я тогда, что эти "ужасы" студенческой жизни в меде совсем и не ужасы вовсе, по сравнению с немыслимыми объемами информации из серого учебника Привеса "Анатомия человека", которые надо было осваивать. Да все по латыни. Каждая косточка, бороздка, отверстие, канал в черепе и скелете, каждый сосудик, мышца, сухожилие, нерв, каждый, не то что орган, а мельчайшая его часть - имели двух, трех, а то и четырехсоставное название на латинском языке. На одно занятие надо было выучить иногда до двадцати - тридцати страниц убористого текста, и визуально знать, где эти чертовы нервы, мышцы, отверстия и сосуды находятся на препарате.

Настоящей голгофой была височная кость со своими девятью каналами и водопроводами улитки и преддверия. Получить тройку за каналы височной кости с первого раза было неслыханным счастьем. Эти каналы мало было назвать по русски и по латыни, так надо ж было еще рассказать где он, зараза, начинается, и где, сволочь, заканчивается, держа в руках эту самую кость и пытаясь дрожащей указкой предъявить их доценту.

Так что весь первый и половину второго курса знаменовались кошмаром зубрежа анатомии. По сравнению с ней все остальное было относительно просто. Ну, может, еще латынь с ее падежами, родами, склонениями и окончаниями. Сидели в анатомичке допоздна, мусоля ненавистного Привеса, до дурноты от долгого всматривания в каналы и бороздки на препаратах костей, от режущего глаза запаха фор-

малина.

Главное, - не получить "пару", потому, что ее надо было "отрабатывать". Это значило все сначала. Зубрежка, препараты, явка в назначенный день и сдача материала. Иногда по нескольку раз. А новый материал нужно было успевать, само собой. Те несчастные, которые "обрастали" парами, а не дай бог, еще и "н/б" (прогулами) входили в такой клинч, что выбраться бывало очень тяжело.

Отработать удавалось иногда иным способом. Можно было попасть в, так называемое, рабство к преподавателю - готовить препараты. Начиналось все с доставки трупа из морга в анатомический класс. И это было не самое тяжелое. Первая встреча с моргом, подвалом под институтским корпусом, до сих пор вызывает яркие воспоминания. Сумрак, холод, резкий запах формалина и кафельная ванна в человеческий рост, где в формалине находились трупы. Нужно было доставить одного. Надев перчатки и фартуки, мы извлекали его, синюшного и негнущегося, из ванны крюками, грузили на носилки, поднимали вверх, укрывали простынями и по институтскому двору каталками везли в анатомический класс. Это были трупы, за которыми, конечно, не приходили, - бомжи, наверное. Отвращение, оторопь, растерянность и мысли о бренности всего живого приходилось и удавалось прятать за бравадой перед одноклассниками и за кощунственными шуточками. По этой же причине становилось даже особым шиком принести на подготовку к отработке в анатомический класс пирожок из столовки и есть его, уткнувшись в Привеса. Руки, конечно же, мылись тщательно, перчатки снимались. Девушки фыркали, а и привыкли. Сейчас смешно об этом вспоминать. Вся одежда первокурсника, не смотря на халаты и шапочки, прованивалась формалином и менять ее надо было ежедневно.

Девушки-одноклассницы, особенно из тех, которых поначалу корячило и плющило от видов препаратов и вообще анатомки, подвергались нашим подколкам и розыгрышам. Самым невинным было поставить, подперев чемнибудь, мужской половой орган в вертикальное положение, прикрыв его простычкой, и подсунуть препарат такой отвечающей доценту перепуганной студентке. Преподаватели снисходительно и вяло журили нас, видимо вспоминая свои студенческие годы.

Потом наступали долгие часы препарирования. Например, препод давал задание - сделать препарат нервов кисти. Это значит, что вдвоем, втроем мы садились у этой кисти и, вооружившись скальпелями, ножницами и крючками, подглядывая в Привеса, как скульпторы отделяли все ненужное, оставляя только необходимые сероватые ниточки нервных стволов. По этим препаратам вся группа и отвечала уроки. Самые отъявленные прогульщики и двоечники становились на этих препарированиях большими умельцами в своем деле. Не стоит даже и говорить, что ожидало всю группу и каждого в отдельности, если случалось препарат "запороть". Допустим, перерезать сосудик третьего порядка. Доцент лютовал. И височная кость была ему в помощь. Эту сцену анатомического избиения младенцев можно представить себе, вспомнив профессора Владимира Ипатьевича Персикова из "Роковых яиц" М. А. Булгакова:

"Персиков... прославился тем, что на экзаменах срезал 76 человек студентов и всех на голых гадах:

- Как, вы не знаете, чем отличаются голые гады от пресмыкающихся? - спрашивал Персиков. - Это просто смешно, молодой человек. Тазовых почек нет у голых гадов. Они отсутствуют. Так-то-с. Стыдитесь. Вы, вероятно, марксист?

- Марксист, - угасая, отвечал зарезанный.

- Так вот, пожалуйста, осенью, - вежливо говорил Персиков и бодро кричал Панкрату: - Давай следующего!"

Виновник, кроме неотработки и очередной пары, получал порцию остракизма от собратьев. Поэтому из лучших препараторов выбирались лучшие, и те имели привилегии почти никогда не зубрить большие тексты. Они не парились из-за "н/б", дружили с лаборантками, что потом и понадобилось мне и моим закадыкам при сда-

че финального экзамена.

Были свои студенческие анатомические байки и анекдоты. Так, рассказывали на курсе о случае на экзамене с доцентом С. Не спавшая накануне, после зубрежки, студентка, вместо того, чтобы сказать о мужском половом члене, как учит незабвенный Привес, такое:

"Corpus spongiosum penis, покрытое tunica albuginea corporis spongiosis лежит снизу пещеристых тел члена и пронизано во всю длину мочеиспускательным каналом. Оно имеет меньший, чем два других пещеристых тела, диаметр (1 см), но в отличие от них утолщается на обоих концах, образуя спереди головку члена, glans penis, а сзади - bulbus penis." - сказала вместо "Corpus" (что означает тело), - "Os" (что значит кость), а вместо "один сантиметр" вырвалось "один дециметр."

Доцент невозмутимо произнес фразу, которая и стала анекдотом, так любимым всем курсом:

- Дорогуша, это что же, если по вашему мнению, диаметр Corpus spongiosum будет один дециметр, то какая же должна быть его длина? Получается, я буду с таким органом сидеть здесь, принимать у вас экзамен, а мой член будет совершать половой акт в соседней аудитории? Ну, а если вы думаете, что это кость, то на это могу сказать, что вам вчера повезло... Да.

Или вот такой:

Экзамен по анатомии. Профессор спрашивает студента:

- Какова функция musculus cremaster (мышца, поднимающая яичко)?

- Поднимает яичко.

- А еще?

- Ну, я не уверен ... Но, если яичко зажать дверью, то она еще выпучивает глаза, высовывает язык и заставляет голосовые связки кричать а-а-а.

Близился экзамен по нормальной анатомии. С содроганием мы ждали его. Девяносто билетов по три вопроса в каждом. А потом на старших курсах предстояла еще Патанатомия! То есть - патологическая. Все то же, только еще "веселее" - анатомические изменения при различных болезнях тела. Старшекурсники говорили так:

"Сдал нормальную анатомию - может не выгонят.

Сдал патанатомию - теперь точно не выгонят.

Пятый курс. Сдал экзамен на военной кафедре - пусть только попробуют."

Вот где пригодилась наша дружба с лаборантками кафедры. У некоторых она была даже очень тесной, что и позволило получить перед экзаменом в свое распоряжение бесценную вещь - бомбы.

Бомба - это двойной тетрадный листок, на котором в правом верхнем углу красовался институтский штамп! Такой листок выдавался экзаменуемому после того, как он тянул билет, чтобы на нем изобразить свои скудные остатки знаний по предмету. И по нему же предполагалось отвечать преподавателю. Имея достаточное количество таких бомб перед экзаменом, оставалось только заполнить их текстом по билетам дома, затем пронести их с собой на экзамен, а дальше - дело техники.

Риск, конечно был, и немалый. Незаметно спрятать пустой листок, вытащить из подшитого кармана пиджака нужную бомбу, заменить пустой листок на заряженную бомбу, а потом успеть еще хоть бегло прочитать содержимое, изображая, что усердно вспоминаешь латынь и что-то пишешь. "Взорваться" с позором на собственной "бомбе" - проще простого. Но глупо было отказываться от такой редкой возможности сдать на пять анатомию! А кто не рискует,...

Собрались у меня, так как в моем распоряжении была квартира, где я тогда жил один. Нас было трое - Рома, Витя и я. Потому что бомбы мы получили за день до экзамена, - написать каждому по девяносто билетов не представлялось физической возможности. Решили, что каждый напишет по тридцать бомб. Однако, - все осложнялось почти до невозможности. Нужно было зайти один за одним тянуть билеты. Потом надо было сесть рядом друг с другом за соседние столы. И самое слож-

## Строка прозы

ное - не просто вытянуть нужную бомбу, но и незаметно передать ее другу. По причине ли портвейна, либо по юношеской самоуверенности, мы совсем не просчитали такой вариант, что все билеты, которые мы вытянем, окажутся в одном бомбохранилище.

Переписывали Привеса усердно. Заряжали бомбы всю ночь. Было весело, магнитофон. Немного поспали, подшили боковые карманы и поехали ближе к концу экзамена.

Так и случилось. Этим бомбохранилищем оказался, почему-то, я.

Начальные фазы бомбометания прошли успешно. Зашли почти последними, чтобы доцент и профессор были уставшими и невнимательными, потянули, сели. На пальцах под столами Рома с Витей показали мне номера билетов и я протянул им бомбы. Никогда не забуду их довольные лица, когда все получилось.

И тут случилось вот что.

Мы втроем остались последними сдающими в аудитории. Первым пошел Витя к доценту. Через пять минут, сверкнув из двери глазами, ушел с пятеркой. Вторым пошел Рома к профессору, а я следом к доценту. Профессора, похоже, раздражала необычная Ромина прыткость при ответе и он стал задавать вопросы. Рома ушел с четверкой.

Я уже заканчивал ответ, предвкушая конец удачной аферы, как грянул гром.

Доцент перестала меня слушать, придвинула мою бомбу к предыдущей, Витиной, и протерла очки.

- Профессор, посмотрите!

- Что такое?

- Профессор, я впервые такое вижу. Вот у этого студента билет написан таким же почерком, как билет у Виктора, у предыдущего. Как такое может быть?!

И она передала два листка со штампами, исписанные моей рукой. Профессор сличил бланки и ухмыльнулся. Прищурился, лукаво глядя на меня.

- Голубушка, да это же бомбы! Вы что, не знаете?

- Нет. А, как это? Что-о?...

- Ладно, я вам потом расскажу. Ну, а отвечал студиозус хоть прилично? Да? Все, мы устали уже. За то, что много писали, значит хоть читали, - ставьте оболтусу тройку и пусть будет счастлив. Зачетку. Свободен.

Так мы сдали анатомию с бомбами. Я из-за тройки не получал стипендию, но друзья меня подкармливали в столовке.

И портвейн я не покупал целый семестр, когда собирались у меня поквасить.

# Искренне

Жувак Борис

О, горе тебе современный человек ,искушенный в возможностях интернета. Ибо не ведаешь ,что творишь. Прогресс- как палка о двух концах, дающая в одном, бьющая в другом. А истина все так же где-то посередине.

Она разбирала беспорядок в большом письменном столе и наткнулась на его дневник. Дневник жизни. Открыла на первой странице и ... .Перенеслась в былое. Точнее думала, что в былое.

Она была дерзкой и неприступной. И даже своему имени Лена ,предпочитала более жесткое- Элен. Она была не то что бы красивой, но отметала напрочь ухаживания парней. Она искала схватки. Интернет-знакомства только набирали силу на разных сайтах типа лови.лу. Её это заинтересовало. Манила неизведанность и щеко-тание нервов , в отличие от банально-занудных признаний и таких же, пусть и роскошных, но «веников». Вот тут-то, она случайно наткнулась на него.



Точнее на них. Виктор и Мадлен мило беседовали между собой, на одной из веток многочисленных словестных «помоек паутины». Она с интересом перечитала их волнительную переписку. Словно волны на море, меняющиеся в буйстве набегания на берег. Причем, беседы от журчащей ручейком, и до «драки-собаки». Но, с непостижимой логикой, не распадающейся на взаимные упреки, оскорбления и помещения, как личного врага в чёрные списки. Раз, другой, осторожно поддакнула в пользу Мадлен- проявила, так сказать, женскую солидарность. Удивилась, когда приняли благосклонно. Обычно, третий - лишний. Завязалась переписка и даже некий спор из-за разногласий во взглядах. Постепенно выяснились пристрастия и антипатии с антагонизмами.

Мадлен оказалась не такой уж и душечкой. Чувствуя в новой собеседнице соперницу, она начала ставить «подножки». Это раззадоривало. Тем более, что Виктор, не проявляя к кому-либо предрасположенности, стремился оставаться миротворцем, аккуратно брейковал, разводя страсти по сторонам. А вот это, уже взбешивало. Как это так? У неё в ногах валяются поклонники толпами, со всеми «дарами мира», а тут – нейтралитет, да еще какая-то расфуфыренная особа заслоняет своей тушей с тушью, красоту её непревзойденной души. Непорядок. И ринулась в бой. Мадлен не отступала. А вот Виктор смутился. Чаша весов клонилась в ее высокоинтеллектуальную сторону. И тут Мадлен сделала «ход конём». Хотя выглядело это скорее как последний отчаянный бросок смертельно раненого зверя. Предложила Виктору встретиться. Для Элен это прозвучало, как вызов на дуэль. Не поднять перчатку? Такого унижения она не могла стерпеть, но повториться вслед за соперницей не позволяла гордость. Именно гордость, ибо это есть законное чувство, за достигнутое в жизни стараниями, в отличие от горячества, основанного на надутости самомнения. Она лишь ждала, что же ответит Виктор.

А он, ... извинился. Французы говорят: Если женщина не права, нужно перед ней извиниться. Видимо он знал это изречение. И написал Элен, что не терпит доступных женщин. Что ищет в жизни такую, чтоб как крепость. Чтобы и потом крепость, но уже с самим им внутри.

-Вот оно, то самое, что я искала! –ёкнуло сердечко Элен.

Создалась патовая ситуация. Хотя правильнее назвать это цугцвангом - положение в шахматах, при котором, любой ход игрока ведёт к ухудшению его позиции. А тут ставка- жизнь!

Склониться самой перед ним и выкинуть белый флаг- означало опротиворечить тот образ, что он так изысканно и прозорливо увидел в ней. Согласиться на его предложение- впервые пойти против своих жизненных принципов. А как потом смотреть в зеркало самоуважения за эти самые преданные принципы? От слова предать. Затянулась пауза. Как ни странно, но ситуацию спасла сама Мадлен. Она простодушно заявила: -Ребята. У нас есть общий вопрос. А давайте встретимся втроём.

Виктор сразу согласился. Элен же, осторожно ответила: -Можно.

Отказаться –означало уступить, а уступать она не собиралась. Условились. Встретились.

Виктор пришёл в элегантном костюме, чисто выбритый, с двумя цветочками в руках. В каждой руке по одному. Элен с удовольствием отметила это про себя: Он не смешал нас в кучу. Он улыбнулся ей. Простой открытой улыбкой. Не подобоострастной и подхалимной, как у отвергаемых ею поклонников. А искренне. Она ответила ему тем же.

А Мадлен ..., не пришла. Это было нечестно. И даже где-то несправедливо. Но правильно. И один цветок законно полетел в урну. А вы, как думаете?

И вот, спустя многие годы, она стояла у его рабочего стола и читала этот дневник своего Виктора. Хоть это тоже было нечестно. Но была в этом какая-то правильность. Ведь они с Виктором слились в одно целое- семью. И жили дружно, душа в душу. А тут, секреты... . Она перелистнула страницу. Затем другую, третью. Про-

## Строка прозы

бежала глазами всю совместную жизнь от встречи и до этого момента. Но впиваясь глазами в строчки, она искала лишь одно слово: Мадлен. И нашла! На последней, исписанной странице, датируемой вчерашним днём. Сердце её, стучавшее в волнении до того, заколотилось еще сильнее, даже не осознав смысла строчек о сопернице былых дней. А былых ли?

Он , прощался с Мадлен! Признанием , что в его жизни её больше не будет , как и не было никогда раньше.

Как?! Все эти годы он тайно поддерживал с ней связь?! Когда? Где? Как он мог? –обида заливала душу ядом. Мысли путались. И тут до нее дошло. Точнее, снизошло. Озарение. Да она и не уходила! Даже когда не пришла на свидание втроем. Она всегда была рядом с ним. В нем самом! Это же он сам, придумал Мадлен! Ещё тогда. А вчера, вот, признался в этом. Кому? Себе? ...Ей ! И эта зачистка ящиков стола –не случайность. Она пролистала пустые страницы и на последней наткнулась на его фото.

Виктор смотрел с фотографии с улыбкой и прищуром глаз как бы подмигивал: Эгей, не робей! То ли еще будет. Но, так по детски и старомодно , каким был и сам дневник из бумаги в эпоху интернетных облачных хранилищ.

В прихожей негромко хлопнула дверь. Он вернулся с работы. Элен быстро убрала дневник в стол и вышла навстречу.

Он взглянул на неё , сразу всё понял и ,...улыбнулся. И она снова улыбнулась ему в ответ. Искренне.

# Другая жизнь. Ёжик

Мария Губаревич

Я сидела на пне и думала, что хочу стать ежиком. Вокруг была ранняя осень, именно та пора года, когда деревья и трава еще зеленые, но в воздухе уже витает особый аромат осени. Птицы радостно гомонили, а я ждала смерти. За всё нужно платить и в этот момент я больше всего на свете хотела стать ежиком, свернуться клубочком и показать свои колючки. Чтоб ни кто в здравом уме и ясной памяти меня не тронул. А чуть похолодает, залезть в норку и впасть в спячку и, нет у тебя проблем, и не волнуют тебя ни ведьмы, ни колдуны. А самое лучшее качество ежей – то их устойчивость к ядам. Человек бы уже давно богу душу отдал, а еж хоть бы хны. Эх, хочу быть ежом и все тут. Бегаешь по лесу, наслаждаешься жизнью, ешь ягодки и букашек и все тебя уважают и ни кто тебя не трогает. Ну чем не благодать?

Но поздно.

Как я попала в такую ситуацию? Да просто, насмотрелась фильмов, прочитала книг про ведьм и вампиров, а тут такое предложение. Да все правильно, мне предложили стать ведьмой и я согласилась. Сначала всё было просто превосходно! Мы колдовали и собирались на шабаши, вызывали чертей и играли с ними. В общем веселились. И поначалу я действительно думала, что мне повезло, я соприкоснулась с миром сказки. Я была ведьмой. Ни чего гадкого мы не делали: мы не убивали людей, не крали младенцев, не насылали порчу, мы развлекались как дети, взрослые дети.

Но на одном из шабашей я увидела ведьму, которая билась в истерике. Я спросила у окружающих в чем дело и один добрый мужичек меня просветил, как сейчас помню его презрительную ухмылку: «А это, милая, расплата!». Потом я выяснила, что нашу незначительную силу нам даёт один очень сильный колдун, взамен каждые полгода он требует одного из нас. Что он делает с жертвой неизвестно, но всегда потом находился труп с перекошенным от страха лицом.

Мне везло на протяжении четырех лет. За это время используя силу, я подня-

лась по карьерной лестнице и наладила личную жизнь. Но вот пришла и расплата.

Не могу сказать, что мне хотелось умирать, нет, жизнь я любила, но я была реалистом, за всё нужно платить. И вот я сидела на пне, ждала колдуна и думала о ежиках.

Мои мысли прервал довольно приятный мужской голос:

- привет красавица, не меня ждешь?

Передо мной стоял довольно симпатичный молодой мужчина. Высокий с черными непослушными волосами, он был одет вполне обычно: в темно синие джинсы и белую майку в руках он держал кожаную куртку.

- а ты ежик или злой колдун? – спросила я

- наверное, злой колдун – усмехнулся он

- тогда тебя – ответила я

- странная ты, обычно меня встречают страхом и истерикой – сказал мужчина

- а чего истерить? Чему быть тому не миновать – пожала я плечами

- а ты не будешь меня уговаривать оставить тебе жизнь? – поинтересовался колдун.

- есть смысл? – удивилась я

- ну, надежда есть всегда – ответил он и начал медленно подходить ко мне

- извини, но это удовольствие я тебе не доставлю. Не люблю унижаться. – пожала я плечами

- а ты попробуй – мужчина был похож на кота, который увидел мышку в мышеловке и решил с ней поиграть

- играть с едой не прилично – ответила я

Он засмеялся – а я не играю. Пошли.

- куда? – опешила я – слушай, давай ты меня быстро того и всё, а?

- а ты смешная. Чего того я должен с тобой сделать? – он уже конкретно издевался

- а ты разве убивать меня не будешь?

- а что должен?

- ну мне сказали, что я твоя жертва, а это разве не так? – удивилась я

- так. но за чем мне тебя убивать?

- не поняла – пробормотала я – тогда зачем я тебе?

- видишь ли, милая, я питаюсь людским страхом. А умирают они сами, я тут ни причем. Обычно меня встречают уже в панике и начинают каяться и умолять. Вот и от тебя я жду того же.

- мне не в чем каяться, я ни чего плохого не делала, а умолять, не вижу смысла: чему быть, тому не миновать. – пожала я плечами.

- не уж-то ты ни чего не боишься? – усмехнулся он

- боюсь. Только психи ни чего не бояться. – ответила я. – но я стараюсь свои страхи контролировать.

Мужчина усмехнулся и превратился в большого огнедышащего дракона. Дракон был хорош: большой, мощный. Я слезла с пня и подошла погладить эту тварь, его чешуйки переливались золотом в свете солнца, из ноздрей валил пар.

- хорош! – сказала я с восторгом. Когда мне еще придется видеть дракона! Да ни когда! Я была в восторге.

- так, не то! – услышала я. Передо мной стоял опять колдун. Он усмехнулся и превратился в анаконду. Змей я не люблю и мне подумалось, что неплохо бы превратиться в ежика. И тут чудо! Мои мысли материализовались и я превратилась в маленького ежа! Анаконда поизвивалась, пошипела и приняла облик колдуна. Я же возвращаться в исходное обличие не хотела. Что только колдун не делал, как он только не изгалялся. И пожар устраивал и наводнение. Чьи только облики он не

## Строка прозы

принимал: и волка, и льва, и собаки. А я свернулась клубочком и полностью его игнорировала.

- ну ты и сильна – сказал он. Засунул меня в сумку и ушел из леса.

Страх у меня не было. Я смирилась со своей участью, мне было просто интересно, чем это всё закончится! В сумке было темно и тепло, меня потиху укачало. Я уснула.

Проснулась я уже человеком и в чужой постели. Колдун не заставил себя долго ждать.

- ну что проснулась?

- как видишь. А где я?

- у меня дома. Ведь ты не думаешь, что я тебя так просто отпущу? Ты подрываешь мой авторитет, чем я потом буду питаться?! – он был явно зол.

- а чего ты меня не оставил ежиком? Мне было хорошо – вздохнула я

- дура, учиться надо. Ежиком ты смогла стать, только потому что моей энергии хапнула. Она иссякла и ты опять человек!

- а жаль – сказала мечтательно я и обратила внимание, что колдун как-то по другому на меня смотрит. Я проследила за его взглядом и до меня дошло, что я лежу в его кровати под тоненькой простынькой абсолютно голая! – извращенец! – возмутилась я

- как раз наоборот – это нормальная реакция мужского организма на красивое женское тело – ответил нахал.

- дай что одеть – скомандовала я

- извини, но твоя одежда осталась в лесу, я был зол и о ней не подумал. Но это и к лучшему. Теперь все думают, что ты погибла и моя репутация не пострадает!

- дурак, теперь милиция будет искать моё тело и у тебя будут проблемы, эгоист.

- ты права, надо подстраховаться – и он задумался и вышел

- эй, а как же я?

- потом – услышала я в ответ и в прихожей хлопнула дверь.

Пипец, он, что оставил меня тут одну, голую, да еще и голодную. Моему возмущению не было придела! Я встала и начала обследовать квартиру. Первым делом я залезла в шкаф и выбрала из его одежды что-нибудь подходящее. Потом для очистки совести попробовала открыть входную дверь, меня слегонца шарахнуло токам и я убедилась, что мужчина мне не доверяет, в принципе это – взаимно. Я решила обнаглеть окончательно и залезла в душ. После водных процедур почувствовав себя человеком и атаковала кухню. Сразу стало ясно, что живет он один. Куча полуфабрикатов и ни чего действительно дельного поесть не наблюдалось. Вообще к его приходу я сварила суп, сделала мясной пирог, пюрешочку и салатик. Засервировала стол и только присела подумать, как щелкнул дверной замок и в дверном проеме объявился колдун.

- не ожидал, что из того что у меня есть можно такое приготовить – заявил он и плюхнулся на стул- ну, угощай хозяйка – усмехнулся он

Я здраво рассудила, что сытые мужики добрее, чем голодные, налила супа и сама присела подкрепиться.

- и что ты дальше будешь делать? – ненавязчиво начала я разговор

- всмысле? – подавился он

- ну, у тебя же есть какой-то план или ты будешь меня здесь держать в плену вечно?

- а это идея. Готовить, ты умеешь – заулыбался колдун

- не смешно – огрызнулась я

- ладно, поживем, увидим – отодвинул он тарелку. Я быстренько подорва-

лась и положила ему пюре с салатом и пирогом – пока поживешь у меня

- мне завтра на работу – проговорила я потупившись в тарелку.
- похороны у тебя скоро, глупая. Если будешь выпендриваться устрою настоящие – попытался испугать меня колдун
- не поняла. Какие похороны? – удивилась я
- ой, ну все тебе расскажи, ну да ладно, раз накормила вкусно, то так и быть. Рядом с поляной, где ты одежду оставила, речка течет. Я там в заводи труп нашел, чутка колданул, ну вылитая ты
- спасибо – пробормотала я
- пожалуйста. Полиция не думаю, что начнет днк проверять, так опознание и все. Так что с днем рождения, красавица! Эй ты чего такая грустная? Ты что плакать собралась? Вас, женщин не понять, ты ж вообще на поляну умирать шла!
- так то ж, не то – сказала я сквозь слезы – если бы я умерла, я бы не знала, как мои близкие переживают мою смерть
- если не прекратишь сырость разводить устрою настоящие похороны! - хмуро предупредил он – а кто у тебя есть?
- старший брат и бабушка. Правда брат женат и мы редко общаемся, а вот бабушка старая уже, жалко её.
- а ты её часто видишь?
- она в деревне живет, я каждое лето к ней ежу. А так звоню раз в месяц
- напиши письмо брату, чтоб не сообщал ей. А может он и сам додумается пожалеть старушку.
- будем надеяться на его сообразительность. Как-то ты на меня тоску навел. Пойду погрющу в комнату, а ты убери – и я вышла, не дожидаясь его возмущений.

Только я хотела помечтать и погоревать, как услышала на кухне чью-то ругань. Мне стало интересно и я выглянула. На кухонном стуле восседала изысканная брюнетка и смеялась над колдуном.

- ты уже у неё и кухонным рабочим заделался. У меня так ты брезговал мыть посуду!
- что-то я не помню чтобы ты мне готовила. – вздохнул мужчина – Кристина, зачем ты пришла?
- я почувствовала, что у тебя появился ташан и пришла посмотреть.
- нет у меня ни кого, проваливай. – устало ответил колдун
- боишься мне его показать? – рассмеялась она в ответ – запомни Влад, ты всё равно будешь моим ташаном!
- нет, Кристина не буду

Я решила не рисковать и спрятаться. Как только я об этом подумала, превратилась в ежа, и ко мне вернулся голод. Наверное, супчик не еда для упитанного ежа! Я заползла на кровать и начала чистить колючки и вылизывать лапки, как мое внимание отвлек какой-то шум. Змея! Ко мне приближалась змея и не абы какая, а гадюка! Большая уплощённая голова с закруглённой мордой то подымалась вверх, то опускалась, вертикальные зрачки были четко видны и светились из под нависающих надглазных щитков.

Когда говорят, что яд гадюки не страшен ежам не верьте, если эта зараза меня пару раз цапнет, я точно отдам Богу душу и ни кто мне не поможет! Я выставила колючки и опустила их вниз, закрывая все незащищённые части тела и приготовилась атаковать. Змея не спеша подползла ко мне и начала меня разглядывать. Она явно не ожидала увидеть здесь ежа. Я улучила момент и цапнула её, перекусывая позвоночник, и быстро свернулась клубком. Змея зашипела и начала извиваться, пытаясь укусить меня, но наткнулась на мои колючки. Я укусила её еще раз и еще раз, пока она не перестала подавать признаки жизни. И устроила себе пир. Ведь не каждый день можно полакомиться свежей змеёй!

## Строка прозы

В крови бушевал адреналин после схватки с опасным хищником, в душе кипела радость от победы, желудок наполнялся деликатесом. Мне было хорошо. Здрава рассудив, что вдруг она еще не сдохла, я отгрызла ей первым делом голову. И тут всю эту эйфорию нарушил колдун, он ворвался в комнату с бешеными глазами и как заорет:

- что ты делаешь?

- ем – спокойно ответила я – если хочешь могу поделиться. Вот хвостик тебе могу уступить

- больная! – и плюхнулся на кровать – за что мне всё это?!

- ты чего нервничаешь? – удивилась я - это что твоя змея?

- это моя бывшая жена!

- ну бывшая же, чего ты переживаешь. Или ты её еще любишь? – спросила я, не прекращая есть добычу, а то вдруг этот злой дядька у меня её заберет

- любишь?! Издеваешься? Да эта гадюка хотела меня поглотить, превратив в своего ташана!

- так в чем тогда проблема? – не поняла я

- она очень сильная ведьма, а ты её съела! – ответил мне он

- а что теперь будет? – прочавкала я

- не знаю! Перестать её жрать!

- не могу очень вкусно! А раз не знаешь, то чего паникуешь? – возмутилась я и попыталась повернуться к мужчине спиной

- всё хватит – и он забрал у меня остатки ведьмы и унес на кухню.

- эй, так не честно. – возмутилась я и приняв свой обычный облик, начала одеваться.

Одевшись, вбежала на кухню и увидела как в кастрюле догорают синим пламенем остатки ведьмы. И тут до меня дошло, что во-первых я сражалась со змеей, ведьма она или нет, не важно, главное она была ЗМЕЕЙ! Во – вторых я её ела сырой! Мой желудок скрутило!

- эй, фарш метать в туалет, я за тобой убирать не буду – предупредил меня мужчина

- угу – успела сказать я, закрывая за собой в туалете дверь.

Через некоторое время, когда мне чутка полегчало, колдун приоткрыл дверь и вытащил меня из туалета.

- на выпей, полегчает – и протянул мне кружку с соленой жидкостью. Я даже не сопротивлялась, сил не было, выпила всё. Все таки ежи лучше людей, они не заморачиваются по пустякам и им точно на нервной почве не крутит живот!

- надо собираться и уезжать от сюда – сказал он как ни в чем не бывало

- куда?

- ты думаешь – это мой дом? Нет эту квартиру я снял, чтобы скрыться от своей бывшей. У меня есть дом, вот туда и поедим для начала.

- хорошо – спорить сил и желания не было.

- а можем по дороге заскочить ко мне я возьму все необходимое? – на всякий случай спросила я

Колдун покосился на меня и удивил – можем.

Машина у колдуна была самая простенькая, жигули! Я промолчала, но скривилась.

- садись, давай – усмехнулся мужчина, заметив моё кривое лицо. Я открыла дверь и обомлела, внутри это были далеко не жигули! – не суди по одежке – усмехнулся он.

- извини – пробормотала я смущенно

- тебя хоть как зовут? – вдруг спросил он

- а ты что не знаешь? – уставилась недоверчиво я

- как то не думал, что твое имя мне понадобится – просто ответил он, заводя мотор

- Марина. А ты Влад? – спросила я

- вообще-то я Всеволод, Владом – меня только эта ведьма называла, все Се-  
вой зовут – усмехнулся мужчина

- будем знакомы – улыбнулась я

- значит так Мариночка, сейчас мы подъедем к твоему дому, я сделаю тебя  
невидимкой и у тебя будет пятнадцать минут чтобы взять всё необходимое. Успе-  
ешь?

- буду стараться – ответила я

- будь добра и паспорт не забудь

- так я ж померла – удивилась я

- это временно – усмехнулся колдун.

Я зашла в свою квартиру, которая досталась мне от родителей, а там уже хо-  
зяйничала жена брата. Мерила мои шмотки и перебирала украшения. Меня охвати-  
ла злость! И тут мне на плечо легла рука колдуна.

- спокойнее, ежик – прошептал он. Мы услышали из-за двери голос брата

- Слушай, как-то не хорошо, она только умерла, а ты тут уже копаешься

- ни чего с ней уже не станет, ей уже всё это не нужно.

- злая ты, мы из-за тебя так мало с ней общались. Ты завидовала ей, а я шел у  
тебя на поводу.

- и что?

- может если бы общались больше, я бы уберег её

- не кори себя, Марина сама во всем виновата, она всегда у тебя была своеоб-  
разной и эгоистичной. Помнишь как она на нашу свадьбу во всем черном пришла?

- да, она считала, что нам рано еще брак заключать, прошло не так много вре-  
мени после исчезновения родителей. Эх

Колдуну явно надоел этот душещипательный разговор и он постучал в дверь.

- запомни , ты невидимка – прошептал он мне – и у тебя пятнадцать минут.

Дверь открыл мой брат.

- адвокатское агентство «Купревич и сыновья» по поводу завещания усоп-  
шей – протянул колдун какую-то корочку – можно войти?

- эта дрянь, что еще и завещание составила, когда она успела? – в коридор  
вошла супруга моего брата, держа в руках мою кофту!

Я готова была выцарапать ей глаза, мало того, что она затянула моего люби-  
мого брата в загс через полгода как пропали безвести в горах наши родители, так  
она еще и обо мне плохо говорит!

- пятнадцать минут – услышала я.

Эх, ладно потом ей глаза повыцарапываю. И пока Владислав их отвлекал,  
пошла собираться. Ровно через пятнадцать минут я стояла на лестнице с большим  
чемоданом и маленьким рюкзаком.

- паспорт взяла?

- да.

- Может чемодан оставишь, а обойдешься только рюкзаком?

- нет. Я этой гадине ни чего не оставлю! – топнула я ногой

- ладно, ежик, пошли – усмехнулся мужчина

- не называй меня так – насупилась я

- но, ты ведешь себя как ежик, вон иголки во все стороны торчат – ответил  
Сева.

Перед домом стояли уже не жигули, а джип – внедорожник, я плюхнулась на  
переднее сиденье, насупилась и решила поспать, колдун не возражал, так что всю  
дорогу до его дома мы ехали молча. Ехали долго. Моя пятая точка задеревенела.

## Строка прозы

Когда подвечер мы остановились я вздохнула с облегчением.

- это что и есть твой дом? – не веря спросила я, уставившись на трехэтажное нелепое здание

- нет – усмехнулся в ответ колдун – это постоянный двор. Мы здесь переночуем, не хочется провести ночь в дороге.

- я пройдуь разомну ноги? – спросила я

- конечно, только далеко не уходи – ответил мужчина.

А это идея! Нужно потихонечку убежать от колдуна. Поеду к бабке поживу у неё, а там что-нибудь придумаем, она у меня толковая. Я тихонько подошла к машине и достала из багажника свой рюкзак и спальник, чемоданом можно и пожертвовать. Вокруг был лес, осень его практически не затронула, я смело пошла вперед. Лес был загажен, чувствовалось что поблизости трасса и постоянный двор, повсюду валялись бутылки, банки, бумажки, я шла аккуратно, чтобы не наступить на «мину». Отойдя подальше от трассы стало заметно, что лес стал намного уютнее и чище, здесь стало даже легче дышать. Почему человек так относится к окружающей его природе?! Ведь не трудно за собой убрать! Размышлять на эту тему времени не было, в лесу быстро темнеет и нужно было искать место для ночлега. Пройдя еще немного, я увидела впереди опушку, а на ней раскидистый клен. Его ветки были опущены до самой земли и создавали своеобразный шалаш. Я обрадовалась и залезла туда начала готовиться к ночи: разравнила себе ложе, расстелила спальник, он у меня похож на одеяло с замочком и только решила пойти за дровами, как у меня над головой что-то ухнуло. Я подняла голову и залюбовалась, надо мной кружил ястреб. Птица была шикарной, её оперенье отливало серебром в лучах уходящего солнца. Заметив меня, она камнем бросилась вниз. Моя реакция меня не подвела – я превратилась в ёжа, свернулась в клубочек. Еще мгновение и передо мной стоит колдун во всей своей красе.

- а ты молодец, хороший ночлег нам подобрала – сказал он

- что? – не поняла я, превращаясь опять в человека

- не испытывай моё терпение, у меня не было женщины полгода – услышала я в ответ и осознала, что стою перед ним абсолютно голая! Спихватившись я судорожно начала одеваться, еще чего не хватало, подумает неизвестно что!

- а как у тебя получилось в одежде превращаться? – не удержалась я от вопроса

- я ж тебе говорю, учиться надо! – ответил колдун, я выглянула из своего убежища и увидела, что он чертит круг

- за круг не выходи – предупредил меня он

- я еще дров не насобирала – сказала я

- мы не будем лишний раз привлекать к себе внимание костром, достаточно наших превращений

- а кого мы боимся? – спросила я на всякий случай

- мою бывшую – услышала я в ответ

- так она ж умерла – не поняла я

- умер её ташан в тот момент когда она была в нем

- поясни – попросила я

Колдун залез в моё укрытие, уселся на мой спальник и нехотя ответил:

- умерла её телесная оболочка, а дух остался и ночью он наиболее активен и будет мстить. Уничтожить его можно проведя специальный обряд на капище. Предупреждаю сразу, это тяжело, капище охраняют ведьмы и просто так туда не попасть.

- и что мы теперь будем делать – не поняла я

- спать, в кругу она нас не достанет

- понятно – пробормотала я ни чего не поняв. Ясно мне было одно, за круг



без последствий я выйти не могу и мне предстоит провести ночь в лесу с мужчиной у которого очень давно не было женщины! Я начала рассматривать колдуна. Он улегся на мой спальник и вытянулся в полный рост.

- одобрила? - прервал он мои размышления. Я смутилась и отвернулась. – ты чего краснеешь как девственница?

- я и есть девственница – ответила я

- ну расскажи мне сказки, а на шабаша ты не летала? – посмотрел он на меня с усмешкой

- летала, я там иллюзию создавала, а потом мы с подружками на видео снимали и смеялись, я не участвовала в оргиях. Только вот на тебя почему-то мои иллюзии не действуют

- покажи – попросил он

- а ведьма нас не засечет? - на всякий случай уточнила я

- всё что происходит в кругу для остальных не видно

- а почему костер тогда нельзя? – не удержалась я

- не хочу тебя по всему лесу искать – просто ответил он

- ну ты нахал

- так показывай свою иллюзию – попросил колдун

- хорошо – мстительно согласилась я и изобразила себя в кружевном черном белье. Не успел мой образ призывно изогнуться и облизать накрашенные губы, как колдун сгреб меня в охапку и поцеловал.

- я же предупреждал, не искушай меня

- ну ты же сам попросил

- я попросил показать иллюзию, а не совращать меня. И ты права, я могу отличить копию от оригинала. Оригинал – значительно лучше. – и прижал меня к себе. Он целовал меня и ласкал, а я подумала, почему бы и нет, в любой момент я могу отдать Богу душу, а умирать девственницей как-то не хотелось, да и мужчина около меня был хорош и я ответила ему на его ласки.

- что ты делаешь? – простонал он

- тоже что и ты, а что что-то не так? – удивилась я

- останови меня или потом уже поздно будет – взмолился он

- я не хочу чтобы ты останавливался. – мужчина застонал и обрушил на меня всю силу своего неудовлетворенного желания.

Было темно, за кругом начался ураган с дождем, а нам было тепло и хорошо вместе.

- я хочу тебя видеть – сказал Сева

- ни чем тебе помочь не могу – ответила я – дров то ты мне собрать не дал

- это временно – ответил мужчина – но ты не возражаешь?

- нет – ответила я. И в тот же момент наше ложе осветило тусклое зеленоватое свечение. Мужчина посмотрел мне в глаза и поцеловал.

Когда он вошел внутрь, меня пронзила острая боль в голове всплыли слова бабки которым она учила меня, я решила, что сейчас самый подходящий момент и прошептала их на ухо колдуну:

- я добровольно отдаю тебе свою девственность, любовь и преданность в замен прошу оберегать меня – мужчина напрягся

- повтори тоже самое, только назови меня по имени – попросил он. Я повиновалась:

- Я, Марина, добровольно отдаю тебе, Всеволоду, свою девственность, любовь и преданность. – и неожиданно он ответил:

- Я, Всеволод, беру твой дар и обещаю оберегать и любить тебя Марина, обещаешь ли и ты любить, оберегать, повиноваться и не изменять мне? – прошептал он мне на ухо. Я почувствовала, что для него мой ответ очень важен и решила поды-

## Строка прозы

грать

- обещаю – глядя в его глаза ответила я. Где-то ударил гром и сверкнула молния, за кругом был настоящий ураган. Мужчина наклонился и поцеловал меня, боль прошла и наступило наслаждение.

Наутро проснувшись, я обнаружила Севу сидящим около дуба полностью одетым.

- доброе утро – поздоровался он – на одень – и он протянул мне плетеный браслет, фенечку.

- что это? – спросила я

- твоё обручальное ожерелье – усмехнулся он

- в смысле? – не поняла я

- в прямом. Это мой остэйн, он сделан из моих волос, на моей крови

- фу, я это не надену – закапризничала я

- как поймать меня и вырвать брачную клятву, так она может, а как одеть мой остэйн так нет, ну извини, я не собирался брать тебя в жены и более красивый не подготовил – зло сказал он

- ты о чем? Какую брачную клятву? – не поняла я. И рассмеялась, - а ты про ночь, не бери до головы, я пошутила. Мне бабка рассказывала, что когда я найду своего единственного и у нас с ним будет первая брачная ночь нужно эти слова говорить. А вчера было так волшебно и у меня ты действительно первый, в голове всплыли воспоминания и мне захотелось их сказать. Ты что шутики не понимаешь?

Он подошел ко мне и больно схватил за руку:

- с твоей бабкой нужно будет познакомиться. А слова эти действительно связали нас браком. За что мне это? – спросил он куда-то вверх – мало того, что еж, так еще и неуч!

- я что теперь твоя жена? – не веря переспросила я

- да. И причем навечно!

- в смысле навечно? – не поняла я – а как же твоя бывшая? Почему с ней не навечно?

- во первых она не отдавала мне свою девственность, а во вторых не говорила священных слов в полнолуние. – не весело усмехнулся он. – одевайся, нужно идти

- что-то мне не хочется – печально сказала я. Мужчина посмотрел на меня и присел рядом

- ты что серьезно не знала последствий сказанного тобой?

- нет. Я как-то не думала, мне было хорошо и захотелось сказать. А ты ведь знал? – пришло ко мне осознание

- знал - подтвердил он мою догадку

- так почему не остановил меня? Почему поправил и попросил назвать по имени?

- я решил, что это плата

- плата за что? – не поняла я

- за удовольствие

- ты дебил – констатировала я

- не спорю – ответил мужчина и повалил меня на спальник.

К постоялому двору мы вышли только к обеду. Нашему взору предстала ужасающая картина: на месте здания было пепелище! Вокруг суетились пожарные и милиция, сбоку сиротливо стояла скорая – спасти было не кого.

- н-да. Хорошо, что ты решила от меня удрать, а то пришлось бы воевать – сказал рядом стоящий Сева – я даже не злюсь на тебя. Пошли отсюда, пока на нас не начали обращать внимание и задавать лишние вопросы.

- а как мы теперь передвигаться будем? – спросила я – и чемодана моего

жаль

- когда удирала не жаль было?

- жаль – честно призналась я – но удрать хотелось больше

Мужчина рассмеялся – верь в меня, ежик. Я машину припрятал, пошли – и он взял меня за руку и потянул за собой.

Дом колдуна впечатлял. Он был похож не на дом, а скорее на крепость.

- ты собирался с кем-то воевать? – не удержалась я от подкола, глядя на двухметровый забор увенчанный колючей проволокой.

- чем черт не шутит – ответил колдун, заезжая в гараж, который я бы назвала скорее бункером, чем гаражом. Он почему-то не торопился выйти из машины

- Сева, в чем проблема? - спросила я

- понимаешь – замаялся мужчина – в моем доме похозяйничала Кристина

- ты её боишься? – поддела я его

- не то чтобы боюсь, но думаю тебе там будет не уютно

- пошли, будем решать проблемы по мере их поступления – оптимистически заявила я.

Войдя в дом, я поняла что погорячилось. Везде на каждом шагу висели портреты Кристины. Они смотрели на меня и кривили лицо в призрании, провожали взглядом, как только ядом не плевались?

- слушай, а тебе эти портреты очень дороги? – на всякий случай спросила я

-нет, но их не снять – ответил колдун

- ты уверен? – скептически спросила я

- попробуй сома. – указал он рукой на ближайший. Я достала перочинный ножик из рюкзака, бабушкин подарок и аккуратно вырезала полотно. Картина только тарасилась на меня.

- где её можно сжечь? – спросила я вертя трубку из картины перед носом колдуна.

- пошли я в камине огонь разожгу. Слушай, а как тебе это удалось?

- главное желание. Ну и бабушкин ножик. – ответила я, покрутив ножичком с резной ручкой перед носом колдуна

- нужно все-таки с твоей бабушкой познакомиться – ответил мне он

Весь день и вечер мы жгли портреты Кристины. Они стонали и корчили нам рожи, но ни чего сделать не могли, горели синим пламенем, как миленькие.

- слушай, здесь всё равно как-то не уютно, может священника позовем. Ну злых духов изгнать – под конец наших мучений спросила я

Сева заржал, отсмеявшись он выдал:

- ну ты, Марин, даешь, колдун и ведьма приглашают священнослужителя для изгнания злого духа. Да всё со смеха помрут и священники и колдуны. Я сам церемонию проведу

- а ты умеешь? – поинтересовалась я

- конечно.

Утром он умчался по делам, а мне было все равно страшно, этот дом был каким-то мрачным и грустным. А что делают настоящие женщины чтобы отвлечься от страшных, грустных мыслей при условии, что выйти из дома по магазинам нет возможности? Правильно - готовят. И я пошла инвентаризировать кухню и то что Сева принес из магазина.

Вечером, уплетая и нахваливая все что я наготовила мой тюремщик заявил:

- ну что поедим знакомится с твоей бабкой. Она у тебя приинтереснейшая личность: обрядам тебя учит, артефакты тебе дарит, а основы не объяснила

- она у меня местная знахарка, может она сама ни чего не знает – обиделась я за мою бабуличку.

Я свою бабушку очень люблю, она самый дорогой для меня человек. Мои

## Строка прозы

отец и мать были вечно в разъездах, можно сказать она меня воспитала. Бабушка как никто меня понимает и балует!

- но только не вздумай её обижать! - предупредила я колдуна

- не волнуйся, ежик! – щелкнул он меня по носу

- эй! – возмутилась я. Мужчина рассмеялся

- знаешь, ежик, мне ни когда и ни с кем не было так хорошо и спокойно, как с тобой. Наверное ты и есть моя вторая половинка

- и не надейся. Вот поговорим с моей бабушкой и она предложит нам вариант как мне перестать быть ежиком и разорвать этот дурацкий обряд.

Мужчина как-то на меня странно посмотрел. Можно подумать он обиделся

- скажи Марин, а чем я тебя не устраиваю в качестве мужа?

- Сева ты не обижайся, но я тебя абсолютно не знаю, как ты меня можешь устраивать или нет? Да и ты меня не знаешь – ответила я

- знаешь, то что я о тебе знаю, меня вполне устраивает.

Как –то этот разговор меня начинал пугать

- доедай давай и пошли спать. – потупилась я. Мужчина заулыбался довольным котом.

Утром мы подъезжали к домику моей бабушки, я заметно нервничала. Бабушка ждала нас на крыльце. Я сходу бросилась в её объятия.

- Клавдия Владимировна – опешил мой колдун

- ну здравствуй Владислав, проходите – ответила моя бабушка

- здравствуйте – как-то испугано проговорил мой провожатый – и ты боялась, что я её обижу? Да она сама кого хочешь обидит – проворчал он

- а вы что знакомы? – удивилась я

- не стойте на пороге, проходите в дом – рассмеялась бабуля – не бойся Владислав я тебя не съем.

- угу – проговорил мужчина входя в дом.

Я посмотрела на своего угрюмого спутника и поняла, он реально боится бабули! Он шел как на эшафот. Мне стало смешно, это же моя бабуля, она добрая, всем помогает! Я подумала немного, нет не всем, это я перегнула, она помогает только тем, кому сочтет нужным. Но мне помогала всегда!

- бабуль представляешь, а мы с Севой теперь связаны клятвой. И ты не поверишь – я теперь могу в ежика превращаться! – затараторила я, беря с блюда пирожок.

- тихо, мелкая, не тараторь, рассказывай-те все по порядку. Владислав – мужчина вздрогнул - Это против вас приходила Кристина просить объединиться?

- да – тихо вздохнул мужчина

- Марина, ты съела эту гадюку? – не поверила бабушка

- ага – довольно прочавкала я

- ну ты молодец, я от неё столько лет отделаться не могу, а ты раз и готово.

Не зря я в тебя верила – заулыбалась моя родственница

- всмысле отделаться не могли? – ошарашенно спросил Сева – вы же лучшие подруги!

- молодой человек, вы верите в женскую дружбу? Ай я яй, как не стыдно, вроде взрослый, а в сказки верит. Разве можно с такой как Кристина дружить? Да она съест, подставит и не заметит – закачала головой Клавдия

- но вы же с ней не разлей вода, всюду вместе, вы и её капище оберегаете – не поверил мужчина

- эх, видно твое замужество тебя ни чему не научило. Она мой самый заклятый враг, а врагов нужно держать рядом, оберегать и поддерживать. Если ты их поддержишь против других, то они не смогут объединиться с кем либо против тебя! А капище её оберегать – это дело святое, вдруг найдется колдун, что сможет её

уничтожить, а у меня уже все готово.

- бабушка, ты не права насчет дружбы, вон мы с Наташкой как дружим – вмешалась я

- ты её когда в последний раз видела? – спросила бабушка

- ну я на прошлой неделе с ней созванивалась и фотки её лайкала – ответила я

- я не это у тебя спросила, ты её когда последний раз живьем видела?

- полгода назад – задумалась я

- а звонила она тебе или ты ей?

- я

- ну вот и ответ. Ей до тебя нет дела, рутина затягивает и быт убивает любую женскую дружбу. Так устроен мир. А сплетни распустить, да новости пересказать – это не дружба, а так знакомство.

- а что вам сделала Кристина, что она стала вам злейшим врагом? – вмешался в наш разговор колдун

- она убила моего мужа – ответила Клавдия

- когда? – удивилась я – почему ты мне не сказала?

- двадцать лет назад

- как двадцать, я ведь его в прошлом году видела – не поняла я

- она убила его оболочку, я смогла её задержать в теле собаки, его ташана. И теперь он может обретать облик человека в полнолуние или в ночь на Купалу.

- а почему вы её не убили? – спросил Сева

- ты слишком много вопросов задаешь, молодой человек. Лучше расскажите как вы оказались вместе и о каком обряде говорила Мариночка.

- ну понимаешь – замаялась я и глянула на моего так называемого мужа, он сидел опустив голову и внимательно изучал что-то под столом. Я вздохнула и продолжила – мы убежали от Кристины и попали в одно очень романтическое место, вообще я подарила ему свою невинность, ну и мы обменялись клятвами, что ты мне в детстве рассказывали. Как теперь это исправить?

- а зачем? – не поняла бабка

- ну не знаю – как –то растерялась я

- я, конечно, хотела тебе другой жизни, но как видно от судьбы не уйти. Владислав сильный колдун, вы с ним как нельзя дополняете друг друга, вы будете хорошей парой. Лучшего я тебе и желать не могла.

Колдун не веря уставился на мою бабку.

- так вы нам поможете?

- конечно

- я вот всё вас хотел спросить. Вы одна из самых уважаемых колдуний, а ваша внучка основ даже не знает.

Клавдия махнула рукой

- если человеку суждено стать ведьмой, она её станет, а если нет, то учи не учи. Вон как мать её. Где она кстати. А вон на печи греется.

- это же кошка – не поняла я

- всё правильно, кошка. Твоя мама возомнила себя великой колдуньей и захотела вместе со своим недалеким мужем меня поглотить и забрать всю мою силу себе. Вон теперь молоко из блюдечка пьет. Ладно заговорилась я с вами. Ждем следующего полнолуния и идем на капище Кристину добивать, а потом отправишь свою жену учиться.

- Ладно, мы пошли – встал с лавки Сева

- куда? – не поняла моя бабушка – пока у меня поживете. Здесь для вас самое безопасное место.

Колдун плюхнулся обратно на лавку, как нашкодивший школьник. Хороша

## Строка прозы

моя бабка, ни чего не скажешь, я ей горжусь!

Мы начали помогать ей по хозяйству, а за ужином она нас удивила. Вынесла два перстня. Красивых с каким-то не известным мне камнем, один с желтым, другой с синим, с тонкой резной работой, а таких ни где не видела. По вытянутому лицу Всеволода я поняла, что колечки не простые.

- вот решила вас с единением поздравить – ошарашила она нас. И вручила по перстню. Мне с желтым камнем, Сева с синим. Я повертела своё в руках.

- мне кажется оно великовато для меня – не уверенно сказала я

- а ты примерь – усмехнулась бабка.

Я послушалась и на самом деле кольцо пришлось точно в пору, я попыталась его снять, а оно сидела как влитое. Я уставилась на довольное лицо моей бабушки

- оно признало в тебе хозяйку. А ты Всеволод чего не одеваешь, боишься?

- я, в отличии от вашей внучки, знаю цену этих перстеньков и знаю что будет если оно не признает во мне хозяина.

- вот видишь почему я её не учила, лишние знание вредны. Меньше знаешь – лучше спишь! Ладно, не хочешь – возвращай.

- вы что, чтоб я отказался от такого подарка?! Да такие подарки вообще раз в жизни случаются. Просто страшно мне. Что-то последнее время мне слишком везет. И Марина на моем пути появилась, вы помочь согласились, теперь вот такой подарок.

- значит заслужил – отрезала моя бабушка – в этом мире нет случайностей. Все получают по своим заслугам, не сомневайся.

Сева одел перстень и он засиял на его пальце фиолетовым огнем.

- красиво – зачаровано прошептала я.

- спасибо, Клавдия Владимировна – сказал зачаровано мужчина

- называй меня просто Клавдия, хорошо? – попросила усмехаясь моя родственница.

- хорошо – просто ответил Сева.

Когда мы остались одни с бабкой, она подошла ко мне, обняла и сказала:

- посмотрим, чего стоит твой муженёк

- в смысле? – не поняла я

- эти перстни, что я вам подарила, непростые - это перстни силы. Они могут аккумулировать в себе силы и увеличивать возможности колдуна в несколько раз. Получив их вы можете создав наимоощнейший союз, а можете попробовать поглотить друг друга.

- ну ты баб даешь, а что будет если он решит поглотить меня? – проговорила я уставившись на мою довольную родственницу

- а ты деточка верь в людей, не все такие гнилые как Кристина.

- бабуль он питался страхами других людей! – оповестила я бабушку

- это из-за Кристины. Она тянула из него силы, ему надо было их восстанавливать. А когда появилась ты, их связь разорвалась. Поэтому она и прибежала к нему в квартиру и пыталась тебя убить. Иди ложись спать, как говорится: утро вечера мудреней.

Я зашла в свою комнату, разделась и начала ждать своего мужа. Сон пришел не заметно, а муж так и не объявился.

Утром я проснулась и первым делом побежала к зеркалу. В нем отразилась взъерошенная я, без признаков каких-либо изменений. Я заглянула на кухню. Там за столом сидел Сева и мирно поглощал бабушкины блины. Бабуля что-то тихо ему говорила.

- ты чего не умылась, не оделась? – спросила бабуля

- а ты где ночевал? – наехала я с порога на своего мужа

- здесь на лавке – ответил не понимая Сева

- о как, неделя замужества не прошла, а уже ревнует – рассмеялась Клавдия  
Я покраснела и ушла одеваться.

Владислава я нашла на улице. Он спокойно сидел на скамейке и что-то ковырял ножом.

- ты поела? – спросил он

- нет, еще не успела.

- иди поешь. А потом давай пройдемся по лесу – предложил он

- а это не опасно? – засомневалась я

- тебе видней – усмехнулся мужчина – ты в этих местах выросла.

Через час мы бодро вышагивали по тропинке, держась за руки и таща корзину со снедью, которой снабдила нас Клавдия.

Лес встретил нас разноцветными красками и запахом грибов. Мы нашли уютную полянку и только я хотела развалиться на травке и погреться в лучах осеннего солнышка, как Сева притянул меня к себе и глядя мне в глаза сказал:

- я счастлив, что судьба мне послала тебя, мой ежик, я не мог тебе этого сказать в доме Клавдии. Но сейчас, когда ты в моих руках, я тебе обещаю, что буду любить и беречь тебя до последнего моего вдоха. Я не спал всю ночь, думал о нас и не решался к тебе подойти. Честно я очень боялся, что вы с Клавдией уничтожите меня. Да я когда увидел кто твоя бабушка чуть не помер!

- Я тоже полночи гоняла мысли и пришла к выводу, что лучшего мужа мне не найти. Мы создадим великий союз!

- Мечтательница, до великого, нам еще расти и расти. А тебе еще учиться и учиться – осадил меня мужчина – давай создадим для начала просто союз.

И поцеловал меня.

У меня на душе в первые за последнее время было тепло и спокойно, у меня начиналась новая жизнь.

# Новая эра Зйона Миматеза

## Жувак Борис

1. Капитан , он же штурман , он же рулевой полуавтоматического корабля-карга, Зйон Миматез , позевывая от безделья и однообразности, безмятежно смотрел на испаряющуюся даль газового океана. Радары как всегда показывали однообразно успокаивающую картинку. Автомат уверенно вел корабль по намеченному маршруту в пункт назначения. На борту находился груз животных , недавно доставленных с вновь открытой планеты.

В качестве команды на его частном корабле находились его симбополовина Амеон ,и три конъюнктора : Мис, Мах и Тефай со своими симбополовинами. Традиции в виде семьи и брака с их женами ,сыновьями и дочерьми давно канули в прошлое. Конъюнктории у Зйона не было , хотя где то в мечтах он думал , как это будет хорошо ,если из букв его фамилии сложится женское имя ,как это было принято у фулюканийцев.

2. Сама планета Фулюкания не была перенаселенной , по причине доступности рядом более пригодных для проживания планет и использовалась лишь в качестве полигона - инкубатора , для вновь открываемых во вселенной, созданий. А так же сброса отходов жизнедеятельности обитателей пояса Фулюкана.

Замечательным свойством её являлся газ , в котором однажды заканчивалась жизнь любого из проживавших на близлежащих планетах существ системы Фулюка-

## Строка прозы

нии. Газ растворял все , дезинфицируя и запасая для оцивилизовавшихся существ , низшие формы энергии. Конечно, привязка к кладбищу , выглядит дико на первый взгляд. Но сущность деяний любой цивилизации, рано или поздно приводит к тому , что города становятся лишь придатком кладбищ. Так случилось и с фулюканийской цивилизацией. Диалектика развития - страшная сила. :)

3. Работка Зйону не особо нравилась. Он предпочёл бы быть каким-нибудь стюартом на межзвездном корабле , но что поделать , кто-то должен был выполнять и внутренние рейсы. И груз в виде ранее невиданных животных неумолимо продвигался к инкубатору. Неожиданно моторы умолкли..

-Опять двадцать пять! –подумал Зйон - Никогда не было и вот опять.:)

4. Двадцать пять или ДП –так привычно назывались кубики твердого топлива, (за их милифулютенный размер), которое загружалось в баки газоходящих кораблей. Эти корабли были морально устаревшими и низшие формы энергии позволяли им лишь перемещение в среде Фулюкана. Попытки выскочить в космос , для них заканчивались в лучшем случае стратосферным прыжком с непредсказуемыми последствиями. За глаза их называли ДвердоПопливными, от саркастического сокращения ДП самого топлива. :)

Ну , и конечно , по космосу ходили совершенно другие корабли-красавцы, на ядерной , ионной и нотьюновой тяге. В последнем, толком разбиралось лишь с десяток наи-ученых , утверждавших что это есть форма темной материи в виде энергии космоса. Но главное что работало! Хотя военные были снова недовольны и требовали новых уровней энергий и качеств. Вечно им всё не то. :)

Долгий путь понимания, что жидкое топливо это тупиковый путь , в итоге привел к истине –твердое тело победило. Теперь цивилизация просто досжимала газ до такого состояния, что оно становилось твердым и заключало в себе ранее невиданный уровень энергии , оставаясь при этом удивительно безопасным по сравнению с сжиженным или обычным газом. Ну а сама природа , круговоротом энергии на Фулюкане , подсказывала логичные пути освоения восполняемых запасов... Природу не обманешь , но договориться всегда можно. :)

5. - Ла-а-адно. Двадцать пять так двадцать пять – ухмыльнулся Зйон и привычно провел перезапуск двигателей. Но ничего не произошло. Лишь легкое шипение газокондиционера наполняло рубку. Внезапно взбесились радары. Они показывали чёрте-чо! То необобходимое(не обойти :) ) препятствие по курсу, то позади , то вообще вокруг корабля. Объемный голограф позволял видеть все происходящее в радиане на дальности до пары сотен фулютеннов. Газ есть газ. Даже если веселящий. :)

На этот раз голограф настолько был перегружен , что засыпался с вычислениями и ушел в перезагрузку , оставив своего хозяина в прострации. Это уже напоминало что-то до боли знакомое.

Корабль затрясло и зашвыряло. Неведомая сила ,как пушинку носила его по газовому океану, и Зйону оставалось только вцепиться в ручки кресла и безучастно наблюдать.

И тут на горизонте показался свет. Он выросал поднимаясь из океана и заливал все вокруг мертвенно- бледным, белым глянцем.

Из-за ослепления этим светом, было еле различимо, как из глубин, грозно и молчаливо, поднималась черная громадина . Зйон был достаточно образованным , иначе никогда бы не получил должность капитана карго-корабля. И он с ужасом понял ,что это чудовище не могло быть рукотворным. Уж он то, что-то знал бы тогда ,об этом детище прогресса.

Истории же, передававшиеся шепотом, о пропавших в бездне газового океана кораблях и фулюканцах, ему конечно же были известны. И вот, это животное довелось повидать и ему. Незадача. :)

6. А он лихорадочно пытался решить задачу : Что больше? Море света на макушке животного, вынырнувшего из океана, или сам океан?



Наконец движение света прекратилось и с ним пропала тряска.

-Это ж кому рассказать, не поверят. - подумал Зйон.

-Не поверят – прозвучал в ответ голос в его голове.

-Кто тут?- настороженно произнес весьма нетрусливый капитан.

Да он не был трусом. Характер Миматезов ,бурлящий в его крови, жаждал активных действий. И все его деяния были еще впереди. ;

- Зови меня , Гобом. - отвечал голос , при этом, не нарушая звуками , мертвенной тишины.

-И зачем ты здесь? - приходя в себя , уже более уверенно спросил Зйон.

-Чтобы указать тебе путь.

-Путь ? Я знаю путь. - твердо отпарировал «настоящий» Миматез.

-Это не путь . Это дорога в никуда. - миролюбиво продолжал голос Гоба. - Я покажу тебе новый путь. Ты предназначен.

Недоумение скользнуло по лицу Фулюканца.

- Позже узнаешь. – подвел черту Гоб и из его черного тела медленно и величаво выплыла лиловая полупрозрачная сфера.

Зйон Миматез замолчал. Лиловая сфера настораживала новизной: меньше узнаешь –подольше проживешь. :)

7. Он ощутил легкое покалывание, когда край расширяющейся сферы прошел через его тело, и с изумлением увидел себя подвешенным в пустоте. Рубка, приборы, сам корабль - словно испарились. Оглянувшись ,он с не меньшим изумлением увидел парящих на месте птиц и животных ,беспомощно болтающих конечностями , вне всяких клеток . Клеток, в которые они были заперты, как и ни бывало. А на месте кают, мирно спала в воздухе вся его команда – симбополовина Амеон , и три конъюнктора : Мис, Мах и Тефай со своими любимыми симбополовинами. ;

-Даже одеяло не сползло - заметил про себя, заботливый по натуре, симбопол фулюканец Зйон Мематез. Его трудно было удивить голосами с небес и прочими фокусками. Кремень! Навалилась сонливость. И проваливаясь в эту приятную , расслабляющую бездну, Зйон напоследок отфилософствовал отрешенной мыслью: провалился не на экзамене и то ладно.:)

8. Очнулся он на берегу. Шумело уже успокаивающееся, но еще штормливое море. Пара чаек наперегонки с буревестниками носилась над ним. Вкус соленой воды ощущался на губах.

Он неспешно огляделся вокруг. Огромная туша деревянного корабля без мачт, как выбросившийся кит ,лежала на берегу. Позади в глубине материка виднелась гора. Хмурое грозowymi тучами небо ,быстро разрывалось высотными ветрами и лучиками солнца на обрывки легких белых облачков.

Ара! Ара! Ра! – прокричал ему на ухо ,внезапно севший на плечо попугай. С усмешкой и громко, человек произнес в ответ : Ара! Вот так я тебя и назову, паршивец ты эдакий. :)

Он встал , попугай остался на том же месте куда и сел ранее, впрочем так же , как и гора, видневшаяся невдалеке.

-Будешь Араратом –подумал владелец новоявленных угодий.

И тут до него донеслась тревожная мысль , о ком -то более важном, чем он сам. Звук голосов, донесшихся со стороны корабля, заставил взглянуться вдаль. Три взрослых мужских фигуры спешили к нему ,а позади, уже медленнее, приближались еще четыре одетые в женское одеяние.

-Дети! Жена! Их жены! - и сердце радостно заколотилось в груди.

Он сразу вспомнил ее безумно приятное имя Ноема и имена трех его сыновей –Сима, Хама и Ифета . Образы жен сыновей были пока еще в тумане.

-Ной! Хватить философствовать. Пора ужинать. - привычный голос жены окончательно вывел его из раздумий. - У тебя ещё будет время ,описать все случившееся с нами.

Ной распрямил свои натруженные плечи , бросил в небо благодарственный взгляд , обращенный к Богу , и медленно побрел навстречу своему семейству.

Начиналась новая эра человечества.

# Чудо

**Жувак Борис**

-Очо! Очо!

Эхо повторило отражаясь от каменных гор коротенькое слово несколько раз, словно боялось его позабыть.

Немолодой уже смуглый охотник ,с автоматическим карабином в руке стоял у приземистой лошадки и зычным голосом звал кого-то. Привычно паслись в долине между каменистых гор коровки . Стадо было огромным и тем удивительнее, как маленький щуплый человечек умудряется за ним уследить и уберечь от диких животных. А уж перегонять на новое пастбище такое многоголовое, непослушное, ленивое стадо вообще казалось фантастикой. В этом, Богом забытом крае извечно-го седла и юрты , фантастическим сюжетом выглядел, как сам карабин Калашникова с его хозяином вышедшим из доисторической эпохи, так и странное сочетание пустынности мест с огромными стадами крупнорогатой живности. Монголия это не только край тарбаганов – местной разновидности сурка , но и необъятных пастбищ , накормляющих стада овец, лошадей, коров и прочую живность. Ну и людей конечно посредством скотоводства, живущих фактически все тем же промыслом кочевников. В разгаре 21-ого века, после приятия машин , компьютеров и ракет это выглядело сверхкосмически. Но самое большое удивление меня ожидало ещё впереди.

Очо! Очо! –протяжно повторил пастух. И словно из-под земли, рядом с ним появился ,...кто бы вы думали? Снежный барс! Я то грешным делом подумал : ну подбежит собака , пусть даже огромная и лохматая как кавказец , а тут ... . Я был настолько в шоке, что не мог отвести взгляда от этого совершенно фантастического зрелища. И лошаденка стояла как вкопанная. Но спокойная как танк.Словно видела-перевидела в жизни разные чудеса.

Барс! Абсолютно дикое животное ,с замашками привидения. Он стоял в нескольких шагах от меня, мягко перебирая лапами притоптанный снежок. Зверь, своими немигающими глазами мгновенно захватил новую цель-меня! И замер, словно приготовился к чему-то более важному, чем выслушивание слов человека, позвавшего его. Пастух что-то негромко сказал тому и барс ,словно ласковая кошка потерялся о длинные полы его дарханки, при этом, не сводя своих глаз-локаторов с моего, просто обалдевшего от увиденного, мозга и такого же одеревеневшего тела. Барс сделал несколько кругов , сначала приближаясь ко мне ,потом отступая , лениво зевнул, показав мощный ряд зубов с весьма внушительными клыками и отвернулся ,как бы потеряв интерес к моей персоне. При этом, он не перестал держать меня в поле своего зрения. Опомнившись, я медленно достал фотоаппарат и каким то невероятным усилием поймал в кадр эту картину и нажал спуск. Щелчок встрепенул барса и тот снова напрягшись, посмотрел на меня своим хищным взглядом.Теперь замер я.

-Ямар ч дел.- произнес пастух негромко и зверь мгновенно опять успокоился. Пастух даже не взглянул на меня, продолжая укладывать на лошадь вьюки. Монголы народ не общительный ,хотя и гостеприимный. Мне стоило больших усилий упросить Батбаяра (так звали пастуха) взять меня с собой на дальнее пастбище. Ехали мы втроем, долго на низкорослых лошаденках и я уже начал сомневаться в

целесообразности такой поездки посреди унылых, каменистых пустынных полустепей. Проводник, как две капли воды похожий на Батбаяра, и поехавший с нами, не выказывал никакого недовольства. Словно это было ему абсолютно безразлично и привычно как всегда. А для меня это был уже подарок судьбы.

Батбаяр сказал что-то типа: «лейкийн хэндийн» и движением руки показал на край стада. Барс бесшумно сорвался с места и проводив меня прощальным взглядом по прежнему немигающих глаз, умчался вдаль. Подъехал проводник. Сказал, что пора обратно в дорогу, иначе можно не успеть добраться до стойбища и попасть в песчаную бурю, которые ничуть не хуже задувают промозглостью, и забивают песком и снегом малейшие щели. Мы сели на лошадок и поехали. Я не оглядывался, словно чувствуя за собой взгляд этих внимательных, немигающих глаз снежного барса. Чудо произошло.

# Торможение познания замедления

Жувак Борис

Иван Иванович Сумашедский, целиком и полностью соответствовал своей фамилии. Нет. Конечно так было не всегда. А лишь с того момента, когда он выступил с докладом в Академии наук (наука с маленькой?-какая академия такие и науки), после чего его с треском выперли за антинаучные взгляды и лишили звания доктора физических наук.

Как известно, доктора наук, даже бывшие, тоже хотят периодически кушать и он устроился на должность учителя физики в обычную среднюю школу.

Спасибо, помог его друг, Самуил Иосифович Лифшиц, бывший и остававшийся доктором математических наук в той же самой Академии и при этом имевший кое-какие связи в минобразовании. Всеми виной был случай.

Когда-то давно, Иван Иванович имел неосторожность выйти звездной, безоблачной ночью на балкон, чтобы за ее остаток лихорадочно изложить на бумаге новую, полную теорию сотворения мира.

Но теоретиков у нас всегда хватало, а вот на практику выезжали немногие.

Ну, а незабвенный друг, Самуил, помог кое-что обчислить в ней.

Причем весьма успешно, хотя сама математика после этого приобрела жалкий вид служанки с ограниченным набором функций.

Однако сам, Лифшиц, воспринял это стоически.

Правда, позднее, ему пришлось сжечь свои выкладки по этому щекотливому вопросу. Но и Земля от этого вертеться не перестала.

И Гоголю стало не так одиноко в своем решении.

А вот, Иван Иванович, упрямо пошел до конца и пострадал.

В сущности, вся теория стояла на одном простом утверждении: чистая энергия движущаяся в пространственно-временном континууме из точки локального большого взрыва замедляется и при этом замедлении переходит в иные состояния, в итоге образуя не только излучения, но и материю. Энтропия (рассеивание) этого процесса неоднородна и поэтому, там где замедление произошло быстрее образовалось вещество, сначала в виде газа и потом пыли, а потом звезд и планет. Границей же сего превращения осязаемого человеком на практике являлась скорость света, о чем сам Эйнштейн благоразумно умолчал, последовав со своей четвертой тетрадкой, примеру все того же Гоголя. А может кто и помог?

## Строка прозы

А что ныне? Ныне Д.И.Менделеев, увидевший свою таблицу во сне, с возглавлявшим ее ньютонием, предполагаемым на место эфира, был мастерски и радикально перевертан «преемниками». Но и от этого Земля не перестала вращаться. Ньютоний был изъят, а элементы поменяли места в группах. Не все конечно, но этого хватило, чтобы тормознуть мысль в развитии на десятилетия. Знал бы об этом сам Дмитрий Иванович – в гробу бы перевернулся. Ведь его идея как и таблица – кирпичик этой идеи, в том и состояла, что замедление энергии приводит к образованию сначала гелия и водорода с побочными излучениями во всех спектрах. А уж потом, образованию по мере утяжеления к прочим веществам с золотишком и платиной, и далее к трансураниевым элементам.

И открытие новых – не за горами. Замедление то продолжается.

И тут начинается бедлам.

Исходя из этих представлений пришлось бы переписывать не только саму физику, но и химию. А также астрономию, географию, геологию и кучу других наук. Историю наконец. Это ж какое произойдет смещение мозгов у населения?

Ведь придется из секретных архивов доставать артефакты в виде костей великанов когда то живших на земле. И прекрасно укладывающихся, несмотря на свой рост, в эту теорию.

А куда девать тонны докторских диссертаций? А заодно что делать с их зарплатами, выслугами, льготами. На этот жертвенный шаг академики пойти не могли. Не позволила совесть так отбудоражить народы мира.

По самое «не балуйся».

Но и это еще не все. За этим вылезет химера допотопных эпох, давно осваивающих землю в качестве рудников и начнет строить гримасы. Такого унижения не могли позволить себе даже кандидаты наук.

Придется признать что моря это не моря, а ныне затопленные водой древние карьеры. А прибрежные горы это и не горы вовсе, а пластовые отложения, образовавшиеся благодаря периодическому сбросу отработанной пульпы. Почему не горы? А там нет ни одного полезного элемента. «Мусор» один, причем в два слоя. Взвесь осаждалась, более тяжелые фракции давали нижний слой, легкие остававшиеся долго в водяном растворе, в итоге, верхний. Вода самотеком стекала в котлован. Для вторичного использования для промывки пород. Рационализм в чистом виде. Проверьте глубину хотя бы Черного моря. И ровное как стол его дно, на котором десятки метров органического мусора смытого незабвенным потоком, ныне гниющего и дающего такие полезные для человека сероводородные грязи. Но тогда и пустыни – не пустыни, а запасы чистой пульпы, заготовленные для промывки добытых руд. Или отходы? А под пустынями – засыпанные города! И даже карты есть – в архивах. Закрытых пачимута. Но «мы их вам не покажем» называется. Кто добывал в таких гигантских размерах, если это точно не великаны? А если великаны действительно были на земле, то тяготение на земле было меньше, да и сама земля меньше в размерах. Вдвое! Но тогда по идее нынешних критиков, она должна быть покрыта сплошным океаном. Так то оно так, но ... Вода состоит из кислорода и водорода. Кислорода на земле было много больше, не 21 процент как сейчас а все 75! Потому и великаны были и растительности дуром росло, и деревья высотой до 10 км. А может и выше. Стволы то окаменевшие остались в виде артефактов! Закопали успешно. А вот водород: то ли прилетел в виде чьей-то сорванной газовой оболочки (спутничек то Марс зацепил, оставив ранку – вот и срыв...), то ли из за торможения энергии накопился где-то в области космоса (помните про неоднородность?), куда Земля влетела на полном ходу. А дальше кто то решил закурить. Он и бахнуло. Водой. Ну то физика. А что делать с религией и культами? И так замалчивать правду от народа? ...! Допустить этого ...!, не могли уже властьпредержащие.

Вообщем , рубить решили ниточку, пока та не превратилась в канатище. Ну и рубанули. И Иван Иванович сразу стал никем. Точнее : он стал. Еще точнее: стоял.

А стоял он лицом перед членами высшего суда. Его более благоразумный собрат Лифшиц избежал пока сей участи. Но папочка с его номерным делом была уже запущена в оборот времени, которое пока не горело. Пока что, на роль Джордано Бруно взяли другого сумашедшего – Ваньку Сумашедского. Он стоял, как ангел, весь в белом ,безропотно принимая удары судьбы. Хотя по жизни ,мало обращал внимания на свой собственный вид целиком и полностью отдаваясь любимому делу –физике.

-Итак, продолжим. –после длительной паузы произнес председатель суда. Это был высокий ,крупного телосложения, благообразный мужчина ,еще не старик, с хорошо поставленным голосом, какой бывает у военных. На его голове ,согласно древним традициям ,величественно восседал колпак , который накрывал не менее роскошный парик с длинными накладными буклями. Ренессанс был во всей красе. А в это время , мир всюду катился в фейкизм.

-Вы совершили деяние в виде ереси, поправ как законы мироустройства , так и божественные законы.-бесстрастно произнес все тот же голос: -За что и приговариваетесь к исправлению в нашем высшем исправительном заведении.

И не успел Иван Иванович что-то произнести в свою защиту, как два дюжих лысых служащих суда , вывели его в одну из многочисленных дверей зала заседания. Когда она захлопнулась за беднягой, слетевшая с таблички пыль , обнажила название на двери. Это была потемневшая от времени старинная надпись выполненная великолепным готтическим стилем.

Председатель суда встал. За ним поднялись и его сопредседатели.

Он шумно вздохнул, выгоняя воздух как из труб высокого давления, вытер несуществующий пот со лба. Затем подошел к двери ,за которой скрылся в неизвестность подсудимый и рукавом мантии протер табличку. ;;;; ;;;;

-Чистилище –прочитал он и довольно ухмыльнулся.

После чего решительным движением стянул с головы колпак вместе с париком и,...тем что считалось лицом судьи.Члены суда сделали то же движение. У всех вместо человеческой головы из мантии торчала маленькая головка ящера с такими же маленькими глазками.

-Мы, те, кого люди зовут рептилоидами, создали жизнь на этой планетке не для того , чтобы живущие на ней людишки однажды уничтожили нас.

-Поэтому, мы , и впредь будем пресекать их революционные порывы в познании мира.

-Нам от них нужны лишь богатства Земли , добываемые ихними же руками. И получать их впредь , мы будем все так же , по договору с их же правительствами ,контролируемыми нами.

-И еще нам нужны их страсти.-с наслаждением выдохнул рептилоид: - Страсти от хоккея и олимпиад, их боли и ликования, их страдания и радость от побед. Ваши эмоции - наши эмоции.Питательно.

-Именно ради этого, им позволено частично развиваться в технологиях. И кое-что ,мы им все же даем для этого,для ускорения. –со злорадством и усмешкой , на которую только способен ящер, закончил свою речь бывший председатель высшего суда, перенеся свой немигающий взгляд, на один из портретов висящих в зале.

На портрете был изображен известный всему миру человек, изобретатель динамита - Альфред Нобель.

-Заседание закрыто - и скинув свои мантии, ящеры, встав на все четыре лапы , расплзлись получать эмоциональный кайф.

А внизу , на бело-голубом шарике бушевал страстями огромный мир.

# Обычный день

Хамов Сергей

Стульев на всех не хватало. Шофера подпирали стены, примерялись к столу, но покидать помещение диспетчерской не торопились. Как никто, водитель ценит общение, поскольку большую часть рабочего времени проводит один.

Утренняя «пятиминутка» подходила к концу. Завгар раздавал путевые листы, дядя Вася вяло заигрывал с диспетчером гаража – Галиной. Широкая спина дяди Васи загораживала обзор, но надежно скрывала от взгляда начальства, чему я, признаться, был очень рад.

Транспортный цех молокозавода был промежуточным пунктом в моей биографии. Через полгода я отправлюсь исполнять воинский долг, и – прости, прощай, молочный завод и его обитатели. Улавливал эту тонкость и заведующий гаражом...

Чего только не возил я за истекший период: лимонад, стеклотару, старушку-покойницу, силос... Пиком профессиональной карьеры стал груз под названием: «лес-кругляк». Стальное чудовище на паучьих ногах грохнуло пять тонн «кругляка» мне в кузов, передние колеса оторвались от земли, и «ГАЗон» пополз с завыванием, проклиная меня, «кругляк» и начальство.

- Чес-но-ков-ка, - прочел завгар в путевом листе, гоготнул и поднял голову, выискивая кандидата на экзотический выезд. – Ну, кто у нас просится на «дальнобой»?

Дядя Вася наклонился зачем-то к ушку Галины, задумчивый взгляд начальства остановился на мне.

- Во-от, - загадочно протянул завгар. – Вот кто повезет у нас гвозди... - он опять наклонился к путевке, - в Чесноковку.

Таким был итог легкомысленности дяди Васи. От возбуждения у меня зачесалось в носу, Галина прыснула в кулачек, отмахнувшись от дяди Васи, а дядя Вася выпрямился, имея вид человека, выполнившего важную миссию.

\* \* \*

Гвоздь – штука несложная. Но молокозавод их не делал. Надо сказать, что природа заданий, которые я получал от завгара, была для меня тайной, покрытой мраком. Такой же тайной казалась сеть невидимых связей, соединивших друг с другом предприятия города и ответственных их работников. «Гвозди – так гвозди», - решил я, отправившись на погрузку.

Ящички грузили «с колес». Из забытого Богом и начальством товарняка, приютившегося на боковой ветке без эстакады. «Стыковаться» с вагоном, стоящим на насыпи – все равно, что проделывать то же с космической станцией.

- Ну что ты елозишь?! – понукал меня из вагона товарищ с морщинистым лицом меланхолика.

«ГАЗон» опять заглох в полуметре от дверного проема, морщины на лице человека в дверях отразили мучения, которые причиняло ему мое неумелое ерзанье.

«Ну, все...» - ощерился я, включая заднюю передачу. Выхлопная труба фыркнула черным, грузовик прыгнул назад и влип бортом в нижнюю кромку вагона.

Человек в проеме исчез, вагон, качнувшийся от удара, медленно восстанавливал равновесие.

Наконец он замер, человек снова попал в поле зрения. Отряхнул коленки и выразительно посмотрел в мою сторону, постукав указательным пальцем по голове. Погрузку можно было считать начавшейся.

\* \* \*

«Московской трассой» называют магистраль «Москва-Киев» те, кто едет по ней «на Москву», и «Киевской...» - те, что направляются в обратную сторону.

Не знаю, как кто, а я на «Московской...» пою. «Дорогая моя ла-лай-ла... золотая ла-лай-ла-ла...» Привычка такая, знаете ли. Ветер приятно ерошит волосы, мотор ровно гудит на «четвертой». А впереди, насколько хватает взгляда – дорога. Неизменно уходящая вдаль.

«Чесноковка, 5 км», - сообщила табличка со стрелкой, нацеленной влево от трассы. Я вздохнул, сбросил скорость и привычно щелкнул рычагом поворота.

\* \* \*

Бывают места, к которым не знаешь, как относиться. Такое чувство – зарежут сейчас. Или одарят золотом. Время течет здесь по-другому, или еще что не так, только мотор моего «ГАЗа» заныл вдруг тревожно, а я крепче сжал руль, въезжая по песчаной грунтовке в настороженную тишину соснового леса.

«Лес как лес», - косился я на толстые стволы сосен, за которыми, я был уверен, кто-нибудь есть. И прячется, когда я направлю в ту сторону взгляд. Отпустило, когда у дороги появилась крайняя мазанка Чесноковки.

- Женщина! – фальцетом окрикнул я дремавшую на скамейке бабульку. – Где тут хозяйственный?!

- Як, як? – «женщина» явно опешила от обращения.

- Ха-зй-ствен-ный, - объяснил я бабульке, как иностранцу. Усилия, которые прилагала старушка, отразились на лице такими страданиями, что стало как-то неловко.

- Ну, гвозди у вас где продают? – сдался я и обратил внимание, что светило перевалило за полдень и уверенно направилось к горизонту.

Лицо у бабушки просветлело, она протяжно сказала:

- А-а...

Я терпеливо ждал продолжения.

- Так у нас в «Сильмаге» все продают, - заулыбалась бабулька и махнула рукой вдоль улицы. – Только гвоздив там з мисяць вжэ не было! - донеслось, когда я включил передачу.

- Скоро будут, - самоуверенно заявил я под нос.

Как все дома в Чесноковке, «Сельмаг» был аккуратно побелен и представлял ту же мазанку, но в два раза длиннее. Окна защищали решетки, символизирующие восход солнца, железная дверь отливала свежей половой краской. По безупречной диагонали ее перекрещивала металлическая полоса, логично увенчанная висячим замком в конце.

Укоренившаяся привычка заставила меня дернуть ручку закрытой двери.

- Нет там Семеновны, - послышалось сзади.

Говорил дед в полосатых штанах, заправленных снизу в галоши. Голову его прикрывал картуз с козырьком, в руках дымилась сигарка, которую он раскуривал, разглядывая меня с нехорошим прищуром.

- А где она? – спросил я, будто сто лет знаю эту Семеновну.

- Там, где и председатель, - ответили мне, продолжив ощупывать недоверчивым взглядом.

- А где председатель, - спросил я, теряя терпение.

- Там, где и все, - дед явно не торопился посвящать чужака в особенности чесноковской жизни. Манера держаться местного жителя напомнила поведение работника «органов». Соответствующих, разумеется.

- А где – все? – прошипел я, с трудом сдерживая раздражение. Появилось стойкое ощущение, что мне никогда не выбраться из Чесноковки.

- Известно – где, - сказал дед, затаившись, не сводя с меня глаз, затем выдал все-таки тайну, куда из Чесноковки исчезли «все», председатель и даже Семеновна.

## Строка прозы

– На свадьбе! Вон, слышишь – гуляют.

Теперь и мой слух уловил тягучие звуки электробаяна.

- Так я... поеду? – отпросился я у товарища с папирсой.

- Да что я тебя, держу, что ли?! – шумно возмутился вдруг он. Задавил галосей окуроч, развернулся и ушел со словами:

- Делайте, что хотите. Все равно порядку не будет.

Я проводил его взглядом, затем опять озабоченно глянул на солнце.

\* \* \*

Судя по звукам, свадьбу гуляли здесь, и была она в самом разгаре. Откровенно сказать, я не любил эти гуляния с их дикими народными танцами. Поэтому план был – наладить контакт с местными жителями и вызвать продавщицу «Сельмага», не вторгаясь на опасную территорию.

- А здесь свадьба?! – потревожил я вопросом двоих мужичков, возившихся у забора. Первый игриво наваливался на штaketник, второй, ухватив друга за талию, настойчиво отдирает его от загородки.

Вопрос застал их врасплох. Мужчины переглянулись, рассмеялись беззвучно и дуэтом легли на штaketник.

«Немые...» - понял я, что таинственную Семеновну придется искать самому.

Столы, а точнее, один длинный стол, застеленный клеенками разной масти, охватил двор буквой «п». В роли сидений выступали скамейки, однако людей на них было немного. Чесноковцы, видимо, обожали танцы, потому пространство внутри буквы «п» было занято парами, танцевавшими «медленный».

«Кондуктор не спешит, - пел, как Бог, баянист, - кондуктор понимает...» А я спешил. Поэтому подсел к женщине на скамейке, утиравшей тайком слезу умиления.

- Семеновна... Где? – спросил я, нарушая приличия.

- Известно – где, - я начинал привыкать к манере общения «местных».

- А конкретно? – потребовал я определенности.

- Да с председателем! - обиделась женщина и указала на пару, державшуюся несколько особняком.

Слишком уж сосредоточенно двигались эти двое... Женщина средних лет и видный мужчина с усами. С первого взгляда было понятно, что между ними, как говорят, «что-то есть».

Баянист по-особому спел: «...что с девушкою йо-о...» Я понял, что Семеновну надо «брать» прямо сейчас.

- Можно украсть вашу даму? – вторжение вышло наглым и неожиданным.

Председатель развел руками, чем я воспользовался. Подхватил даму за талию и увел ее в гущу танцующих под ненавидящим взглядом несчастного кавалера.

- Вы... кто? – хрипло спросила Семеновна. И огляделась, ища поддержки у оставшихся за столом односельчан. Те смотрели на нас с интересом, но осуждающе.

- Мне бы насчет гвоздей, - ответил я, как разведчик на встрече с агентом. Семеновна огляделась вторично, но вновь не нашла понимания у почуявшей скандал публики.

- Какие... гвозди? – совсем растерялась бедная женщина. Я открыл рот... Но произошло вот что.

Без переходов, оставив в прошлом законы гармонии, баянист набрал воздуха и выдал вдруг: «Ой, беда! Ой беда, беда, беда. А я ба... А я баба молода!» Семеновна выскользнула из рук, молодецкато притопнула и исчезла в круговороте энергичного танца.

Вместо, как демон, возник председатель. Он тоже исправно топал ногами, но лицо его пыхало гневом, а рот открывался и закрывался, как в старомодных фильмах без звука.



- Откуда ты такой взялся?! – прочел я по губам. Потом расшифровал еще два редких слова, не обещавших мне ничего хорошего. Тревожно заныл коренной зуб, я догадался, что понят превратно.

«Спокойствие, только спокойствие...» - по телу волной прошла нервная дрожь. Руки залихорадило, затем дрожь спустилась к ногам и нашла себе выход, заставив конечности изгибаться и вспрыгивать под страстные звуки электробаяна. Председатель такой метаморфозы не ждал. Продолжая исполнять свои «па», он удивленно следил за моими ногами.

- Ой, беда! Ой, беда, беда, беда! – старался злодей-баянист, оглушая окрестность.

- Мне бы насчет гвоздей!!! - орал я на ухо председателю.

Тот повторил жест Семеновны, оглядевшись по сторонам, потом опять посмотрел на меня. Наконец, лицо его просветлело.

- С гвоздями – швах!!! – с энтузиазмом сообщил он мне в ухо. И скрестил для наглядности ладони на горле. – Сами ждем!!!

- Да я!..

Не судилось мне обрадовать председателя.

Сунув два пальца в рот, он поднял носком вверх одну ногу и с лихим «Фить! Фить! Фить!» ускакал на второй в гущу народа. Свадьба грозила сорваться в стихию. Баянист, словно бес, жал на клавиши, внутри буквы «п» вполне могли затоптать, а равнодушные к танцам зрители притопывали ногами и пели: «Ой, беда! Ой, беда, беда, беда! А я ба... А я баба молода!» Все ускорялось, мелькало, кружилось. «Дурдом...» - прошептал я, оглядываясь, потом тоже поднял вверх одну ногу и с пронзительным «Фить! Фить! Фить!» включился в общий шабаш.

«Ой, беда! Ой беда, беда, беда! - вот оно, дикое буйство стихии. – А я ба... А я баба молода!» Нет, казалось, той силы, что сможет это остановить. Но!

Задрожали финальным аккордом колонки, баянист еще раз назвал себя бабой... И стихло.

- Дорогие гости, прошу к столу, - гнусаво сообщили динамики.

Народ отдышался, одобрительно загудел, потом чинно стал рассаживаться по местам.

- Ну, ты хват, - тронули меня сзади за локоть. Председатель вытирал платком лоб, приобретая вид человека, наделенного определенной ответственностью. – Так что там насчет гвоздей? – спросил он, увлекая к столу. «Какие гвозди?..» – не сразу понял я, о чем речь, потом спохватился и выпалил:

- У-меня-машина-гвоздей-под-забором!

- Маши-ина? - лицо председателя вытянулось, отразило работу мысли, после чего он повертел головой, изображая досаду. – Что ж ты раньше молчал?

Тут мне стоило бы обидеться, но председатель энергично направился к микрофону.

Это была самая короткая речь, что я слышал от руководящих работников.

- Дорогие односельчане, - обратился он к притихшим за столом чесноковцам. – Сегодня у нас – двойной праздник.

Возникла пауза, в течение которой «односельчане» переглянулись, а председатель хитро ухмыльнулся в усы.

- Во-первых – родилась молодая семья, - продолжил он речь. – И я хочу сказать молодым - совет да любовь!

- А «Горько»? – поинтересовались из-за стола.

- Это – после, - строго прервал председатель. Потом подмигнул и добавил:

- Мы еще выпьем по этому поводу.

- Во-вторых, - продолжил он, дождавшись той точки накала интриги, что стало слышно мух, проносящихся над столами на «бреющем», - в «Сельмаг» прие-

## Строка прозы

хали гвозди.

Мухи так и остались единственным источником звука. Потом какой-то человек спросил осторожно:

- А они что, сами приехали?

- Вот!!! – ухнуло из динамиков так, что «зафонил» микрофон. – Правильно рассуждает товарищ! Гвозди к нам сами не ездят, а прибыли вместе с водителем и машиной. Которую срочно требуется разгрузить.

Наступило молчание, председатель внимательно оглядел односельчан.

Наверное, только на свадьбе встретишь людей, с таким энтузиазмом рвущихся грузить гвозди. За столом поредело, «контингент» с прибаутками осваивал кузов. Председатель с Семеновной занял место в кабине. Оглянувшись на рассеявшихся в кузове добровольцев, он махнул ладонью вперед и бодро скомандовал: «Погоняй». Тут произошло непонятное.

- Ой, чьей то кинь стойить, - прозвучал сзади голос – высокий и чистый. - Та сыва грывонька.

Тишина, равная вдоху. И подхватили:

- Сподобалась мэни, сподобалась мэни тая дивчынонька.

Машина медленно тронулась с места, я украдкой взглянул на своих пассажиров.

Две строчки... А как изменились их лица. Не было. Ни деловитого председателя... Ни Семеновны. Красивая женщина, чуть улыбаясь, смотрела вперед, да человек с задумчивым лицом сидел рядом. Как это делается?..

\* \* \*

Я испробовал все, чтобы ускорить отъезд. Хватался за ящики, суетился, путался под ногами... Председатель тем временем, словно фокусник, двигал руками, втолковывая о какой-то короткой дороге.

- Тут срежешь – выйдешь на перекресток, - соорудил он из рук букву «х». – Возьмешь вправо – упрешься в дорогу, - из «х» стала «т». – По ней – налево и прямо, прямо... Но гляди! – лицо стало серьезным, у меня тревожно заняло под ложечкой. – Никуда не сворачивай.

«Такими руками, - подумал я, - и до Москвы маршрут проложить можно. Вот только доехать...» В голове все смешалось, всплыло лицо завгара, вагон, старушка-покойница... Я понял, что нужно немедленно уезжать.

Было бы странным после таких объяснений добраться до трассы.

«Приехали...» - говорила моя фигура, дополненная свисающей из руки тряпкой. Доходившая до подножек вода успокаивалась, чего я не мог сказать о себе, стоя на бампере перед открытым капотом и взирая на основательно намокшие свечи.

«ГАЗон» капитально «сел в лужу». Вздымая волну, машина дотянула до середины, потом мотор фыркнул два раза, дал сбой и заглох.

До слуха дошли слабые звуки идущих по трассе машин. Солнце беззвучно опустилось за сосны и скрылось, позволив земле остывать после жаркого дня.

Присев на крыло, я стал смотреть на сбегавший к дороге холм – почти лысый, с тремя старыми соснами на вершине. Есть что-то в этих возвышенностях. С их высоты хорошо окинуть взглядом окрестность, задуматься и задать себе неожиданно-философский вопрос. «Что наша жизнь?..» - например. С решением можно не торопиться, но лицо должно «соответствовать».

В памяти снова всплыло лицо завгара, «Фить! Фить!» председателя, свадьба... Я хохотнул, спугнул наблюдавшую за мной белку, потом услышал требовательное урчание голодной утробы и вспомнил о пирожках, которые сунули мне в дорогу на свадьбе.

«С капустой», - угадал я по запаху. Пирожок дразнил своим совершенством.

Кошунством было – съесть такую красоту просто так.

- Занятная штука – жизнь! - известил я пространство подобием тоста.

Откусил пирожок и стал жевать, глядя на холм и слушая шум проходящих по трассе машин.

# Бастард

## Распутина Анастасия

Летний солнечный день, шепот морских волн, разбивающихся о каменистые берега, величественный парусник на горизонте... Умиротворение и гармония... К середине дня солнце зависает в зените, воздух раскаляется, поэтому лучше проводить время в тени или купаться в водоеме. Взрослые обитатели дворца предпочитали в это время суток мирно дремать под ветвистыми деревьями или в прохладных покоях. Дети же сну предпочитали игры и забавы на берегу моря или в глубине королевского сада. Лишь несколько детей нарушали сегодня тишину и спокойствие дворца.

Девятилетний светловолосый мальчишка бежал по просторным коридорам дворца, пытаясь оторваться от погони. Он не стал звать на помощь, зная, что слуги не помогут, боясь его преследователей, а может даже накажут за то, что мальчонка осмелился нарушить покой знатных вельмож. Мальчик остановился за колонной, чтобы перевести дух. Он лихорадочно перебирал в голове места, где мог бы укрыться. Голоса преследователей, которые уже предвкушали свою победу, слышались всё отчётливее. Блондин, как затравленный зверь сорвался с места и поспешил скрыться за очередным поворотом многочисленных коридоров дворца. Одна из дверей была немного приоткрыта, чтобы прохладный воздух коридора мог поступать во внутрь, и он не задумываясь юркнул в неё. Это была жилая комната придворного астронома. План действий в голове у мальчишки созрел очень быстро. Стараясь ступать, как можно тише, чтобы не разбудить хозяина покоев, он добрался до двери, ведущей в астрономическую башню, и открыл её.

— Учитель меня убьёт, — произнес мальчишка, отрывая лоскут от рубашки и прицепляя его на маленький гвоздик, торчащий с обратной стороны двери. — Хотя они подпортили мой наряд больше.

Одежда мальчика была порвана в нескольких местах и испачкана, да и сам он выглядел не лучшим образом. Худой, со следами давних побоев на теле и недавно подбитым глазом.

Паренёк залез под кровать астронома за несколько мгновений до того, как дверь из коридора распахнулась. Со своего места он смог разглядеть только три пары ног обутых в сандалии.

— Парни, тише, — подал голос один из его преследователей. — Не разбудите старика. Слушать бред этого старого маразматика я не намерен.

— Окта, смотри. Разве это лоскут не от рубашки щенка? С его стороны было глупо искать спасения в башне.

— Да, Лидий. Ты прав. Щенок загнал себя в ловушку и никуда не денется, — прозвучал голос главного преследователя.

Ноги скрылись за дверью, парень немного выждал, выбрался из своего убежища и выбежал в коридор. В голове крутился всего один вопрос. Куда бежать, чтобы спрятаться? Времени для раздумий было мало, и мальчик бросился бежать к лестнице, размышляя уже на ходу. Спустился на первый этаж и помчался вглубь сада. Затеряться в этом лабиринте зеленых насаждений для него было проще, чем в стенах дворца.

## Строка прозы

За очередным поворотом он налетел на препятствие и его отбросило назад. Синие глаза мальчика были широко распахнуты от ужаса. Нашли!

— Эйкон, не думал же ты, что сможешь прятаться от нас вечно.

Октавиан горой возвышался над маленьким Эйконом. Из-за угла появился Лидий и Гилберт, вечные спутники принца крови. Они медленно надвигались на Эйкона.

— Прошу... не надо этого делать. Октавиан, мы же братья... — использовал он последний довод, даже не имея надежды на то, что его пощадят.

— Братья? Эйкон, ты мне никто! Бастард! Ублюдок! — Октавиан начал выходить из себя, он поднял брата с земли, схватив его за руку. — Ты позор королевского рода. Насмешка моего отца над матерью и славным родом Тано... держите его, ребята! — с этими словами он с силой толкнул мальчишку в сторону кузенов.

— Октавиан, прошу...

— Для тебя, бастард, я — Принц Октавиан.

Принц ударил бастарда в живот. Эйкон дернулся, пытаясь вырваться из хватки, но его настиг ещё один удар — по лицу. Он закричал, умоляя отпустить его, но брат наносил удар за ударом. Наконец, Лидий и Гилберт отпустили парня и тот мешком рухнул на землю. Эйкон надеялся, что его мучители достаточно развлеклись на сегодня и теперь оставят его в покое. Он ошибся, удар ногой в живот последовал незамедлительно. Мальчишка уже не мог кричать, а только шепотом просил пощадить его.

— Эй, что вы... прекратите! Немедленно прекратите! — раздался откуда-то сбоку голос. — Отойдите от него.

Мучители отпрянули от Эйкона и уставились на новое действующее лицо. Это был мужчина средних лет с черными, как воронье крыло, волосами и темными глазами, которые словно смотрели в душу человека. Он быстрым шагом подошел к детям и приступил к осмотру пострадавшего.

— Лорд Мирстлок, почему вы не отдыхаете в этот час, как все прочие?

— Я - Первый Советник Короля и в час отдыха у меня тоже есть дела в любое время суток. Особенно много дел у меня, когда Король отсутствует во дворце. Вам, Ваше высочество, должно быть стыдно. Юный Эйкон — ваш брат. Он такой же отпрыск королевской семьи, как и вы все.

— Лорд Мирстлок, этот щенок...

— Хватит! — мужчина повысил голос. — Вы думаете, что ваши действия останутся безнаказанными раз Король в отъезде? Нет, Ваше Высочество. Я сегодня же доложу Его Величеству о вашем недостойном поведении и прослежу, чтобы вы получили по заслугам. А теперь отправляйтесь к себе. Вас это тоже касается юные лорды, — обратился он к Лидию и Гилберту.

Кузены со всех ног бросились бежать в сторону дворца. Октавиан некоторое время стоял, буравя злым взглядом лорда Мирстлока, но затем присоединился к своим товарищам. Мужчина же, бегло осмотрев мальчика, подхватил его на руки и отправился во дворец.

Когда Эйкон пришел в себя, то находился он уже в своей комнате. Придворный лекарь закрывал свой чемоданчик и собирался уходить.

— Мастер Корвин, — охрипший голос мальчика звучал тихо, но у лекаря был чуткий слух.

— Молодой человек, вам лучше помолчать некоторое время, чтобы дать отдых вашим голосовым связкам. К сожалению, я сейчас спешу, но лорд Мирстлок все вам объяснит и скажет когда принимать лекарства. Всего доброго, господа, — он вежливо поклонился и вышел из помещения.

Мальчик перевел взгляд на окно. Уже стемнело. За его столом сидел Первый Советник Короля и что-то писал, временами сверяясь с бумагами.

— Надеюсь, ты не против, что я занял твой стол, — спросил мужчина, не отрывая взгляда от бумаг. — Хотел дождаться твоего пробуждения, но и бросить дела не мог.

— Нет, лорд. Почему вы помогли мне?

— Почему я не должен был помогать тебе? Ты же сын моего лучшего друга. Я никогда не осуждал Уильяма за твое рождение. Шла война, мы не знали вернемся ли домой. А потом... он не мог оставить своего сына в приюте, — лорд надолго замолчал и был слышен только скрип пера. — Ты никогда не должен забывать, что в тебе течет королевская кровь и никому не должен позволять себя обижать.

Мужчина отложил перо, собрал все бумаги в папку и подошел к постели мальчика. Советник поправил одеяло и положил листок с рецептом лекаря на тумбочку.

— Эйкон, тебе не кажется, что твои покои несколько малы, — лорд окинул взглядом небольшое помещение. — У меня слуги в таких живут. Я распорядюсь, чтобы тебе приготовили другие комнаты.

— Лорд Мирстлок, королева будет против...

— Королеву я беру на себя. Кстати, мы с твоим отцом всегда были хорошими друзьями. И потому хватит постоянно величать меня лордом. Я дядя Абрахам, — он подошел к двери и открыл её. — Поправляйся.

В этот день юный Эйкон уяснил свой первый урок: нельзя никому позволять себя обижать. Как только он поправится, то пойдет изучать воинское искусство. А сейчас ему нужен сон...

\*\*\*

Наступила долгожданная осень. Многие ожидают от осени чего-то возможно особенного, чего-то загадочного и таинственного. Того, что приносят прохладные ветра и морозные ночи. Однако вначале для всех приходит что-то обыденное и до скуки привычное. И для каждого это что-то своё. Для жителей городской местности - это вечная слякоть и приближение холодов, а для жителей сельских областей это чистый воздух и вечный листопад наполненный яркими красками уходящего лета.

Осень в лесу это таинственно сказочные пейзажи и невообразимо чудные звуки природы. Это красивые берёзы, которые только поменяли свой оттенок листвы на желто-янтарный цвет. Это птицы, которые собираются улетать в дальние края и никак не могут нарадоваться последним теплыми деньками уходящего лета. Это легкий ветерок, который плавно и нежно колышет листву, а потом быстро и сумбурно закручивает её в вихре.

По королевскому тракту передвигалось много людей: в повозках, дилижансах, на конях или пешим ходом. Более всех выделялся один путник — стройный светловолосый парень с синими глазами. Овальное лицо, тонкие губы, прямой нос, ямочка на подбородке... Загар на его теле говорил о том, что парень много времени проводил на свежем воздухе. Одет он был опрятно и просто: серый плащ, белая льняная рубашка, брюки из черной кожи и удобные добротные ботинки. Длинные прямые волосы были убраны в хвост, чтобы на ветру не попадали в глаза. Осанка выдавала в нем человека благородных кровей, но путешествовал он почему-то один и пешком. Из вещей у него был только заплечный мешок и скимитар. Мимо него проехала крестьянская повозка и он стал невольным свидетелем разговора.

— Ох, стоило всё же взять с собой Ивара. Он хоть мечом махать умеет, — ворчал старик.

— Да, зачем он нам... Смотри сколько народу! Авань не пропадем, — ответил ему более молодой путник.

— Нападения участились. Разбойники словно с цепи сорвались...

Разговор юноша не смог дослушать так, как повозка уже обогнала его и двинулась дальше по тракту. Блондин поднял голову и посмотрел на солнце. Близилось

## Строка прозы

время обеда, парень свернул с дороги и углубился в лес, собирая по пути сухие ветки. С прошлой остановки у него осталось немного мяса и овощей. Этого должно хватить на рагу, а потом он будет уже в городе, где его ждут уютная комната и сытный ужин.

Вдруг он услышал крик в глубине леса. От неожиданности из рук парня выпали ветки. Крик больше не повторился, но для успокоения своей совести он решил проверить что случилось и быстрым шагом направился в сторону странного звука.

Источник непонятого шума обнаружился достаточно скоро. Юноша притаился за деревом, чтобы оценить обстановку. В широком овраге остановился настой купеческий обоз со своей охраной. Они, наверное, собирались отдохнуть, когда на них напали разбойники. Пока охрана обоза приходила в себя, разбойники успели зарезать четверку незадачливых «сонь». Прояснив для себя ситуацию парень не долго думая ринулся на помощь охране, на ходу, вынимая скимитар. Одного охранника утыкали стрелами, и он упал на землю, дико крича. Навстречу юноше летел клинок, блондин сделал шаг в сторону остриём меча отбивая нож. Один из разбойников решил ударить его в спину, но парень резко повернулся, присел и сбил противника с ног, после чего пронзил его тело своим мечом. Следующий противник скорее всего не был сведущ в воинском искусстве так, как синеокий быстро выбил из его рук оружие, а затем отсек голову. В скором времени схватка была окончена и разбойники, потеряв большую часть товарищей, были вынуждены скрыться в лесу. К сожалению среди охраны тоже не обошлось без потерь. Командир охраны начал собирать своих людей для погони. Парень направился к нему.

— Добрый день, командир. Меня зовут Эйкон.

— Приятно, юноша. Я — капитан Джоран. Полагаю, что тебя стоит отблагодарить за помощь. Для своих лет ты не плохо сражаешься. Сколько тебе?

— Семнадцать, капитан.

— Желаеть присоединиться к погоне, Эйкон?

— Нет, сэр. Да, и вам бы не советовал. Численность вашего отряда заметно уменьшилась и эти леса вам незнакомы. При погоне вы потеряете еще столько же людей.

— А ты не только хороший боец, но и мозг имеешь. Я, пожалуй, прислушаюсь к твоему совету. Кстати, наши наниматели скорее всего захотят хоть чем-то отблагодарить тебя за помощь.

— Пожалуй, я не откажусь от их предложения.

Эйкон вытер кровь со своего меча и отправился в шатер к купцам. Практически все торговцы были выходцами из Халифата. Один из них радостно улыбаясь бросился навстречу гостю и усадил его на мягкие подушки рядом с главным. Это был седой старик тело, которого покрывали рубцы.

Халифатец скрипучим голосом произнёс приветствие, и его слуга тут же принялся переводить.

— Мой господин желает вам...

— Благодарю, но я прекрасно знаю ваш язык, — перебил Эйкон слугу, а потом обратился к старику. — Пусть и вам благоволит степной бог, мудрейший.

— О-о-о... Гляжу ты знаешь обычаи моего народа, странник. Редко кто знает правильную форму приветствия. Расскажешь откуда путь держишь?

— Почему бы и не рассказать. Путь я держу оттуда же откуда и вы, мудрейший. Из Халифата. У меня были дела в приграничном городе Сизе. Местные органы павопорядка обнаружили моего старого друга мертвым в квартале бедняков. Убийцу так и не нашли. Его жена послала за мной. Я был обязан ему и она не сомневалась, что я приложу все силы чтобы найти виновного. Когда-то он он обучил меня восточным боевым искусствам...

Хорошее настроение Эйкона быстро улетучилось и он хмуро посмотрел на

халифатский клинок, доставшийся ему от бывшего наставника. У королевского бастарда всегда было мало друзей, а теперь их стало на одного меньше.

Когда Эйкон был ребёнком его, сослали на год обучения в одну далекую академию на Севере (с его высокими показателями ему не пришлось так долго там находиться), он проезжал мимо мелкой деревушки и видел, как толпа закидала человека камнями насмерть. Его заинтересовал этот случай и он начал задавать вопросы своему сопровождающему.

— Почему они так поступили? Он же их сосед или знакомый, кому-то может быть родственник.

— Одну минуту, юный господин, — слуга подбежал к толпе и что-то спросил у ближайшего селянина, а потом вернулся обратно. — Говорят, что он много добра людям сделал, всегда помочь пытался, а люди его так отблагодарили. Что для него было добром — для других было злом.

Эйкон не знал почему сейчас об этом вспомнил. Может потому что история его друга была очень похожа на эту?

- И ты нашёл виновного?

- Да. Моего друга сгубило его желание помочь нуждающимся. Что-то вроде преступного братства убило его за то, что он пытался улучшить жизнь нищим и те выходили из под контроля этой организации. Я нашёл все, кто был к этому причастен...

- Твой друг был хорошим человеком. Мало кто на моей родине обратит внимание на бедняков.

— Мудрейший, прошу меня извинить. Я благодарен вам за угощения, но дела гонят меня дальше. В столице уже давно меня заждались.

— О, конечно. Ступай странник.

Эйкон вежливо поклонился и покинул шатер. Убитых разбойников уже почти всех закопали в землю, а мёртвую охрану сложили в повозку, чтобы захоронить позже по правилам. Парень вновь посмотрел на небо. Ему придется поторопиться если он хочет успеть вернуться в город до темноты.

На тракте один крестьянин решил сжалиться над юношей и усадил его свою телегу. Когда юноша захотел заплатить ему за его помощь, то обнаружил, что кошель с деньгами исчез.

— Вот ушлый народ! И когда только успели?

— Что? Цыгане? — посочувствовал крестьянин.

— Хуже. Халифатцы.

В тот день бастард уяснил еще один урок: делая добро людям, не забывай о себе.

\*\*\*

Эйкон не спеша брёл по улицам города и наблюдал за прохожими, домами и снегом, количество которого в этом году порадовало всех. На улице мороз, и люди выдыхают густые облачка пара. Все закутались в теплые шарфики, спрятали уши под шапками, а руки в перчатках. Только нос и щеки никак не получалось уберечь от холода, и они становились румяными. Снег выпал только вчера — густой и чистый, который не тает через полчаса и не превращается в слякоть. Дети с разбега падали в сугробы, поднимая тучи снега вверх. Блики от снега слепят глаза, заставляя жмуриться.

— Ой! Дядя, извините.

— Ничего, малец, — произнес Эйкон, одной рукой стряхивая с плаща остатки снежка, а другой, зачерпывая горсть снега. — Смотри как надо.

С этими словами бастард кинул снежок в проходящую мимо компанию ребят. Искусно слепленный снежок разбился о затылок самого высокого паренька. Когда парень развернулся, чтобы найти виновника, Эйкон указал на мальчишку. Тот

## Строка прозы

был не дурак и выбрал цель послабее. Вскоре мальчишка был закидан снежками, а Эйкон свернул на другую улицу, провожаемый обиженным взглядом ребёнка.

Простые улицы города нравились нашему герою больше, чем величественные залы дворца. Простой люд любил и уважал его в отличие от того сброда, что постоянно крутился возле отцовского трона. Пожалуй, среди народа он пользовался даже большей популярностью, чем Его Высочество принц Октавиан. Его титулованный брат был далеко за стенами дворца и интересовали его развлечения своей царственной особы. А Эйдона часто можно было встретить на улице. Он легко мог починить лестницу какой-нибудь старушке, выгнать пьяных дебоширов из таверны или припугнуть чиновников, которые требовали с бедных крестьян деньги. Жители города тоже нравились бастарду. Они были открытыми людьми и честными. Простым людям всегда было куда развиваться, а поменяв сословие они не забывали о своих бедных соседях, которые когда-то делили с ними свой обед.

Эйкон прошел мимо лавки со сладостями и свернул за угол. Впереди уже была видна таверна его друга Томаса. Снег на этой улице еще не расчистили, поэтому парень не заметил скрытую под толщей снега замершую лужу и растянулся по середине дороги. Однако вставать он не спешил, а просто лежал и смотрел на небо, делая ангелочка на снегу.

— А денёк-то удачный выдался, — произнес звонкий девичий голосок. — Выхожу, а тут мужчинка на дороге валяется. Ау! Люди добрые, паренек никому не нужен? Симпатичный! Нет? Ну так я его себе возьму.

Эйкон повернул голову и увидел рыжую девушку с изумрудными глазами. Она с любопытством его разглядывала.

— Я Эйкон. А ты? — он протянул ей руку для рукопожатия.

— Ника. Может встанешь? А то я не привыкла смотреть на людей сверху вниз, — она помогла ему встать и отряхнуться. — Вот. Так уже лучше. О, да ты не только симпатичный, но и высокий.

— Знаю. Мне все об этом говорят, — он был почти на голову выше своей новой знакомой.

— А куда ты направлялся, Эйкон? Ну, перед тем как я тебя нашла.

— В таверну «У доброго дядюшки»

— Та которой Томас заведует? Так это судьба. Я тоже туда направляюсь. На встречу с друзьями. Пойдем вместе?

За разговором время пути пролетело незаметно. Сегодня там было как-то оченьлюдно: подвыпившая компания в углу (к которой сразу же направилась Ника), городская стража, несколько купцов, которые обсуждали свой товар и постояльцы. Блондин глазами отыскал в толпе бармена и подмигнул ему, а потом сел за единственный свободный стол в центре зала.

— Привет, Томас, — сказал он подошедшему бармену и взял предложенный им стакан. — Как жена? Дети?

— Ох, брат... жена занемогла. Лежит вся бледная, как призрак... слабеет на глазах...

— Ну, а что врачи говорят?

— А что они могут говорить? Платите деньги за лечение и тогда мы поможем. А Изольда тратить деньги на неё запрещает, ведь на обучение сынишке копили, — вечно жизнерадостный Томас сегодня сам на себя был не похож. — Берегись! Сзади!

Предупрежденный словами друга Эйкон быстро развернулся и успел перехватить руку с ножом, который был направлен ему в сердце. Нож лишь немного оцарапал кожу. Изумрудные глаза убийцы смотрели с ненавистью.

— Ника, сама ответишь на мои вопросы? Или окажешь сопротивление?

— Да пошел ты! — она предприняла попытку освободить руку, но хватка



бастарда была железной.

— Всё с тобой ясно. Томас, у тебя веревка есть? Хочу её спеленать и отдать дознавателям, — бледный бармен кивнул и побежал в подвал, чтобы вернуться уже с нужным предметом. — Ага. Спасибо, друг. Не поддержишь её? Ника, не дёргайся, а то больно будет. Ну я же предупреждал. Кстати, Томас, я сегодня же пришлю лекаря...

— Но это же дорого...

— Брось, дружище. Ты мне сегодня жизнь спас. Даже не вздумай отказываться.

От переполнявших его чувств Томас бросился обнимать своего друга. Блондин ухмыльнулся, всучил упирающемуся бармену деньги за выпивку и вместе со своей добычей вышел на улицу.

— Эй, ты же на меня не держишь зла? Ну, попыталась убить тебя, но не убила же! Ну, отпусти! — просила девушка почти всю дорогу до дознавателей.

— Ника, послушай. Если ты не замолчишь, то мне придется поискать кляп для твоего очаровательного ротика.

В этот момент кто-то напал на Эйкон сзади, а другой человек вырвал девушку из его рук. Пока парень защищался от быстрых ударов своего противника, второй бандит успел освободить девушку от пут и вместе с ней скрылся за поворотом. Тот факт, что добыча ускользает очень разозлил бастарда и он от защиты перешел к нападению. Постепенно он теснил бандита в угол, чтобы уменьшить ему поле для маневренности. Противник был не глуп, поэтому бросил Эйкону горсть снега в лицо, поднырнул под его левую руку и оказался его спиной. Затем он толкнул его в сугроб и скрылся в неизвестном направлении.

— Странные убийцы, — произнесла несостоявшаяся жертва отплевываясь от снега.

— Дядечка, а чего это вы в снегу валяетесь? — спросил детский голос за спиной.

— Да, вот. Решил детство вспомнить, — Эйкон посмотрел назад и узнал говорящего. — Это никак ты, малец?

— Я дядечка. А у меня к вам просьба, — мальчик посмотрел по сторонам, потом в пол и смутился. — Возьмите меня к себе в услужение, — выпалил он быстро.

— Ха-ха-ха. Насмешил! Зачем мне слуга? — мальчик опустил голову и уже повернулся, чтобы уйти. — Пстой, малец! Зовут-то тебя как?

— Герк, господин.

— Ну, что, Герк? Пошли.

Урок этого дня: не всё прекрасное полезно.

# Дворянин

Ева Голдьева

Прохладным осенним днем на скамейке среди жёлтой листвы возле одного Европейского дворца одиноко сидел седоволосый мужчина. Восхищаясь красотой и величием дворца в стиле "Барокко", он наслаждался марципановым тортиком. Длинные седые волосы, похожие на белокурый парик, фиолетовый вельветовый пиджак с жемчужной брошкой - казалось, он из совсем другого века, из века барокко и роскошных балов...

Всего сотню лет назад на эту территорию дворца вход простым смертным был воспрещён. Сюда могли пожаловать только знать и их прислуга. Тогда к дворцу подъезжали золоченные кареты, и дамы в роскошных бальных платьях, протянув

## Строка прозы

руку кавалерам, выходили из кареты, а затем танцевали под классическую музыку на паркете под позолоченными канделябрами... Как писал Пушкин:

Там теснота, волненье, жар,  
Музыки грохот, свеч блистанье,  
Мельканье, вихорь быстрых пар,  
Красавиц лёгкие уборы,  
Людьми пестреющие хоры,  
Невест обширный полукруг,  
Все чувства поражает вдруг.

Сегодня ворота в придворцовый парк были открыты для всех. Туристы со всего мира гуляли по этому роскошному парку, шурша опавшей листвой под ногами. Кавалеры с растрёпанными волосами, облачённые в черные неопрятные куртки, дамы в джинсах и кроссовках и шумные дети со смартфонами наперегонки фотографировали местные достопримечательности. Ни от прежних балов, ни от знати не осталось и следа...

Он сидел на скамейке, слушая безумное шептание осенней листвы и надрывный плач ветра, наслаждаясь марципановым тортом и наблюдая за лебедями, проплывающими по придворцовому озеру. Белые лебеди, плавающие в синей воде, напоминали ему балерин в белых пачках.

...На часах было 2:50. Он встал со скамейки, сел на велосипед и поехал в сторону знакомого ресторана.

Атмосфера, манящие ароматы, милое приветствие сразу согревали после осенней прохлады. Здесь посетители под аккомпанемент рояля могли предаться наслаждению всевозможными сладкими лакомствами: воздушными бисквитными тортами, вкусной свежей выпечкой, всевозможными пирожными.

Он тихо подошёл к роялю и начал играть. Руки музыканта плавно, словно птицы, летали над клавишами рояля и рождали неповторимые, волшебные звуки...Клавиши рояля то плакали, будто задетые за живое, то нежно пели под ласковыми прикосновениями. То смеялись и ликовали, то негодовали, печалились и вздыхали.

Посетители предавались сладкому наслаждению нежными, тающими во рту десертами, щебеча и порой не замечая человека за роялем в вельветовом пиджаке с жемчужной брошкой. Иногда все-же ему в шляпу бросали несколько монет, оставшихся от сдачи после покупки торта и чая.

Музыкальная композиция подошла к концу. Посетители зааплодировали, а затем хозяин ресторана, как обычно, предложил ему торт на выбор.

Он проверил шляпу. Мелочь. Люди всегда бросали лишь пару монет, а иногда шляпа оставалась абсолютно пустой...

Затем он присел за один из столов и достал блокнотик и о чём-то задумался...

... Когда-то его родители в своё время сбежали в глубинку, устроились на завод, скрывая своё постыдное для тех времен происхождение. В своё время слово "работа" было ругательным и оскорбительным в аристократичных кругах, но они были благодарны просто за то, что выжили. В одну ночь они потеряли всё: роскошное поместье, гувернанток, драгоценности и высокий статус в обществе. Сбегая куда глаза глядели, в ту холодную суровую ночь, отец под полушубок надел тот самый вельветовый пиджак с жемчужной брошкой, который и согревал его в те суровые дни.

- Сын, учись "держатъ лицо" при любых сложностях, несмотря ни на какие жизненные невзгоды - учили его родители. Когда он подрос, родители устроили его "по благу" на завод. На заводе ему выдали серую рабочую одежду. Он стал таким, как все, таким, как все 200 работников завода в серой рабочей одежде... В серой рабочей одежде все выглядели одинаково, монотонно выполняя свою работу час за

часом, день за днём, год за годом...

Работники завода часто устраивали перекур в перерывах между работой.

- Слышь, а ты чё не куришь? - спрашивали они его.

- Спасибо, товарищи, не курю я....

- Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт, - гоготали они.

- Спасибо, товарищи.

- Ишь, вежливый какой...Прям интеллигенция,- усмехались они.

... Затем в него влюбилась одна обычная фабричная девушка. Она ухаживала за ним, заботилась о нём, готовила ему, и вскоре они поженились... Они поселились в простой коммуналке, кушали тушёнку, копили на телевизор, в общем, жили как обычная советская семья. А затем после рождения дочери им выдали однокомнатную квартиру в спальном районе на окраине города.

...Всю жизнь он проработал на заводе. Вместе со всеми он строил новое общество. Тяжелая работа на заводе отвлекала его от всех мыслей...И только по вечерам, втайне от всех, кушая макароны, он позволял себе непростительную наглость мечтать о чём-то другом: хотя бы одним глазком он хотел увидеть жизнь, которой жили его родители....

...Его наследство, оставшееся от родителей, было весьма скромным: осанка, вежливость, вельветовый пиджак и игра на фортепиано, которой его научила мать, заменявшая гувернантку...

...Долгое время границы были закрыты.

И вот однажды, как только границы открылись, подкопив денег, бросив жену и ребёнка и забрав все сбережения, которые он заработал на работе на заводе, он сбежал по туристической визе на Запад искать своих дворянских родственников. Сбежал навстречу своей Мечте...

Вот уже несколько лет он мечтал судиться с одним музеем, так как был уверен, что многие драгоценности, выставяемые там, принадлежали его фамильному роду. Он был уверен в своем родственном статусе одной европейской дворянской семье, и хотел просить с них наследство или содержание... Он пытался достучаться до своих предполагаемых родственников, но он не понимал их языка, да и им не нужен был предполагаемый бедный родственник, говорящий на непонятном языке...

Он наивно верил, что кто-нибудь его признает и не знал, в какие двери стучаться...К адвокатам ли, говорящим на непонятном языке, к предполагаемым ли незнакомым родственникам. Поиск аргументов и доказательств, которые ничего не меняют, долги, потраченное здоровье - казалось, он проходил все 7 кругов ада.

Как беспомощная птица, кружа в воздухе, мечась из стороны в сторону, он отчаянно пытался где-нибудь приземлиться, не зная, где его место на Земле...

... Мечта всей его жизни сбылась. Как настоящий дворянин, он жил при дворе, а точнее при дворце. Он мог сидеть на скамейке возле величественного дворца, а вечерами он заваливался прямо на скамейку парка или скверика и засыпал сном праведника, положив под голову рюкзак со скудными пожитками и укрывшись накидкой или одеялом. Он смотрел на дворец издалека и мечтал...

...Зимы в том регионе были теплыми, и он уже забыл, как выглядел снег. Когда же ночью было холодно, он согревался дешёвым ромом. Но больше всего его грела надежда, теплившаяся в его сердце.

... Днём он подрабатывал разноской газет или игрой на рояле в ресторане, а ночью спал на скамейке возле дворца. Сладости в обмен на музыку были его основным рационом. Возможно, марципановые тортики были единственными сладостями в его несладкой жизни...

Однажды, когда он как обычно сидел на скамейке, неожиданно позвонила его жена на его маленький дешёвенький телефон:

- Ты где шляешься? Вместо приветствия она набросилась на него.

- Меня нет в городе, - промямлил он в ответ.

- Срочно домой. Тебя ждут на заводе!

Он промолчал... и бросил трубку...

...Вскоре наступила зима и неожиданно пришли морозы. Он впервые за несколько лет увидел снег, очень много снега. Мороз пробирал до ниточки, и, казалось, уже никаким ромом невозможно было спастись...

...Та зима была невероятно холодной...

## Официантка Лига

**Ева Голдева**

Лида спокойно проживала в своём тихом неприметном маленьком провинциальном городке. Отец бросил их семью, когда она ещё была маленькой, и поэтому Лиде с ранних лет пришлось становиться самостоятельной, работать и заботиться о себе самой.

В этой бесконечной рутине учёба-работа-дом-дача времени на обустройство личной жизни у Лиды совершенно не было. Мужчины то ли были слишком ленивыми, чтобы знакомиться с Лидой, то ли не осмеливались подходить к блондинке, то ли по статусу бедная девушка не подходила... И так год за годом, и Лиде уже исполнилось 24 года и по меркам провинциального города, ей нужно было срочно запрыгивать в последний вагон и рожать для себя, так как женские часики неумолимо тикали. Но принцев для осуществления этой миссии, почему-то, на горизонте совсем не примечалось: все приличные мужчины были уже женаты и разобраны щенками. И только однажды, когда Лида, запыхавшаяся на работе, возвращалась домой, наглый кавказец подкатил к ней на своем коне, точнее автомобиле.

- Эй, красавица, давай я покатаю тебя на своей ласточке,- предложил он, приоткрыв окно машины.

На безрыбье Лида согласилась и сходить в ресторан, и покататься на ласточке...

...А после уже другая птица, аист, принёс ей дочку через 9 месяцев...

Кавказец испарился так же внезапно, как и появился, так и не женившись на ней, и оставил ее одну с дочкой...

Когда девочка подросла, она посмотрела в зеркало и спросила маму:

- Мама, ты блондинка, а я нет. Я кавказка? Как кавказская овчарка?

- Нет, милая. Ты такая как все, - успокаивала ее Лида.

...Прошли годы. Лида работала, воспитывала дочь и очень уставала. В 32 года она была абсолютным неликвидом в своём городе. Бабушки у подъезда, лузгая семечки, любили пообсуждать её: женщина с прицепом, да ещё и кавказским, мать-одиночка, нагулявшая ребёнка, залежалый товар, перезревший персик и другие приятности так и сыпались в ее сторону каждый раз, когда она проходила мимо них. Как даме за 30, даме бальзаковского возраста, ей уже хотелось надевать простыню и медленно ползти в сторону кладбища.

...Однажды в их город в командировку заехал иностранец. Блондин. Увидев Лиду, он влюбился с первого взгляда и вскоре позвал её замуж.

- Я не слишком старая для свадьбы? - спрашивала она своего кавалера.

- 32 года? Старая? Ты с ума сошла! Наоборот, слишком молодая, - сообщил он ей.

Он был единственным мужчиной, позвавшим её замуж, и он растопил её сердце. Лида согласилась.

Как же Лида была удивлена тем, что на Западе жизнь после 30 только начи-

нается, и многие даже до 35-40 не женятся и не выходят замуж. И красавица- блондинка уехала на Запад. Вместе с дочкой...

...После переезда, активная Лида стала искать работу, но так как не знала местный язык хорошо, она нашла только позицию официантки в одном русском колоритном ресторане.

В первый рабочий день она надела кокошник и традиционный сарафан и стала работать. Кормить иностранцев заграничными диковинками: пельменями, борщом, квасом, чаем из самовара, орешками со сгущёнкой, медовиком. Её характерный акцент только привлекал посетителей.

Часто иностранцы, трапезничая в русском ресторане и не зная, как едят русские блюда, ели с ножом и вилкой не только пельмени, но и орешки со сгущёнкой.

Одна элегантная старушка, в твидовом пиджаке и жемчужном ожерелье, как истинная леди, натыкая орешек со сгущёнкой на вилку, позвала Лиду:

- Девушка, принесите ещё чаю, - вольготно сказала она, крутя в руке вилку с орешком со сгущёнкой.

- Хорошо, - с трудом сдерживая смех сказала Лида.

Хоть и бабушка выпила 5 стаканов чая, чаевых она оставила ровно 19 центов...

За соседним столиком в это время элегантные джентльмены в деловых костюмах деликатно ели пельмени ножом и вилкой, а на десерт заказывали блинчики с икрой, которые тоже осторожно разделяли ножом и вилкой. Даже медовик нанизывали на вилочку и затем по кусочку отправляли в рот.

Но некоторые посетители давали щедрые чаевые красивой блондинке, особенно, когда она красила губы яркой красной помадой.

Однажды, то ли из-за вкусного борща, то ли из-за красной помады, богатые адвокаты оставили ей очень приличные чаевые.

- Вот. Возьмите весь кошелёк, - сказали они, протянув Лиде блестящий кожаный кошелёк.

- Как? Весь кошелёк? Ну что вы, - засмушалась Лида.

- Вы так прекрасны. Вы заслуживаете этого.

- Спасибо, - сказала Лида и приняла подарок.

Лида взяла кошелёк и обнаружила там приличную сумму, которую уже хотела спрятать в лифчик, как и другие чаевые. Благодаря припрятанным чаевым ее размер груди к концу дня магически увеличивался без всяких операций.

Между тем веселье за столом адвокатов продолжалось.

- На здоровье, - произнес один из них тост.

- Встретимся под столом! - поддержал его другой.

- Девушка, принесите нам ещё грузинского вина.

Грузинского вина больше не было, им стало в тот день молдавское, но посетителям, по всей вероятности, уже было все равно.

А после их друг вернулся из туалета.

- Нужно оставить чаевые, - сказал он.

- Ты уже оставил чаевые. И заплатил за всех, - рассмеялись его друзья.

И тут Лида поняла, что его коллеги-адвокаты разыграли его, и отдали ей весь кошелек. Она вернула ему кошелек, а он за честность оставил очень щедрые чаевые.

... А однажды Лида подносила горячий борщ к столу. Вдруг один из посетителей обернулся и глубоко посмотрев в Лидины глаза, безумно красивым баритонным голосом произнес фразу:

- Мне бы ещё пельменей, девушка.

Роскошный смокинг, небесно-голубые глаза и голливудская белоснежная улыбка - у Лиды от вида такой красоты закружилась голова и подкосились ноги...

## **Строка прозы**

И борщ неожиданно оказался на его брюках...

- Простите, я все уберу- сказала Лида, покрываясь багровым румянцем от стыда и смущения, и начала судорожно вытирать полотенцем борщ на столе.

- Оставьте, девушка, ничего страшного.

Ее коллеги-официантки во всю уже смеялись на кухне.

- Лида, нужно держать себя в руках. Не надейся. Он голубой. Не видишь что -ли, он с мужем пришел...

Лида выглянула в окно и увидела, как его партнер любовно оттирал борщ с его брюк.

- Я, вообще-то, тоже замужем.

- Что он попросил? Пельменей? Голубцов им надо! Её коллеги продолжали подтрунивать.

А затем, поев борща и пельменей и оставив щедрые чаевые, голубки сели в свой кабриолет и уехали...

...Так Лида работала в русском ресторане, а потом параллельно училась в университете.

А вскоре Лида забеременела. И родила блондинку-дочку от своего мужа. А затем она выучилась в университете, перекрасилась в брюнетку и стала менеджером.

# Обряд

**Сергей Калабухин**

Палач не выразил удивления, увидев входящего вслед за мною принца Гервасия.

- Ваше Величество! – Привычно склонился он, почтительно целуя мне руку. Потом повернулся к принцу и поклонился менее почтительно. – Ваше Высочество!

Тщательно закрыв и заперев дверь на массивный засов, палач невозмутимо стал ждать дальнейших распоряжений. Последние двадцать лет, за единственным исключением, в Грановитую башню кремля имеют доступ только палач, его жена и сын. Они поддерживают здесь чистоту и порядок, а также на их попечении находится единственный узник подвальной камеры, но последнее является государственной тайной.

Принца Гервасия явно возмутило то, что палач отнёсся к нему менее почтительно, чем обычно, и он наверняка сделал соответствующую отметку в своей истине бездонной памяти. Но палача это ни в малейшей степени не волновало: он и вся его семья прекрасно знали, что вряд ли надолго переживут меня. Новая метла, как известно... Или же новый Государь оставит их на прежних должностях, простив все обиды. Верных слуг, способных многие годы хранить тайны своего господина, найти не так-то просто!

Сдержав недовольство, принц Гервасий начал с любопытством осматриваться. Его не поразило царское убранство бывшей камеры пыток, ведь я провожу здесь каждое воскресенье больше часа. Толстые ковры на каменном полу и исходящую жаром печь принц принял как должное – зима на дворе! Огромный рабочий стол, заваленный бумагами, его немного удивил.

- Ты здесь ещё и работаешь, отец?

- Времени безумно не хватает, - вздохнул я, усаживаясь в кресло и пододвигая поближе пачку срочных донесений.

Но Гервасий мой ответ, кажется, даже не услышал. Потому что наконец-то увидел то, что долгие годы вызывало его жгучий интерес и являлось причиной чёр-

ной зависти, толкнувшей, в конце концов, моего сына на роковой поступок. Это было простое металлическое кресло, обтянутое шкурой какого-то морского зверя и почти встроенное в нишу, выдолбленную в толстой крепостной стене.

- Это оно? – спросил дрогнувшим голосом принц, мгновенно утерев всё своё высокомерие. Его дрожащие руки стали жадно ощупывать железное кресло. – А зачем здесь на подлокотниках, ножках и спинке эти толстые ремни?

- Узнаешь, если ты ещё не передумал, - ответил я.

Гервасий вновь надменно выпятил челюсть.

- Я никогда не меняю своих решений, отец!

- Что ж, тогда не будем терять время. – Я повернулся к палачу. – Синеус, мой старший сын и наследник престола принц Гервасий пожелал досрочно взять в свои руки управление государством...

- Ты уже тридцать лет сидишь на троне! – яростно выкрикнул принц. – Мне через несколько дней исполняется сорок лет. Мои сыновья, твои внуки, давно достигли совершеннолетия, а ты всё не собираешься уходить на покой!

- Устал ждать моей смерти? – с горечью спросил я.

- Надо мной уже открыто смеются придворные и за спиной называют «Вечный Принц»! – в бешенстве заорал Гервасий. – Так не может больше продолжаться...

- Вот видишь, мой верный Синеус, как складываются дела. – Мои руки машинально перебирали лежащие на столе бумаги. Обычный набор: письма, отчёты, прошения, доносы. – У принца Гервасия, оказывается, много сторонников среди молодых дворян, и чтобы избежать Гражданской войны, я предложил моему сыну заменить меня сегодня во время Обряда Единения царя и народа. Приготовь кресло, люди на площади ждут.

- Но, Государь, - осмелился возразить палач. – Пять лет назад...

- И я, и принц Гервасий прекрасно помним всё, что случилось пять лет назад, - резко перебил я его. – На этот раз всё будет иначе: если мой сын с честью выдержит Обряд Единения, я немедленно отрекусь от престола в его пользу. Не могу сказать, что данный шаг будет сделан мною с лёгким сердцем, но я дал слово Гервасию и не нарушу его.

Палач молча подошёл к железному креслу, убрал заглушку, закрывающую отверстие в сиденье и с почтительным поклоном обратился к кусающему в нетерпении пухлую, как у женщины, нижнюю губу принцу Гервасию:

- Соблаговолите снять штаны, Ваше Высочество и сесть на этот трон.

Мне не составило труда уловить во внешне бесстрастном голосе Синеуса оттенок насмешки, и я незаметно подмигнул ему, одновременно осуждающе погрозив пальцем. Негоже палачу, пусть и царскому, насмеяться над наследником престола.

Усевшись, принц попытался принять величественную позу, но не смог: его довольно объёмистый зад всё же провалился в дыру, и Гервасий испуганно схватился за подлокотники.

- Не беспокойтесь, Ваше Высочество, - невозмутимо произнёс палач. – Вы не провалитесь.

И он ловко затянул широкие ремни из жёсткой толстой кожи, надёжно привязав принца к креслу. Тот и глазом не успел моргнуть, как его руки оказались прижаты к подлокотникам, ноги в высоких ботфортах – к ножкам кресла, а мясистая грудь – к спинке.

- Что ты делаешь, болван?! – испуганно вскрикнул принц. – Отец...

- Не волнуйся, сын, - не отрываясь от просмотра очередной бумаги, ответил я. – Это обычная процедура. И я так же сидел. Не думаешь же ты, что этот железный трон сделан специально для тебя? Откуда же мне было знать, что ты решишь

## Строка прозы

устроить государственный переворот именно сегодня? Как я мог предугадать, что ты согласишься войти вместе со мной в Грановитую башню, чтобы заменить меня во время церемонии Обряда Единения?

Гервасий заметно ободрился, но всё же процедил угрожающим тоном:

- Не забывайте, что за дверью меня ожидает отряд верных дворян. Если со мной что здесь случится, и я не выйду целым и невредимым из этой камеры, то и им терять будет нечего.

Я с сожалением посмотрел на сына и твёрдо отдал приказ:

- Приступай, Синеус!

Палач привычно дёрнул на себя торчащий

из стены железный рычаг. Где-то под полом заскрипели шестерни механизма. Ниша в стене превратилась в окно, сквозь которое колючий ветер швырнул внутрь камеры облачко снежинок и гул собравшейся на площади толпы. Железный трон с привязанным к нему принцем с лязгом въехал по направляющим в нишу, закупорив образовавшееся отверстие. Перед собравшейся снаружи толпой, изнывающей от нетерпения, появился «Высочайший Зад». Обряд Единения Государя и народа начался.

На площади раздался оглушительный грохот двух огромных барабанов, задающих ритм церемонии. Сквозь коридор стражников люди поодиночке взбегали по прямому деревянному пандусу к отверстию в стене башни, исступлённо лизали или лобызали торчавший в нём голый зад и по настилам, идущим влево и вправо вдоль стены, сбегали вниз, исчезая в узких улочках Города. Вторично встать в очередь никто из них не мог – за этим строго следила стража.

- И что тут сложного? – насмешливо хмыкнул Гервасий. – Даже приятно...

- Тебе нужно выдержать всего лишь один час, - спокойно ответил я, указывая ему на быстро сыпавшийся песок в часах. – И трон Тартарии – твой.

- Брось эти бумажки и начни готовить прощальную речь, отец, - самоуверенно посоветовал мне Гервасий и захохотал.

Обряд Единения возник почти двадцать лет назад, и тогда в нём участвовал только самый близкий ко мне круг придворных. Но чем больше дворян узнавало о новой привилегии, наглядно свидетельствующей о близости её обладателя к Государю, тем стремительнее росла на моём столе гора прошений о её даровании.

Вскоре тронный зал моего дворца перестал вмещать всех, кого я облагодетельствовал правом участия в Обряде Единения, и церемония стала проходить на городской площади при стечении простого народа. Тут уже на моём столе начала расти гора прошений от воинов, купцов и ремесленников. Дворяне пробовали протестовать, но я твёрдо заявил, что негоже ни им, ни тем более Государю отрывать от народа. Мы все должны быть едины, и тогда никакой враг нам не страшен!

Явные протесты утихли, но мои агенты доносили о всё более усиливающимся среди аристократов ропоте: дворяне не должны быть хоть в чём-то уравнены с простолюдинами. Чтобы пресечь возникшее недовольство, я издал Указ о том, что отныне во время проведения Обряда Единения дворяне будут лизать Высокий Зад, а все остальные сословия – целовать. Это несколько снизило накал страстей, однако начались иные трудности.

Довольно скоро городская площадь не могла больше вместить всех желающих участвовать в Обряде Единения, а я не желал тратить на него целый день. Было создано министерство Единения, которое занялось подсчётом и установлением квот от различных категорий граждан: кто, когда, в каком количестве и в какой последовательности будет допущен к Обряду. Конечно немедленно начались спекуляции билетами на площадь, которыми обеспечивались участники церемонии. Предлагалось тех, кто продавал свой билет, казнить за измену и оскорбление Государя, но я запретил. Обряд – дело добровольное, и если кому-то деньги важнее



привилегии, то это его личное дело. Государству от этого убытка нет, а я не желаю навязывать кому-либо близость к своей Особе насильно. Совершенно иное дело, когда кто-то торгует поддельными билетами. Таких негодяев надо приравнять к фальшивомонетчикам и казнить без всякой жалости.

Однако чем больше людей принимало участие в Обряде, тем чаще приходилось его проводить, чтобы удовлетворить всех желающих. Заволновалась моя охрана: не хватало сил, чтобы уследить за всеми, кто толпился на площади. Нельзя было исключить того, что под видом верноподданного к особе Государя вплотную приблизится враг. Вот тогда и была соответствующим образом переоборудована бывшая камера пыток Грановитой башни кремля, одна из стен которой выходит как раз на площадь. В башню из моего дворца я спокойно прохожу по специально сооружённому подземному ходу, приветствую с её верхней площадки собравшийся на площади народ и спускаюсь в бывшую камеру пыток. И вот сегодня меня здесь вновь захватили в плен...

- Ой! – вскрикнул принц Гервасий. – Меня кто-то укусил!

- Ничего удивительного! – Я ухмыльнулся. – Не все подданные любят Государя. Уж тебе ли и твоим дружкам этого не знать? Укусами эти люди выражают своё отношение. Чем больше укусов, тем доходчивей сигнал, что Государь что-то делает не так, и народ им недоволен.

Я откладываю бумаги и внимательно вглядываюсь в обеспокоенное лицо своего старшего сына. Это теперь Гервасий – старший. До него наследным принцем был Ярослав. Тому тоже надоело ждать моей смерти. Пять лет назад его сторонники проникли в Грановитую башню, и когда, поприветствовав народ, я спустился сюда, меня схватили и отвели в одну из мрачных камер подземелья. Как и Гервасий сейчас,

Ярослав провёл Обряд Единения вместо меня! Он выдержал до конца, у него всегда была железная воля. Так считали окружающие его приятели и он сам, но я думаю, это скорее было ослиное упрямство, а не сила воли. Как бы там ни было, он выдержал испытание и даже, как мне потом доложили, самостоятельно вновь поднялся на башню. Народ всё ещё толпился на площади, потому что по приказу Ярослава, переданному от моего имени стражникам, те никого не выпускали в Город.

Ярослав объявил народу, что ввиду преклонного возраста царь Святослав, то бишь я, отстранён от власти, и отныне в Тартарии новый Государь. То, что он, принц Ярослав, достоин трона доказал только что проведённый Обряд Единения, в котором народ не заметил разницы между Высокими Задами бывшего и нового царей. Говоря всё это, Ярослав гордо выпятил грудь, в которую тотчас вонзились стрелы стражников, дежуривших на кремлёвской стене. Самозванец рухнул к подножию Грановитой башни, видимо, так и не успев понять, что своим поступком оскорбил не только меня, но и весь народ. Вслед за мятежным принцем рухнули вниз и его приспешники, где все они были разорваны в клочья обезумевшей толпой. Когда стража навела порядок, и все куски удалось собрать в одну кучу, определить, что кому принадлежало, было невозможно. Останки сожгли, а пепел развеяли за пределами Города.

Гервасий учёл опыт Ярослава. Он потребовал, чтобы я сам, якобы по своей воле передал ему престол.

- Или что? – спросил я его.

- Или ты умрёшь, - отведав глаза, но довольно твёрдо ответил мой сын. – Народу сообщат, что твоё старое сердце остановилось, не выдержав напора чувств во время Обряда Единения.

- Но ведь правда когда-нибудь всплывёт, - стараясь казаться спокойным, сказал я. – Кто-то из твоих сподвижников обязательно проговорится.

- Ну и что? – пренебрежительно отмахнулся принц. – Когда это произойдёт,

## Строка прозы

я уже буду твёрдо сидеть на троне Тартарии, и никто не посмеет ничего сказать, а тем более сделать. В любом случае тебя-то уж точно вернуть на трон будет невозможно.

- А если я соглашусь на отречение, что меня ждёт?

- Я дам тебе слово, что на твою жизнь и свободу никто не будет покушаться.

Ты в свою очередь дашь мне слово, что не будешь делать попыток вернуться на трон. Сбрось с себя бремя власти, отец! Отдохни, поживи хоть на старости лет в своё удовольствие.

Я сделал вид, что задумался. Мы с Гервасием стояли на узкой площадке где-то посреди Грановитой башни. Принц встретил меня здесь, когда я спускался с верхней площадки, где перед этим, как обычно, приветствовал собравшийся на площади для проведения Обряда Единения народ. Мимо меня вверх по винтовой лестнице проскользнуло несколько вооружённых дворян с лицами, закрытыми масками. Снизу тоже доносились приглушённые голоса и лязг оружия. Люди принца отрезали мне любую возможность для бегства.

- Ты должен дать ответ немедленно, отец, - хрипло сказал Гервасий. – Что ты выбираешь: немедленную смерть или спокойную жизнь в одном из своих дворцов?

- А кто проведёт Обряд Единения? Люди на площади ждут.

- Почему это тебя волнует? – Принц с удивлением посмотрел на меня и вдруг понимающе ухмыльнулся. – Не можешь без привычных почестей, как пьяница без вина? Или таким образом выторговываешь себе дополнительный час жизни? Успокойся, Обряд проведёшь ты. В последний раз. Вне зависимости от твоего ответа.

- Да, я хочу жить! – Я не стал отпираться, и Гервасий вздохнул с явным облегчением. – Поэтому я принимаю твоё предложение, но у меня есть одно условие.

- Ты ставишь мне условие? – нахмурился принц.

- Оно простое: проведи сейчас Обряд Единения вместо меня.

Гервасий натужно рассмеялся.

- Заманиваешь меня в ловушку, отец? Надеешься, что меня убьют, как Ярослава?

- Вовсе нет! – поспешил я его успокоить. – Ты же не будешь, как Ярослав, сообщать об этом обмане толпе! И я тоже себе не враг.

- Мы не одни...

- В камере мы будем одни. Палача Синеуса можно не опасаться, да ему и нет смысла выдавать нас. Да, кто-то из твоих людей сейчас слышит нас, но никто из них не сможет поклясться, чей именно Высокий Зад участвовал в Обряде.

- Не понимаю, зачем тебе это?

- Я хочу убедиться, что ты действительно готов заменить меня на престоле Тартарии. Если ты успешно пройдёшь испытание, я сегодня же публично отрекись в твою пользу. Даю тебе в этом своё слово. Если же нет, я сохраню свой трон до следующей церемонии Обряда. И так до тех пор, пока ты делом не докажешь, что готов меня заменить.

- Не понимаю, в чём подвох? – нервно прикусил нижнюю губу принц. – Ярослав, говорят, справился без особого труда...

- Теперь выбор за тобой, сын! – Я насмешливо изобразил почтительный поклон. – Ты можешь в свою очередь дать мне слово. Или убей меня прямо сейчас. Но рано или поздно детали моей смерти станут известны, и кто-нибудь из твоих сыновей тоже может решить, что его отец слишком долго зажил на этом свете. Дурные примеры заразительны! К тому же, тебе и в этом случае придётся самому проводить Обряд.

- Отец, - хрипит Гервасий, - я больше не могу! Останови это!

Указываю ему на часы, в которых песок успел пересыпаться сверху вниз только наполовину.

- Я не могу прервать Обряд, - укоризненно качая головой, отвечаю я. – Терпи, раз уж ты решил занять моё место.

- Как ты это выдерживаешь, отец?

- Сейчас уже легко. Человек ко всему привыкает, знаешь ли. Изначально Обряд Единения проводился раз в год и длился столько, сколько необходимо. Но чем больше становилось желающих, тем чаще мне пришлось устраивать церемонию, и сейчас Обряд проходит каждое воскресенье, но не дольше одного часа. Языки у людей бывают настолько шершавыми, что буквально сдирают кожу с твоей задницы, что ты сейчас и ощущаешь. Когда твой брат Ярослав встал с железного трона, стойко выдержав всю церемонию, его зад напоминал окровавленный кусок мяса, с которого кое-где свешивались ленточки кожи.

- Но зачем терпеть эту пытку? – в недоумении воззрился на меня Гервасий.

- Любовь народа – тяжкое бремя, принц! Да, сначала она весьма приятна, но со временем становится всё труднее соответствовать её растущим размерам. Всё больше усилий приходится прикладывать, чтобы не разочаровать народ. Ненависть, Гервасий, очень редко переходит в любовь, а вот обратное случается довольно часто. И если народ возненавидит государя, то дни того на троне сочтены. Обряд Единения наглядно демонстрирует степень любви народа к Государю. Ради этого можно и потерпеть некоторые неудобства...

- Первым же Указом я отменю Обряд! – корчась от боли, прорычал принц.

- Это будет твой последний указ, сын. – Я с сочувствием посмотрел на Гервасия. – Можно отнять привилегию у провинившегося перед Государем дворянина или даже целого сословия. Но нельзя без веской причины лишить Обряда Единения весь народ!

- Тогда я отказываюсь от трона! Лучше я останусь «Вечным Принцем», чем буду каждую неделю терпеть подобные муки...

Я сделал знак Синеусу, и тот, подойдя к двери, отодвинул металлическую шторку смотрового окошка и посмотрел, что творится снаружи. Потом опять закрыл окошко и, повернувшись ко мне, кивнул. Со вздохом облегчения, я откинулся на спинку кресла. Итак, мои люди уже уничтожили настоящих заговорщиков. Принц Гервасий очень бы удивился, если бы хотя бы мельком просмотрел те бумаги, что я читал, пока он корчится от боли на железном троне. Ведь это - доклады моих агентов, внедрённых в ближайшее окружение принца. Почти половина заговорщиков на самом деле работают на меня. Так что, стоя недавно с принцем на площадке винтовой лестницы и слушая его ультиматум, я знал, что кроме врагов рядом с оружием в руках находятся и мои защитники. Это конечно не давало полной гарантии безопасности, но я сознательно пошёл на риск. И он оправдался!

- Отец, ты слышишь? – из последних сил хрипит Гервасий. – Я отказываюсь от трона!

- Дай принцу вина, Синеус! – приказываю я. – Это немного облегчит его муки.

Да, половина заговорщиков была моими агентами, поэтому ликвидация другой половины произошла практически мгновенно и незаметно для народа. Никто не должен знать, что заговор вообще имел место. Имя наследного принца останется незапятнанным. Да и так ли уж велика его вина? Ведь это я на самом деле являюсь вдохновителем и организатором заговора. Это мои агенты подзуживали принца на захват трона и раздували его спесь. Зачем?

Всё просто: я действительно старею и очень устал. Мне нужен не просто наследник, а единомышленник, человек, который продолжит моё дело, а не разрушит всё созданное мною за долгие годы правления Тартарией. Я возлагал все надежды

## Строка прозы

на Ярослава, но того, к сожалению, больше привлекали битвы, а не повседневные заботы о государстве. Ярослав мечтал о славе завоевателя, а я стоял на его пути...

А Гервасий рос, зная, что трон Тартарии не для него. Всё его время занимали развлечения: пиры, охота и женщины. Он вырос изнеженным и избалованным. Я надеялся, что став наследником престола, Гервасий изменится, но этого не произошло. И тогда я придумал и организовал этот заговор. Одним выстрелом убил двух зайцев: пробудил в Гервасии честолюбие и выявил своих недругов.

Последняя песчинка упала, и Синеус рванул рычаг. Железный трон с лязгом выехал из ниши, и плита вновь закрыла окно на площадь. Палач быстро освободил обмякшего принца от удерживающих ремней и, кряхтя от натуги, перетащил на лежанку. Уложив стонущего Гервасия на живот, Синеус стал осторожно покрывать его кровоточащий зад лечебной мазью.

- Вот так-то, сын! – с удовлетворением произнёс я. – Теперь ты знаешь, каково приходится мне.

- Я не хочу...

- Ты – наследник престола! – резко прервал я его. – Не хочешь быть Государем Тартарии, отрекись в пользу своего сына. Теперь ты знаешь, что его ждёт.

- Нет, - простонал принц. – Даже врагу я не пожелаю такого...

- Тогда прекрати нытьё! – прикрикнул я. – Ты дал мне слово, не забыл? А это значит, что через неделю мы вновь встретимся здесь, и ты опять заменишь меня на железном троне. И так будет продолжаться, пока ты с честью не выдержишь Обряд Единения, доказав, что готов заменить меня на престоле Тартарии.

- Пощади, отец! – взвыл Гервасий. – Я не смогу...

- Хорошо, я освобожу тебя от данного мне слова, если ты поклянёшься с завтрашнего дня оставить свои пирушки, охоту и женщин. Будешь всё время рядом со мной, начнёшь вникать в государственные дела и по возможности принимать на себя ответственность за решение возникающих проблем. Сначала конечно под моим непосредственным руководством, а потом и самостоятельно.

- Я согласен! Даю слово, отец, что отныне стану твоим самым прилежным учеником и самым преданным подданным. Но как же быть с моими...

- Заговорщиками? – безжалостно уточнил я. – Это проблема Государя, и я её уже решил. Да-да, не удивляйся. Ты многому должен научиться, сын! Радуйся, что у тебя будет такой учитель, как я.

Когда вернулся Синеус, передавший принца Гервасия в надёжные руки моего личного лекаря, я бросал в огонь печи последний документ. Мой рабочий стол был пуст, на нём не осталось никаких письменных свидетельств существования заговора принца Гервасия против своего Государя. В молчании самого принца, моего личного лекаря и Синеуса я не сомневаюсь.

- Как дела у нашего узника? – спросил я палача. – Рад небось, что сегодня его зад отдыхает?

- Да, Государь, - поклонившись, ответил Синеус. – Он просто счастлив. Его раны что-то плохо заживают, и выпускать его в таком виде на церемонию было бы нежелательно. Я даже на всякий случай подыскал ему замену.

- Да, бедняга Гервасий! – Я невесело рассмеялся. – «Отец, как ты такое выдержишь?» Как думаешь, Синеус, как скоро мой сын начнёт подозревать правду?

- Не думаю, Государь, что принц Гервасий догадается.

- Что ж, значит, когда-нибудь мне самому придётся рассказать ему, для чего мы держим тайного узника в подземельях Грановитой башни. Много уцелело заговорщиков?

- Всего трое, Государь.

- Маловато. Уж больно часто мрут твои тайные узники! Скоро в моих тюрьмах и преступников не останется. Заговорщики хотели меня заменить? Скоро им представится такая возможность. Каждому! Вот только трон окажется железным...

# Абсурдософские рассказы

Юрий Тубольцев

## СТОП СЛОВА

— Никогда не думай! — сказал мне редактор.

— Как не думай? — сказал я.

— На всякий случай!

— А как же тогда писать, если не будет мыслей?

— Да я тут запутался в Ваших стоп— словах!

— Что такое стоп— слова?

— Я не могу понять, где они просто пошлость, а где они вмонтированы в серьезную мысль. Стоп— слово — это в цифровом смысле — пошлость, — сказал редактор.

— Они у меня все вмонтированы только в серьезные мысли! — сказал я.

— Вот и проблема, что теперь я не могу отличить серьезные мысли со стоп— словами от стоп— слов, когда они сами по себе.

— Но это Ваша проблема, почему же я должен из— за этого обеднять свой язык, — наехал я на редактора.

— Нет, — теперь это наша проблема, — ничуть не смутившись ответил мне редактор.

— Ну как же наша, когда я элементарно могу отличать, в отличие от Вас?

— Короче, если замечу стоп— слово, сразу бан! Не важно, в связи с чем Вы его вцифровали! — сказал редактор.

— А если точная передача нужной мысли или настроения без него не возможна? Если оно нужно для художественного эффекта? — уготовил я ловушку редактору.

— Вот о том и речь. Что без художественных эффектов. К моему удивлению, абсолютно спокойно признал редактор.

— Что же тогда останется? — растерялся я. — И что за хрень происходит?

— Все сочиняют по шаблонам. Процифровав в себе ваше творение, я и в нем не увидел ничего не шаблонного, и это очень хорошо. Но, если увижу негативный шаблон — сразу в бан!

— Да любой шаблон негативен! — закричал я. — Нету у меня никаких шаблонов! Это в твоей редакторской башке одни шаблоны и ты уже не можешь отличить шаблон от не шаблона!

— Возможно, — сказал нейтральный голос редактора. — Просто в отличие от Вас, я слишком много процифровал, читая. Если бы и вы столько читая, процифровали, то и вы бы все написанное воспринимали как шаблон.

— Да я процифровал не меньше тебя! Чёрт! — закричал я. — Не хочешь, не публикуй! И нечего морочить мне голову!

— Прочитал и процифровал в себе, — уточнил редактор.

— Прочитал, процифровал, какая разница?! — сказал я.

— В том— то и дело, что между нами никакой, — многозначительно сказал редактор.

— Чего?

## Строка прозы

— Объяснить? — сказал редактор, все так же неподвижно сидя за столом, но, наконец, подняв на меня глаза.

— Ну объясни, — сказал я, — если тебе это так надо!

Редактор вдруг встал, перегнулся через стол, и резко нажал мне пальцем куда— то на низ живота, и я услышал короткий щелчок.

— Теперь понял?

— Черт, откуда эта кнопка? — заорал я. — С утра ее не было!

— Не важно, откуда. А важно — для чего, — поправил меня редактор, усаживаясь обратно в свое кресло.

— Ну, хорошо, для чего?! — заорал я.

— Для того, чтобы ты все понял, — сказал редактор. — Прислушайся к себе. Ты должен теперь услышать, что все слова и все мысли из слов — это все давным— давно — цифры и, стало быть, всё шаблон и ничего нового. И теперь Вы должны успокоиться.

Я пощупал на себе кнопку, потом стал слушать себя. Но вначале ничего не услышал.

«На что он намекает, — подумал я. И что я должен в себе почувствовать?»

— Я же Вас включил! — сказал редактор.

«Что же он во мне включил— то?» — Испуганно подумал я и вновь прислушался к себе. И почувствовал, что меня как бы и нет, а есть известный мне набор букв алфавита и цифры, от нуля до девяти, до тоски привычные и понятные, и которые можно тасовать как угодно. Ни в одной комбинации не будет ничего нового, потому что первичные кирпичики — они слишком знакомы.

Я осмотрел кабинет. В нем висело несколько видеокамер, одна камера на глазу у редактора, какие— то цифровые приёмники окружающего, на всех этих устройствах кнопки, теперь и на мне тоже...

— А если снова нажать — это ощущение отключится? — спросил я.

— Это не ощущение, это знания, — сказал редактор. — Зачем тебе его отключать?

— Какое еще знание? — спросил я.

— Знание нашего предела, — сказал редактор.

\*\*\*

Опасная девственность

(Полунемой этюд. Драматургия почти без слов.)

Крайне озабоченный девственник ищет девушку в метро. Ходит из вагона в вагон. Никак не может найти. Наконец, встаёт в вагоне напротив девушки и начинает строить ей глазки. Смотрит девушке на ноги. Девушка стоит в открытой позе, носок ноги смотрит на парня.

(мысли молодого человека за кадром)

— Раз носок смотрит на меня, значит я ей понравился! Она меня заметила! — думает девственник и начинает отчаянно строить девушке глазки и перепроверять, на него ли смотрит её носок.

Двери открываются. Девушка выходит. Девственник идет за девушкой.

(мысли молодого человека за кадром)

— В метро знакомиться не прилично. Лучше я познакомлюсь с ней около метро, — думает девственник.

Девственник следует за девушкой.

Около метро он обгоняет девушку и спрашивает:

— А давай обменяемся телефонами!

Девушка, ничуть не удивившись, даёт свой телефон.

Девственник тоже даёт свой телефон и тут же говорит:

— Спасибо, пока! И идет обратно в метро.

— Он знакомится на конечных станциях метро, — передает по радиации полицейский полицейскому.

— Он преследовал девушку и шел «за» девушкой, — говорит по радиации второй полицейский.

Конец сценария.

\*\*\*

Не понявший предупреждения

Молодой человек во время комендантского часа познакомился с девушкой в метро, а теперь ждет, когда она к нему приедет в гости.

(мысли молодого человека за кадром)

— Она приедет и мы будем с ней заниматься любовью. Я для неё подарок. Я для нее как лотерейный билет. Ей повезло, что я с ней познакомился. Она со мной как телефон доверия, у нас нету общих знакомых, это анонимное знакомство и у нее есть шанс не стесняться меня, — думает молодой человек.

Вдруг звонок в дверь. Вместо одной девушки приехала другая девушка — Оля, с курсов Дианетики.

— Саша, привет! Мне нужна диктофонная запись прошлого занятия, — говорит Оля.

— Бери сразу все записи, потом дашь мне конспект! — ответил Саша.

— Извини, я ничего не взяла к чаю! — говорит Оля.

— Ой, Оля, извини, я не могу пригласить тебя на чай, я сейчас очень занят, — испугался Саша.

(мысли молодого человека за кадром)

— Сейчас же должна приехать девушка из метро, мне надо Олю побыстрее выпроводить, — подумал Саша.

— Я знаю, к тебе девушка должна приехать! — сказала Оля.

Саша не обратил внимания на эти слова.

Оля распрощалась и ушла. Проходит час. Девушка из метро не приехала.

(мысли молодого человека за кадром)

— Если бы Оля приехала в другой день, я бы переспал и с Олей и с девушкой из метро. Как стыдно, что я девственник. Если все узнают, что я девственник, я опозорюсь. Надо срочно знакомиться.

\*\*\*

Второй Толстой

Стасик планировал стать вторым Достоевским и вел Дневник Писателя в интернете, в котором однажды написал «хочу спать». Но пальцы его ослушались и вместо «спать» написали слово «сидеть».

Фразу «хочу сидеть» прочитали люди из органов.

На следующий день Стасику позвонили из литературного кружка.

— Стасик, мы знаем, что ты писатель. Наш кружок занимается написанием литературных автобиографий, как у Толстого «Детство. Отрочество. Юность.», приходи!

— Ну теперь, если не вторым Достоевским, то вторым Толстым точно буду! — решил Стасик и стал ходить в литературный кружок.

А потом его отравили.

P.S.

Стасик — это таракан.

\*\*\*

Передразненный

Двенадцатилетний Леша приехал в санаторий и сразу посмотрел красивой

## Строка прозы

девушке под юбку. Долго не мог оторваться и пялился на неё.

На следующий день эта девушка оказалась из его компании.

— А тут один озабоченный на меня пялился, вот он, кстати, идет, — сказала красивая девушка и показала пальцем на другого парня.

Ребята засмеялись.

— Да мы все ещё девственники, — сказал парень постарше и все засмеялись.

Леша понял, что его пронесло. Девушка его не выдала. Она показала на другого парня.

Вечером на танцах он с ней танцевал и положил ей руки на плечи.

— На талию надо класть руки, ты же мужчина!

Леша понял, что завтра вся компания узнает, что он опозорился. Он правда не знал, куда класть девушке руки во время танцев.

На следующий день Леша не пошел гулять. Два раза подряд опозориться — это уже слишком.

\*\*\*

План романа в стиле Достоевщина

Вязкий, занудный, пристающий парень Никита мечтал о девушке с большими глазами и влюбился в большую с базедовой болезнью Иветту. Но он ей не нравился и, хотя базедова болезнь не излечима, он так настойчиво к Иветте приставал, что для того, чтобы от него избавиться, Иветта выздоровела и глаза ее стали обычными.

\*\*\*

Всех надо кормить

Она была помешана на кошках.

— Ты будешь кошек кормить? — спросила она меня.

— Буду!

— Ну так корми! Ты только говоришь.

— А нечем...

Чтобы кормить кошек, она продала свою последнюю одежду, а я не хотел оставаться без одежды. Я смотрел на нее и думал, как же она ради кошек все продала, а она смотрела на ворону, которая сейчас набросилась на кошку и кошка убежала.

— Странно, обычно кошки гоняют ворон, а тут все наоборот, — сказал я, чтоб сменить тему. Мне почему—то было стыдно сейчас, что я не способен ради кошек все продать.

— Ворон тоже надо кормить, вороны умные, но кошки интереснее, — сказала она.

— А я видел, один мужик недавно голубей кормил, — сказал я.

— Животные такие же, как и люди! — сказала она.

К нам подошла большая собака с хозяином.

— А я собак боюсь, — сказал я.

— Животные — это наше зеркало, если ты боишься собак, значит в тебе самом есть агрессия, — сказала она.

— Да нет, я просто боюсь собак, на всякий случай, — сказал я.

— Собак тоже надо кормить, — сказала она.

— Всех надо кормить, — сказал я.

Я ее вдруг увидел снизу и почувствовал, что мне гораздо легче стоять. Я вдруг почувствовал в себе какую—то неземную пластику. А потом я испугался и стал понимать, что превратился в кота, чтоб она, наконец, обратила на меня внимание.



Она обратила и даже предложила поесть мне, но я отказался, мне этого было слишком мало. А возможность любви необратимо исчезла, потому что вновь в человека я превратиться не мог.

\*\*\*

Кошколюбка

— Ты любишь кошек?

— Обожаю!

— А ты запишись с кошкой в ограниченном пространстве месяца на три...

— Давай! Я с удовольствием!

Их разговор подслушивал сказочник из высших параллельных миров и он поймал ее на слове.

Все три месяца она ни с кем, кроме кошки, не общалась.

— Ну как? — спросил ее молодой человек через три месяца.

— Во мне проснулась собака! Уже через месяц я стала на неё лаять! А через три месяца я лаяла на нее непрерывно!

— На самом деле тут нету ни логики, ни идеи, ни сверхзадачи, — сказал молодой человек сказочнику.

— В следующий раз не будет делать необдуманные обобщения, — ответил сказочник.

А она опять полюбила кошек, но больше наедине с ними не оставалась.

\*\*\*

Наилучший из возможных миров

— Меня кормят мои кошки.

— Почему?

— Раньше я кормила кошек, а теперь кошки кормят меня.

— А чем?

— Кошачьим кормом, конечно!

— А, если бы ты кормила кошек обычной едой, они бы тебя тоже нормальной едой кормили?

— Почему? Кошачий корм — это лучшая в мире еда! Это наилучший из возможных миров, когда все едят кошачий корм.

— Нет, этот твой мир не подлинный и дурацкий, и то, что тебе нравится кошачья еда — это все не по—настоящему, потому что все—равно ты человек.

А стоит ли по поводу неподлинного мира испытывать подлинные эмоции и вчувствоваться во вкусовые ощущения?

— Нет ничего более подлинного, чем кошки и ничего более вкусного, чем кошачий корм. Нет и не может быть других миров, кроме мира с кошками.

\*\*\*

Конфликт. Пересказ будущего романа

— Если окна разбили мои ученики, я уйду из этой школы! — сказал классный руководитель Георгий Иванович.

— Кто разбил окна? — переспросила директор школы.

\*\*\*

— А ты как думаешь, кто разбил окна? — спросил я у Воробья

— Ты что, Колян, не знаешь, это я! — ответил Воробей

Я ему не поверил. Было родительское собрание, родители пришли с детьми и все решили, что это хулиганы из соседних школ.

А потом Крысе объявили бойкот. Крыса выдал Воробья.

А Валиков и Карпухин бойкот не поддержали. Саша их за это обещал побить.

Я тоже бойкот не поддержал. Сашу я не боялся.

## Строка прозы

Оказывается, когда ребята били окна, я гулял с ними, но я чуть раньше ушел домой. У ребят были рогатки и странно, что я сразу не додумался, что это они.

Но я не мог подумать на своих ребят.

А потом кто—то сломал замок в кабинете математики. И опять подумали на воробья. Воробей обругал учителей матом.

А я вспомнил, что это мы с Воробьем, наоборот, чинили замок. Но я не спас Воробья. Когда его обвиняли, я забыл об этом.

Потом я понял, что меня тоже подозревали в поломке замка, но решили меня не обвинять. А ведь меня могли обвинить и в разбитии окон.

\*\*\*

Жизнь началась

Я щёлкнул её по носу.

Прошло пять лет.

— Ты что, дурак? — сказала она.

Прошло еще пять лет.

Я молча еще раз щелкнул ее по носу.

Прошло еще пять лет.

— Да, ты дурак! — сказала она.

Прошло еще пять лет.

Я снова щелкнул ее по носу.

Прошло еще пять лет.

Она мне подарила мягкую игрушку.

Прошло еще пять лет.

Я щёлкнул мягкую игрушку по носу.

Жизнь началась!

Котдожник

Я рисую кошку, а потом кормлю её, но кошка не ест, значит я плохо её нарисовал. Я её перерисовываю, и опять кормлю. Но она сытая. Он желает убедиться, что его рисунки — реальные, а если она не начнет есть, то все мое искусство бессмысленно и я повешусь. Вот он уже нарисовал веревку и крюк и делает последнюю попытку — и кошка начинает есть. Я рисую худую кошку и кормлю ее. Кошка ест и толстеет. — Ура! Я теперь всегда буду рисовать худых кошек и кормить их.

\*\*\*

Кошктограф

Антошка любил фотографировать кошек. Он коллекционировал кошачьи фотографии. Но вдруг вместо сфотографированной кошки на фотографии оказалась собака.

— Удивительно! — сказал Антошка и сфотографировал еще одну кошку. Опять вместо кошки на фотографии появилась собака.

Антошка поменял фотоаппарат. Опять сфотографировал кошку. Но все—равно вместо кошек на фотках были собаки.

Тогда Антошка сфотографировал собаку и... вместо собаки на фотке оказалась кошка.

— Значит кошки на фотографиях трансформируются в собак, а собаки — в кошек!

— А в кого трансформируются люди? — подумал Антошка и сфотографировал человека.

— Сейчас человек на фотографии трансформируется в обезьяну, — пошутил он.

Но человек так и остался на фотографии человеком.

\*\*\*

Кошкособака

Я слепил кошку из пластилина, но она перелепилась в собаку. Тогда я слепил еще одну кошку, но собака перелепила ее в косточку. Тогда я перелепил собаку в кошку, а косточку в мышку, но кошка опять перелепилась в собаку, а мышка перелепилась в косточку.

— Ну и ладно! — сказал я и пошел гулять со слепленной собакой.

Вдруг собака перелепилась в кошку и побежала за крысой.

— Сколько можно перелепливаться? — удивился я.

Оказывается, все собаки, которые гуляли во дворе — это были перелепленные кошки.

Я был склонен к ложным обобщениям. Но я подумал, что может быть, оно и не ложное. Что все собаки скоро перелепятся в кошек. Что может быть, оно действительно все так и будет. Я теперь в этом не сомневался. Не важно. Мои они были или соседские. Если мои собаки перелепились, чем те собаки хуже или лучше моих.

Я встал посреди двора и закричал:

— Скоро Ваши собаки все перелепятся обратно!

— Обратно — это куда? — спросили меня гуляющие во дворе.

Одна из этих собак даже залаяла:

— Куда это обратно я должна перелепиться?

— В кошек! — Закричал я, — в кошек!

— Ты что?

Меня не поняли.

— Ничего! — закричал я. — Все вы кошки на самом деле и одновременно собаки, потому что самое главное в вас пластилин. Вы все бесконечно пластичные и если бы это было не так, то и пластилин бы никто не изобрел. Понятно вам?

— Пластилин — это что, ложное обобщение. Да не может быть. Он действительно очень пластичный. — подумал я.

— Ничего, они еще поймут! — подумал я и пошел лепить еще одну кошкособаку.

А все собаки во дворе стали постепенно перелепливаться.

\*\*\*

Кусака

Я укусил кошку за нос.

— Это ты меня так погладил? — удивилась кошка.

— А разве кошек гладят? Кошек кусают! — сказал я.

— Аа. Ну я тогда не кошка. Меня надо гладить! — сказала кошка.

— Ах ты не кошка! Значит меня обманули! А кошкой ты не можешь стать, хотя бы минут на пять? — спросил я.

— С тобой ни одна кошка кошкой не будет, раз ты кусаешься! — ответила кошка.

— Как? Кошки любят, когда их кусают! Ты что? — сказал я.

— Это ты что? — сказала кошка и убежала.

\*\*\*

Прозрение тыком

Я тыкал кота носом в смысл жизни.

Кот тыкался с удовольствием, но так ничего и не понял.

Тогда я нашел пса и стал его тоже тыкать носом в смысл жизни.

Пес тыкался с удовольствием, но так ничего и не понял.

## Строка прозы

Тогда я нашел соседку Дашу и стал тыкать ее носом в смысл жизни.

Даша тыкалась с удовольствием, но ничего так и не поняла.

Тогда я сам стал тыкаться носом в смысл жизни.

Я тыкался с удовольствием, но тоже ничего не понял.

— А зачем тогда тыкаться носом в смысл жизни? — осенило меня.

И я больше никогда никого не тыкал носом в смысл жизни и сам не тыкался.

И тогда пришла жизнь и тыкнула в смысл сама. Сначала меня, потом Дашу, потом пса, а коту тыкать не стала. Просто не все ж должны быть одинаковыми...

\*\*\*

Пришла пора

Я подходил на улице к девушкам и кормил их. Девушки ели охотно и говорили «спасибо!». Потом мне девушки надоели и я стал кормить кошек. Кошки ели охотно и говорили «спасибо!». Потом мне кошки надоели и я стал кормить собак. Собаки ели молча и ничего не говорили. Потом мне собаки надоели и я решил никого не кормить.

— Но без этого все теряет смысл! — понял я и стал искать, кого бы покормить.

До сих пор ищу кого—то, кто ест и не надоедает.

\*\*\*

Мнюшка (подавленный инстинкт)

Я ее мял мял, но так и не размял.

— А ты зачем меня мнёшь? — удивилась она.

— Ну ты же мнёшься, ты мнюшка! — объяснил я.

— Сам ты мнюшка! Я же тебя не мну! — сказала она.

— А ты помни. Почему бы и нет? — сказал я.

— А я тебе не мнутель, чтобы мять! — сказала она.

— Ну и не мни! — сказал я.

— И ты меня не мни! — сказала она.

— А что, тебе жалко, что ли? — удивился я.

— Ладно, мни, мни, обомнись! — сказала она.

— Это моя мнюшка—антистресс, — подумал я.

\*\*\*

Книга - лучший подарок

- Это касается Канта, лапы убери! - сказала она.

- Нет, я касаюсь твоей миниюбки! - возразил он.

- Ааа. Это касается Фрейда! - сказала она.

- Я только тебя касаюсь! - возразил он.

Она положила себе под юбку книгу по философии.

- Ну ты извращенка! - сказал он.

- Это я для тебя, чтобы ты книгу нащупал! - возразила она.

- Ааа. Ну хорошо. Буду книги щупать! - согласился он, улыбаясь.

- Убери лапы и скажи, что любишь меня! - сказала она.

\*\*\*

Взросление Буратины

- Руки убери! - сказала она.

- Я что, безрукий? - ответил он.

- А разве мужчина делает это руками? - удивилась она.

- А хоть носом, если женщина в миниюбке! - ответил он.

- Ааа. Ясно. Нос всегда стоит, - согласилась она.

- А я не шучу! - сказал он и полез носом под юбку.

- Знаю, мужчины не шутят, - сказала она и накрыла его кофтой, чтобы за соседними столиками не заметили.

И тут пришел ее муж. Очнулся он через полгода, в коллекторе города N.

- Сними уже проститутку, может хоть это как-то поможет твоему горю, - услышал он, и снова пошел искать её.

\*\*\*

Падший ангел

- Ты что, девственник? - спросила она.

- Я девственник со стажем! - ответил он.

- Тогда я тебе тоже не дам!

- Я знаю, мне не дадут никогда!

- А ты стань ангелом! - улыбнулась она

- А потом — падшим ангелом, когда мне дадут, - сострил он.

- А ты откажешься! - сказала она.

- Нет, у меня комплекс неполноценности, мне надо стать мужчиной, - сказал он.

- А тебе все-равно не дадут! - сказала она.

- Я знаю, мне не дадут! - согласился он.

...

\*\*\*

Низший мир

- Ты что? Никогда! Если ты познаешь женщину, тебе откроется доступ в низший мир и ты будешь изгнан из высших миров! - сказал мне учитель.

- А Вы что, тоже никогда не знали женщин? - спросил я.

- Я никогда не сплю с женщинами и никогда не хожу в общественные туалеты, - сказал учитель.

- А я никогда не загораю на пляже! - сказал я.

- Пляж — это лига низшего мира, наш мир — это шаблоны с разными слоями, и ты должен фильтровать реальность, чтобы не попасть на низший слой трафарета. - сказал учитель.

...

- Советовать ничего не буду, не благодарное это дело, но наш мир — не хуже их мира, лучше оставайся собой, живи своей жизнью, играй свою роль, будь лучшей версией себя, не сворачивай с пути и никогда не спи с женщинами! - сказал я своему ученику через тридцать лет. Еще через тридцать лет мой ученик тоже самое скажет своему ученику.

\*\*\*

Я — резервная копия

- Всегда сохраняй резервную копию своей девушки на случай, если она тебя бросит, - говорил мне учитель. - И никогда не делай откат!

- А пока не бросила, резервную копию можно выставить на панель! - пошутил я.

- Ты что, никогда! А вдруг ты сам — резервная копия! - сказал учитель.

- Всё это так однотипно, я не верю в виртуальный мир, - сказал я, но на всякий случай сохранил резервные копии всех своих восьми девушек.

\*\*\*

Руки под юбкой

- Почему ты молчишь?

- У тебя карт-бланш!

- Ты что, кукла?

- А что, нет?

## Строка прозы

- Но я же тебя так затискаю!

- Это твоё дело, тискай!

- Сказать «охреть» - ничего не сказать, - сказал редактор, прочитавший эту рукопись.

- Да он онанист, просто он не умеет тискать, - сказал второй редактор.

- А поставь себя на его место? - сказал третий редактор.

- Я — это он, он — это я! - сказал четвертый редактор.

Члены редколлегии стали совещаться. Решили проголосовать, дописывать ли этот рассказ.

Но секретарша засунула рукопись в шредер.

- Я тебя люблю! - дописал шредер рукопись.

\*\*\*

Кролик Мнюшка

Он целовал её только в носик.

- Я что, мультяшка? - спрашивала она.

- Да, ты анимашка из мультика! - говорил он.

Он нажимал ей на щёчки и конструировал из нее забавные мордочки.

- Я знаю, я плюшевая! - радовалась она.

- А давай я из тебя тоже буду корчить рожицы? - предложила она.

- Давай!

- А ты тоже плюшевый! - обрадовалась она.

- Все люди плюшевые, мир — это мультики, - сказал он.

- Я, кажется, опузатилась, - сказала она.

И тут пришел ее отец и порвал весь плюш у него на лице.

\*\*\*

В баню что ль собралась?

- Привет!

- А кто ты? Что ты?

- Я общаюсь!

- С чего бы? Таких надо банить сразу!

- А каких не надо?

- А всех надо банить сразу!

- А если я не все? А если я как раз собралась в баню? А ты что, сам новых друзей не добавляешь?

- Никогда!

- Подожди! Еще начнешь!

\*\*\*

Агент 0.1

- Дружок, а можно тебя оцифровать?

- Не шали, я не виртуальный!

- Ты никогда не попадешь в цифровое рабство, что ты уже цифровой раб!

- Что-что?

- 198249259599879079

- Аааа. Так бы и сказала. 39834699801390

- 34098982597213

- 729821982398

- 07424893153067296

- 00000000000000000000

- Что? Кто тебя обнулil?

- 00000000000000000000

- Неужели поздно? 38802365383430



## Строка прозы

- Ветер мужчина, а ты — нет! - сказала она.
- Иметь нужно совесть! - сказал он.
- Ааа. Все мужчины имеют женщин, а ты имеешь совесть! - и она засмеялась.
- Не орёл! - сказала бы Нонна Мордюкова из кинофильма Председатель, - сказал ветер.

\*\*\*

### Втыкатель

- Ты что, втыкаешь? - спросила она.
- А что, надо всунуть? - спросил он.
- Нет, это не гуманно, - сказала она.
- А палка о двух концах, смотря как на это смотреть, - сказал он.
- Все Вы, мужчины, втыкаете не глубоко! - засмеялась она. - Втыкаете, а потом — тыкаете, тыкаете, тыкаете!
- Да, мы втыкаем, а потом тыкаем, тыкаем, тыкаем, - согласился он, но вдруг стал импотентом.

\*\*\*

### Реальное лентяйство

- Парень, а ты зачем вываливаешь на обозрение грязные трусы?
- А я реалист, носки тоже грязные, кстати!
- Ааа. Ты вонист! Вон из моего чата!
- Это ты в мой чат зашла, я тебя не держу! Будешь лазить по чужим чатам, привыкнешь!
- Аааа. А ты уже привык, что от тебя девушки убегают!
- Я никого не догоняю, и ты не догоняешь, кстати!

\*\*\*

### Зацепка

- Девушка, а можно с Вами познакомиться?
- А так ли всё разумно в этом мире, если ко мне в метро парни пристают?
- Мои глаза зацепились за вас... поэтому и предложил... Я видел вас. Это вы рыбой на базаре торгуете?
- Молодой человек, этот мир безумен, и только в рыбе есть смысл! Приходите ко мне на базар!
- Девушка, смысл есть только в отношениях!
- Если Вы съедите 100 килограмм моей рыбы, я буду с Вами встречаться!
- Хорошо! Я съем всю рыбу, которая продается на Вашем базаре!

\*\*\*

### Бурное знакомство

- Девушка, а можно с Вами познакомиться?
- Молодой человек, это вступает в разительное противоречие с моими принципами!
- Девушка, а как же единство и борьба противоположностей?
- Молодой человек, а давайте не по Гегелю, давайте по Фрейдю!
- Да, человек — это функция от животных инстинктов! - сказал он.
- А это у Вас дурная редукция! - сказала она.
- Сама ты дурная, - подумал он.
- Сам ты дурной, - подумала она.
- Кто дурной? - подумал он.
- Я что, телепатка? Молодой человек, Вы что там бормочите? - удивилась она.
- Сама ты бормочишь! - подумал он.
- Что же это ты бурчишь себе под нос? - удивилась она.
- Ладно, девушка, будем считать, что познакомились, - сказал он и пересел в другой конец вагона.



# Костя-дурак

Юрий Берг

*«...ибо придет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его».*

*(от Матфея 16)*

*Л.К. посвящаю.*

## Глава 1

В конце 1976 года страна готовилась к встрече Нового Года. Шахтеры со страниц газеты «Правда» рапортовали родной Коммунистической Партии о миллионах тонн сверхпланового угля, строители спешно, с недоделками, сдавали тысячи квадратных метров кое-как слепленного жилья. Милиционеры спешно долавливали слегка пьяных граждан, выполняя план по наполнению вытрезвителей, космонавты уже чистили парадно-выходную форму, готовясь к съемкам «Голубого Огонька», а мохнатобровый Генсек заучивал текст новогоднего обращения к народу.

Все старались, стремились, выполняли и перевыполняли.

Костя Ганкин старался вместе со всеми, но у него получалось плохо. Не так, чтобы совсем уж плохо, но хуже, чем у остальных, старающихся еще и перевыполнить план.

Конструкторский отдел проектного института, где Костя трудился в должности старшего техника, уже перевыполнил план по выпуску проектной документации, и заказчики успели сказать им за это своё «спасибо», но денег платить не спешили. У них ведь тоже все шло с перевыполнением плана, в том числе и расходование средств, отпущенных на строительство. Так что денег не было ни у кого.

Первой задёргалась Тамара Ивановна, ГИП отдела, где работал Костя. Она, мысленно, уже забила в свой семейный бюджет немаленькую сумму премиальных, которые могла бы получить, если бы не... А премиальные, показавшиеся где-то там, вдали, тут же накрылись мокрым полотенцем, и Тамара Ивановна, краснея щеками, с ужасом ждала вызова на директорский ковер – для «разбора полётов».

Костя, видя, как

мучается Тамара Ивановна, сидел за своим кульманом, чему-то глупо улыбался и рисовал чертей. Тамара Ивановна, из-за своего стола давно наблюдавшая за ходом Костиной работы, решила на нем немного оторваться. Она тихо подошла сзади, полюбовалась длинным хвостом рогатого, просунутым между его ног так, что он казался издали тонким и длинным членом, потом, по своей старой армянской привычке, уперлась руками в крутые бока, и громким голосом стала Костю стыдить:

-Как тебе не стыдно, Ганкин! Все работают, план перевыполняют, свой вклад вносят, а ты сидишь и чертей рисуешь!

Костя, старательно дорисовывающий кисточку на хвосте поганого, повернулся на вертящемся стуле и посмотрел на ГИПа.

-И еще по-дурацки улыбаешься при этом! – добавила Тамара Ивановна, наливаясь злобой.

Костя, продолжая улыбаться, поднялся со стула, и, глядя ей в переносицу, сказал:

-Лично я уже внес все, что мог внести, а теперь сижу и жду Нового Года, а вместе с ним – обещанной вами премии.

Тамара Ивановна выслушала Ганкина и пошла на него жаловаться. Начальник отдела, Федор Иванович Дядичев, в миру просто «Дядя», пять минут спустя по-

## Строка прозы

звал Костю к себе.

-Ганкин, ты дурак? – спросил он, медленно зеленея лицом.

Костя посмотрел в добрые, отеческие глаза «Дяди» и ответил, проникновенно и тихо:

-Умные у умных работают, а меня к вам направили!

-Пошел вон, придурок – закричал «Дядя», хватаясь за баночку с валидолом, – мы с тобой после праздников разберёмся! Мало не покажется – добавил он, подумав.

«Какой грубый, какой некультурный человек» – подумал Костя, выходя из кабинета начальника отдела, – ну, разве может он своим черствым сердцем, своим заскорузлым умом, понять состояние его души?

А состояние души Кости Ганкина было хреновым. До Нового Года оставалось два дня, а с кем он будет его встречать, оставалось загадкой. Неделью назад девушка, с которой он встречался, закатила такой скандал, что у Генки после этого пару дней звенело в ушах.

-Ты четыре года встречаешься со мной, и за эти годы ни разу не признался в любви – кричала она, – так вот, знай: на тебе свет клином не сошёлся! У меня, к примеру, есть один знакомый, и я буду с ним Новый Год встречать! И он не такой придурок, как ты – добавила она под конец, и ушла, оставив Костю в глубоком раздумье.

А ведь поначалу всё так хорошо складывалось! Закадычный дружок Генка, на вопрос «что будем делать на праздники»? ответил Косте не задумываясь: «а как всегда». Это означало, что молодёжная компания может рассчитывать на тёплый приём в просторном доме его родителей. По многолетней традиции они гуляли до самого утра, а уставших или упившихся «деток» родители Генки заботливо укладывали спать в свободных комнатах – благо, снимавшие их студенты на праздники разъезжались по своим домам. Пользуясь случаем, гости, разбившись на парочки, уже к трём часам разбредались по полупустому дому, чтобы потом с комфортом до утра предаваться любовным утехам. И вот теперь все Костины планы шли прахом. И так ему стало тошно, что, не дожидаясь праздников, Костя решил напиться.

В конце рабочего дня он нахлобучил на голову «растоптанную» кроличью шапку и пошел в гастроном. Время было самое горячее – у прилавка винно-водочного отдела стояла многометровая очередь и Костя всерьез обеспокоился, дойдёт ли он в ней до победного конца. И тогда, чтобы ускорить процесс, Костя решил найти инвалида.

К слову сказать, в те времена быть инвалидом было не только почетно, но и удобно. Во всяком случае, в очередях они не стояли, потому что по закону их везде пропускали вперед. Инвалиды часто пользовались своими привилегиями, подрабатывая на сигареты, а то и на стаканчик вина. У них был свой «профсоюз» и собирались они, как правило, у входа в магазин, где и поджидали клиентов, которым было недосуг тратить время на стояние в очередях.

Костя уже миновал толпу счастливых обладателей пакетов с суповыми наборами, ожидавших очереди рассчитаться, когда его внимание привлекла девушка, сидевшая за одной из касс. Услужливая память тут же напомнила Косте о событиях семилетней давности.

Любушка! Да, это была именно она. Но как изменилась, как похорошела она за те годы, что они не виделись! Ещё в восьмом классе школы он встречался с её подружкой, Галкой Долженко, а Любушка – маленький нескладный подросток с двумя прыщиками вместо грудей, – всегда неотступно следовала за ними. Так они и встречались – Костя и Галка с Любушкой. Через полгода они закончили школу и их пути разошлись.

...Костя смотрел на сидевшую за кассой девушку и откровенно любовался ею. Статная тёмно-русая красавица, она выглядела сказочной королевой, случайно попавшей в мир колбасы и кефира.

Когда толпа покупателей разошлась, он подошел к ней поздороваться.

-Здравствуй, Люба – у Кости от волнений голос моментально охрип, – ты меня узнаешь?

Люба подняла на него глаза и спокойно произнесла:

-Здравствуй, Костик.

...Костя стоял как болван, не зная, что ему сказать и только пялился на тугую Любину грудь, обтянутую тонким коричневым свитером. Когда, наконец, его волнение улеглось, он произнёс:

-Ты очень изменилась, похорошела...

Люба рассмеялась:

-Ты тоже стал другим.

Нахлынувшая в это время волна покупателей вновь на время разлучила их, а, когда Костя смог вновь пробраться к кассе, то, смущаясь пробормотал:

-Можно мне тебя встретить после смены?

Люба согласно кивнула головой:

-Я заканчиваю через час. Жди меня во дворе магазина.

Через час они встретились. Люба вышла из дверей служебного входа, на секунду остановилась, дав глазам привыкнуть к темноте, а потом, заметив стоявшего неподалеку Костю, подошла и взяла его под руку.

...Пока Люба шла к нему, аккуратно обходя застывшие лужи, Костя успел её рассмотреть. Высокая, почти одного с ним роста, она была очень хороша. Короткая беличья шубка едва прикрывала округлую попку, обтянутую плотной узкой юбкой, а длинные, стройные ноги в сапожках на высоком каблучке делали её ещё более женственной.

В тот вечер они долго бродили по пустым улицам города. Воспоминания захватили их. Костя все порывался спросить Любу, как она жила все эти годы, где была и чем занималась, но Люба мягко останавливала его и переводила разговор на другую тему. Было уже почти одиннадцать, когда она посмотрела на часы и с грустью сказала, что ей пора домой. Костя бросился ловить такси, но Люба остановила его, сказав, что доберётся домой троллейбусом. Слегка обиженный, Костя замолчал, и тут Люба взяла его за руку:

-В следующий раз проведёшь, хорошо?

В этот момент Косте пришла в голову блестящая мысль!

-Ты где будешь Новый Год встречать?

-Пока не знаю, возможно дома, с мамой.

-А давай мы вместе к Генке Кайданову пойдем, – предложил он, - ты его должна по школе помнить.

-Ну что ж – легко согласилась Люба, – пойдем к Генке.

Костя, еще не веря в случившееся, попытался тут же поцеловать Любу, но та, отстранившись от него, лишь помахала на прощание рукой из уже отходящего от остановки троллейбуса.

...Тридцать первое декабря встретило Костю проливным дождем. Когда он, проснувшись, выглянул в окно, его глазам предстала жуткая картина свихнувшейся природы.

...Такого ливня не было даже летом! Косте очень не хотелось идти на работу, но сегодня обещали выдать зарплату. Позвонив Генке и обо всем договорившись, Костя выбежал под дождь. Зонтик не спас его от потоков льющейся с неба воды, и, пока он добежал до остановки трамвая, низ его брюк превратился в две мокрые тряпки. Единственная радость – зарплата, – была выдана в двенадцать и директор, пожелав коллегам счастья в Новом Году, отпустил всех по домам.

Люба работала до восьми, и Костя, одетый в выходной костюм, вечером зашел за ней в гастроном. Сделав лёгкий макияж, она стала еще прекрасней и Костя при её виде задышал часто, как собака, увидевшая кусок колбасы. Если бы у него

был хвост, он бы завилял им, застучал им от восторга об пол, но у Кости не было хвоста и он, с обожанием посмотрев на Любу, прижал её руку к груди.

У Генки их уже ждали. Накануне Генкина мама постаралась вовсю и стол в их гостиной ломился от блюд. Выпивка же была традиционно-новогодняя: шампанское, бутылка «Московской», да бутылка домашнего вина для дам. Генкина подружка тут же увлекла Любу на кухню, где они о чем-то оживленно стали болтать, а Генка, исподтишка кивнув в сторону Любы, показал Косте большой палец.

В одиннадцать сели за стол – провожать Старый Год. Посидев немного с молодёжью и пожелав всем счастливого Нового Года, ушли к соседям Генкины родители. Накануне родители подарили Генке магнитоу «Днепр» – голубую мечту всей советской молодёжи, – и, под медленное кружение боббин пары затоптались на маленьком пяточке, изображая «медленный танец». Увлёкшись, они чуть не прозевали наступление Нового года, а, когда часы на экране телевизора показали без одной минуты двенадцать, все бросились к столу и под дружное «Ура!» выпили по бокалу шампанского. Отдав должное кулинарному искусству Раисы Сергеевны, они вскоре расправились и с напитками. Голоса и смех звучали все громче, и через пару часов всем снова захотелось танцев.

...Давно были сброшены пиджаки, а девушки расстались с туфлями, и так, в полутьме, обнимая друг друга, пары всё кружились и кружились в танце. Когда парни в очередной раз вышли во двор покурить, Генка, закрывая за собой дверь, сказал:

-Держи ключ от комнаты. Кровать уже застелена, так что можете ни о чём не беспокоиться. Увидимся за завтраком, заодно и опохмелимся – у меня припасено кое-что на этот случай.

Комната, отведенная Косте, оказалась крошечной: полуторная кровать, стол и шкаф едва помещались в ней. Включив стоявший на столе ночник, Костя запер дверь изнутри и повернулся к Любе. Она сидела на краешке кровати и вопросительно смотрела на Костю. Присев рядом, он обнял её.

...Люба позволяла ему многое, но не все. Каждый раз, когда осмелевшая Костина рука пыталась проникнуть под юбку, Люба нежно, но решительно отводила её в сторону. Каждая расстёгнутая пуговица на блузке давалась Косте с боем, но, наконец, он добился своего, и теперь они лежали на кровати почти голые: друг от друга их отделяли лишь тонкие кусочки ткани на бёдрах. Её круглая, крепкая грудь была чудо как хороша, а темные ягодки сосков задорно и вызывающе смотрели на Костю, словно спрашивая: «ну, а что дальше?»

Видя, что Костя рассматривает её, Люба смутилась и попросила:

-Погаси свет, Костик.

Несколько минут, привыкая к темноте, они лежали без движения, а потом Костя, целуя такое желанное, пахнущее сладким, призывным запахом тело, снял с Любоньки трусики.

...Едва за окном стало сереть, Люба стала собираться.

-Мама, наверное, волнуется, на часах уже половина восьмого, мне пора.

Собрав разбросанную по полу одежду, Костя стал помогать Любе одеться, всё время норовя поймать губами горошины её сосков. Люба тихо смеялась, прижимая его голову к своей груди и всё шептала, шептала:

-Нам пора, Костик, нам пора...

Когда они стояли уже одетые, Люба, краснея от смущения, показала Косте небольшое и уже подсохшее красное пятно, расплзшееся по смятой простыне.

-Что это? – спросил Костя.

-А ты не догадываешься? – лукаво улыбнувшись, спросила Люба.

-Так ты была девочкой? – удивился он, и этот глупый вопрос так насмешил их, что оба скорчились от смеха.

Отсмеявшись, Костя обнял и нежно поцеловал Любу, а она, прижавшись к нему, тихо прошептала:

-Я люблю тебя, Костик, с тех самых пор, как ты начал встречаться с Галкой. Услышав такое признание, Костя моментально стал серьёзным.  
-Я тебя тоже люблю, – ответил он, сам в этом немного сомневаясь.

## Глава 2

Генка со своей подругой еще спали, когда Костя и Люба, тихо прикрыв за собой дверь, выскользнули во двор, а оттуда – на улицу. Скомкав испачканную простыню, Люба бросила её в ближайшую урну:

-Поехали ко мне, я хочу познакомить тебя с мамой, а заодно – получишь и отвезешь Генке новую простыню.

...Ах, как корил себя Костя потом за то, что согласился тем утром ехать знакомиться с потенциальной тещей! Любушка, только что ставшая женщиной, только что поверившая Косте, наивно решила, что он уже полностью принадлежит ей. Она, девочка с рабочей окраины, не могла даже представить, какое впечатление может произвести на Костю то, что ему предстояло вскоре увидеть. Не надо было тогда этого делать, ох, не надо!

Старая «хрущевка» встретила их зловонием подъезда, а облупленная входная дверь говорила о том, что в этой квартире её уже не один раз высаживали вон. В тесной прихожей, заставленной каким-то хламом, их встретила полная, неопрятная женщина в давно не стиранном стёганом пеньюаре. Стараясь произвести хорошее впечатление на «молодого человека», она жеманно присела, подавая Косте пухлую ручку. Извинившись за беспорядок, «мама» пригласила Костю пройти в гостиную. Эта комната, при первом взгляде, показалась Косте странной: она имела нежилой вид и, скорее, была похожа на склад старой мебели. Люба, поцеловав Костю в щёку, оставила его одного. Выходя, она сунула ему в руки альбом с домашними фотографиями и, шепнув «не скучай», пошла на кухню – помогать матери готовить завтрак.

Завтрак был накрыт там же, на кухне. Первое, что увидел он, зайдя туда, была большая и уже в нескольких местах порванная подушка, вставленная в раму вместо разбитого стекла. Видя Костино недоумение, смущенная Люба, машинально разглаживая несуществующие складки на несвежей скатёрке, сказала:

-Это проделки брата. Пьет он...

Мамаша, по-видимому, тоже пила – дрожащие руки никак не могли совладать с пробкой графинчика, который она достала откуда-то из-под стола. На завтрак подавали «уху» из срочно размороженной по этому случаю трески. Костя, чтобы не обидеть женщин, принялся усердно работать ложкой, перед тем налив всем из графинчика. Пока он, превозмогая себя, глотал горячую юшку, мамаша успела дважды «принять на грудь», и, раскрасневшись и став страшнее атомной войны, теперь раскачивалась на своём табурете.

-Вот так вот мы и живем – Любаша денежку зарабатывает, а мама её пропивает – спела она фальцетом и зашлась в дребезжащем смехе.

Не зная, куда деться от стыда, Люба резко поднялась и вышла из кухни. Поблагодарив за завтрак, Костя вышел следом. Любу он нашёл в зале беззвучно плачущей – опустив голову на руки, она сидела за столом и только часто вздрагивающие плечи выдавали её безутешность. Немного успокоившись, Люба умылась и собралась провожать Костю. Прощались на улице:

-Извини, я сейчас не могу оставить маму одну, встретимся позже – Люба на секунду прижалась к Косте, а потом протянула листик с номером телефона, – он у нас работает, когда шнур не оборван, – и, поцеловав его на прощание, вошла в подъезд.

В тот же день Костя напился. Пьяный, он пролежал дома сутки, лишь вечером второго января немного придя в себя. Третьего числа, придя на работу, Костя узнал, что числится прогульщиком и в конце недели его поведение будет «разобрано» на институтском общем собрании.

## Строка прозы

«Круто», подумал Костя и пошел опохмеляться.

Бойкая молодайка, стоящая за прилавком замусоренного павильончика, наливала в стаканы молдавское вино. Двое таких же «больных», морщась, потягивали сухое вино. Чувствуя на себе сочувствующие взгляды, Костя выгреб из карманов кучу медяков, и, отсчитав тридцать копеек, протянул их продавщице.

-Што братела, болеешь? – спросил один.

Ничего не ответив, Костя взял стакан и, преодолевая отвращение, медленно выщедил кислую, пахнущую ацетоном жидкость.

Почувствовав себя после «опохмелки» лучше, он решил в обеденный перерыв сбежать в гастроном, к Любе. Распугивая прохожих помятым видом, он в полдень добрался до магазина, но Любы там не застал: оказалось, что в этот день она работает во вторую смену.

...Было что-то около пяти, когда в отдел, где работал Костя, заглянула секретарша:

-Ганкин, к директору!

Когда Костя, дыша перегаром, вошел в директорский кабинет, тот, стоя к нему спиной и внимательно изучая через окно городской пейзаж, процедил:

-Наверно, тебе, Ганкин, на ногах стоять тяжело, так ты не стесняйся, присаживайся к столу.

-За твои художества я должен тебя сегодня же с работы погнать, да вот незадача: никто не соглашается в Череповец ехать. У одних – дети, у других – сессия в институте, у третьих – месячные... Так что выбирай, Ганкин: трудовая книжка в руки или билет на самолёт.

«Какого черта» – подумал Костя, – «какой Череповец? А как же Люба»? Но тут же, откуда-то снизу, поползла и, в конце концов, угнездилась, подленькая мыслишка: «а ведь это же выход!» Выход из ситуации, в которую он сам себя загнал, переспав с понравившейся ему девушкой из неблагополучной семьи!

Костя, несмотря на то, что был он далеко не ангел, все же считался в своем кругу порядочным человеком. И, как всякому порядочному человеку, жизнь, словно издеваясь, подбрасывала ему таких «оторв», что знакомые, узнав об этом, качали головами и говорили:

-Доиграешься ты, Костя!

Он не считал Любу случайной партнершей по сексу, ведь оказался у неё первым мужчиной, да ещё и любимым! По всему теперь выходило, что Косте надо жениться на Любе.

«Но как быть с её окружением»? – раздумывал он. «Мать – алкоголик, да ещё буйствующий братец в придачу! Может быть, и Люба со временем станет такой же»?

И Костя, чувствуя себя последним мерзавцем, ненавидя себя за слабость, ответил:

-Еду!

Самолет в Москву улетал утром следующего дня, а дальше, в Домодедово, ему надо было пересаживаться на рейс полярной авиации. Времени на сборы было в обрез, но у Кости тогда был еще вечер, последний перед отлетом: у него хватило бы времени съездить попрощаться, объяснить причину внезапного отъезда. Он не сделал этого – у него не хватило духа.

...Вернувшись четыре недели спустя, он прямо из аэропорта бросился в тот самый гастроном. Толстая, прокуренная до желтизны заведующая, долго выяснявшая, кем ему приходится Люба, наконец сказала:

-Уволилась твоя зазноба неделю назад. Увез её с собой какой-то морячок, говорят – на Дальний восток.

Вот и все. Когда пару лет спустя кто-то сказал Косте, что Люба, бросив своего моряка, вернулась в город, он тут же помчался в старую «хрущевку», но в Люб-

киной квартире никого не нашел – прежние жильцы куда-то съехали. А на входной двери в их подъезде, детским корявым почерком, было выведено мелом «Костя – дурак».

### Эпилог

Несколько лет назад я побывал в родных краях. Конечно, я не мог не навеситить Генку, с которым меня связывает долгая и верная дружба. Мы с ним посидели, выпили, вспомнили молодость, поговорили о жизни, о детях, о женах, о друзьях. Вот тогда и вспомнил я Костю. Услышав это имя, Генка невесело усмехнулся:

-Ты знаешь, Костя неплохо устроился, у него теперь семейный бизнес. Если захочешь его увидеть, приходи завтра, часов в одиннадцать, в «Льдинку».

...Незадолго до одиннадцати я был уже там. Наше кафе за эти годы почти не изменилась. То же бочковое пиво, те же столики, тот...же устоявшийся запах вяленой рыбы. Только посвежели стены после косметического ремонта да появились мальчишки-официанты, снующие по залу с охалками бокалов в руках. Я сел за дальний столик и заказал себе кружку «Жигулевского». Ровно в одиннадцать появился Костя. Если бы я не знал, что он должен придти именно в это время, то никогда бы не узнал в сухоньком, потёртом человечке с торопливыми жестами и бегающими глазами своего старого приятеля Костю Ганкина.

Он или не узнал, или не увидел меня, присев за соседний столик. Когда официант принёс пива, Костя схватил кружку двумя руками и, не отрываясь, большими глотками сразу

осушил её до дна. Не успел он поставить пустую кружку на стол, как произошёл конфуз: на пороге «Льдинки» возникло существо женского пола – неопрятно одетое, с нечёсанными прядями седых, жирных волос, выбивавшихся из-под яркого турецкого платка. Нагруженное двумя сумками стеклотары, оно обвело зал внимательным взглядом, а затем, заметив сидящего за столиком Костю, закричало, перекрывая шум работающих под потолком вентиляторов и гул подвыпивших посетителей:

-Ах ты паразит проклятый! С утра уже засел в гадюшнике. Я по помойкам бегаю, с утра не пила, не ела, а он прохлаждается! А ну, марш работать!

И, с этими словами, стала выталкивать Костю из зала.

Когда я, заплатив по счёту, вышел следом из «Льдинки», Костя, сгибаясь под тяжестью сумок, уныло брел по бульвару в сторону пункта приема стеклотары.

## Отец

### Алексей Стугнев

Я, наверно, никогда не видел тебя злым... Самое ужасное было услышать от тебя: «Негодяй!» - это означало, что ты в гневе. А мне почему-то было всегда смешно. Потому что ты не мог по-настоящему сердиться на меня, ты смотрел на меня, стараясь удержаться, а потом тоже начинал смеяться. Смех у тебя был настолько заразительным, что я начинал хохотать еще больше...

Я и сейчас, когда прихожу на кладбище, вспоминаю тебя таким, и вместо скорбной мины начинаю смеяться, вспоминая тебя того - доброго, остроумного и веселого. И если рядом находятся посторонние, они недоуменно смотрят на меня, думают, наверно, что у меня не все дома. Но мы-то с тобой даже сейчас знаем, что все нормально.

Ты никогда не жаловался на свою судьбу, не клял правительство, ты понимал, что всем тяжело. Ты никогда не читал мне нотаций, ты просто рассказывал про свою жизнь, про свою невыносимо нелегкую жизнь. И я плакал, мне было жалко

## Строка прозы

тебя того - маленького мальчика, который родился без отца. Ты говорил, что он умер после финского плена. Сбежал, добрался до дома, а вот твоего рожденья не дождался. Ты говорил, что бабушка не могла прокормить одна троих детей, и тебя забрала тетка, ее сестра, моя двоюродная бабушка. Удивительно доброй души человек. Простая и наивная - она верила в победу коммунизма. И часто говорила, что если бы можно было молиться на Ленина, она бы молилась, а так приходилось молиться как все - на иконы. Иконы в доме в то время не приветствовались, но люди как-то умудрились сохранить веру в Бога и пронесли ее через семьдесят нелегких лет.

Ты всегда очень мало рассказывал о себе, наверно, потому, что не такой уж сладкой была жизнь. Школа с тетрадями, склеенными из газет, на которых ты писал между строк. Ты закончил школу, а потом ФЗУ, и вроде бы - жить, но война... Она унесла сразу все в один миг: надежды, планы, мечты, а тебе девятнадцать. Когда на праздниках по случаю Великой Победы устраивались митинги, ты скромно молчал. Когда я спрашивал тебя - почему, ты отвечал: «Пусть другие рассказывают, мне об этом даже думать страшно, не то что говорить». И не потому, что нечего было сказать, а потому, что такое сидит в сердце...

По ночам, когда ты кричал: «В атаку!», когда слушал фронтовые песни, мне казалось, что у тебя раскрошатся зубы. Ты не дошел до Берлина всего лишь восемнадцать дней. Под Кенигсбергом наступил на предательски торчащую мину, в агонии отрезал ножом часть ноги ниже колена, болтавшуюся на остатках жил... И очнулся когда за окнами цвели вишни, играла музыка и вокруг все были веселые. Тебе сказали, что кончилась война. А ты опустил руки под простынь и понял, что ноги нет совсем.

Но ты любил жизнь, и она любила тебя. Перенеся кучу операций, ты надел протез, ты говорил, что это было не просто, но ты смог. Ты как будто жил за тех, кто не пришел. Ты любил детей - все мальчишки в округе были твои лучшие друзья, они очень этим гордились. Ты делал им из дощечек кораблики и самолеты, и половина из них наверняка за глаза называли тебя папой.

А еще ты не любил носить награды, ты считал это каким-то хвастовством, хотя награды были достойные. Ты особенно гордился медалями «За отвагу» и «За освобождение Москвы». Мы всей семьей насилу уговорили тебя на праздники одевать наградные колодки, их у тебя было немного - всего семь, но ни одной юбилейной медали, ты их называл побрякушками.

С мамой ты познакомился случайно, у нее к тому времени была дочь Светлана - она в одну минуту влюбилась в тебя и гордилась тем, что у нее такой отец герой. На рыбокомбинате, где ты работал электриком, тебя всегда уважали за смекалку и опыт, и многие завидовали. Завидовали тому, что ты умеешь, тому, что ты знаешь. А помнишь, как мы с тобой ездили на рыбалку? У нас были лодка и мотор, и ты брал меня после садика с собой на судака. Мы ели бутерброды, и ты показывал мне, как из страшной личинки выводится на солнце большая красивая стрекоза.

У тебя были поистине золотые руки - за что бы ты ни брался, у тебя все получалось. Ты ремонтировал лодочные моторы, так популярные в нашем речном краю. Тебе, конечно, наливали, без этого никак не обходилось, и мама часто на тебя ворчала. Но ты всегда приносил кусок осетрины или банку черной икры, полученные за свою работу.

Бабушкам ты ремонтировал свет почти бесплатно, они наливали тебе стакан ядреной вишневки, и этого было достаточно. К людям в поселке ты обращался по-своему: к старушкам - мать, всех девчат ты называл дочками, а пацанов - сынок. Ты не мог проехать на своей инвалидке мимо кучки мальчишек, которые с нетерпением ждали, когда же ты проедешь и остановишься возле них. Ты рассаживал их по всей машине, куда только было можно, и осторожно делал «круг почета».



Ты никогда не ощущал себя калекой, но иногда хитрил в очередях, и у тебя это проходило. Ты знаешь, у меня это тоже, наверно, по наследству передалось, я обязательно ищу какой-нибудь предлог, чтобы влезть без очереди. Каюсь! Иногда молодые ребята шутили над тобой, они подымали сзади твою инвалидку, и колеса крутились на весу. Все хохотали, и ты вместе с ними, тебя тоже смешила смекалка парней.

На семейных праздниках ты любил петь, пел ты положила руку на сердце не очень, но тебе почему-то казалось, что здорово, и тебя никто не хотел в этом переубеждать. А еще ты танцевал с мамой на протезе, и, что самое удивительное, это ты делал неплохо.

Однажды осенью - помнишь? - ты ремонтировал лодочный мотор прямо на лодке, было очень холодно, а мы с мальчишками играли в догонялки, прыгая с лодки на лодку. И тут один прыгнул, а лодки разошлись, течение было настолько стремительное, что он выныривал то из-под одной, то из-под другой лодки. Ты уперся в край борта и внимательно смотрел, мне на секунду показалось, что ты считаешь, а потом молниеносный змеиный рывок, и ты вместе с протезом в воде, еще мгновение - и мальчишка в твоих руках. Ты хватаешься за следующую лодку и уже кидаешь в нее мальчишку, еще секунда - и ты выскакиваешь сам. А ведь он, тот самый мальчишка, был единственным сыном у родителей.

Ты никогда ничего мне не навязывал, а искусно подсовывал то какую-нибудь статью, то радиосхему, и я всегда интересовывался и обязательно начинал что-то паять. Когда начинал тебя о чем-то спрашивать, ты доставал справочники и вырезки из журналов и предлагал почитать. Наверное, поэтому я раньше других сверстников начал разбираться в электричестве и в механике.

А потом я вырос, так бывает, хотя для тебя я всегда оставался маленьким. Я уехал в другой город, у меня появилась своя семья. Мы стали видеться редко - всего один раз в год, в мой отпуск. И приезжая ежегодно, я понимал, как ты постарел за этот год. Но это все до меня не доходило, я еще не осознавал, что тебя когда-то может не быть. А ты начинал это чувствовать, твои глаза становились все печальнее, ты понимал, что можешь уже не дожидаться следующего раза... Однажды я привез хорошую профессиональную камеру и записал на видео последнюю нашу встречу, слукавив, что камера не включена. Тогда ты в первый раз рассказал во всех подробностях многие эпизоды войны, ты, наверно, все же хотел, чтобы мы это помнили.

Все произошло неожиданно настолько, что я был в шоке. Телеграмма меня не нашла, спутали в спешке адрес. Ты был парализован, но жив. Мне позже рассказывали, что ты смотрел на дверь после каждого стука, ты ждал... А я узнал о случившемся только через сутки, но было уже поздно. Был второй инсульт ровно через сутки, и тебя не стало.

Я приехал поздно вечером и просидел с тобой рядом всю ночь и следующую тоже. О многом вспоминал, но говорить не мог, хотя чувствовал тебя рядом. Мысли путались, и самое страшное было в том, что я никогда уже не буду сыном! От этого было такое одиночество, которое невозможно описать словами. Просто я остался один на всем белом свете. Меня уже никто и никогда так не поймет, не простит, не прижмет к себе, и я никогда уже больше не почувствую это тепло, которое мог дать только ты.

Я и сейчас, по прошествии стольких лет, часто говорю с тобой, и самое обидное заключается в том, что тогда я многого не понимал, а тебе так хотелось чуть больше внимания, просто наивной любви сына к отцу-старика. Но, увы, как правило, мы все, дети, начинаем понимать это, когда стоим у края той пропасти, которая пролегла между жизнью и смертью.

Я раньше включал то последнее видео на день твоей кончины и на 9 мая. Открывал бутылку водки, и мы с тобой, как тогда в последний раз, сидели и выпивали,

и ты рассказывал про свою жизнь. А потом пленка случайно размагнитилась, и оборвалась последняя ниточка, осталась только память - яркая неизгладимая память. И еще сожаление о том, что жизнь пролетела так быстро. И что мы недоговорили о чем-то самом главном или не сказали самого главного.

Я сейчас смотрю на тех счастливичков, у которых живы родители, и мне хочется им кричать: берегите их, радуйтесь каждому дню, проведенному вместе! Только это все, наверное, им не нужно. Пока не нужно. Ведь пока у них еще есть родители. А когда у тебя что-то есть, ты обычно этого не ценишь. Ведь не зря сказал кто-то «что имеем не храним...»

Мне иногда становится страшно за своих детей, ведь они вырастут, многое поймут и, наверное, так же будут страдать от того недосказанного. Или это так и должно быть? Не знаю.

# Лишь бы зиму продержаться

**Татьяна Белецкая**

Мороз гнал Николая от одного мусорного контейнера к другому. Подгоняемый пронзительным северным ветром, он почти подбежал к последнему баку. Неужели и этот пуст? В холщовой котомке, болтавшейся за плечами, лежала сегодняшняя скудная «добыча» -- несколько кусков зачерствевшего хлеба да выброшенный кем-то непочатый тетрапакет с кефиром. Срок годности продукта давно прошел, но это обстоятельство не смущало Николая. Он предвкушал, как спрячется от ветра и по глоточку будет смаковать находку.

Перегнувшись через высокий край бака, он увидел белевшие в полумраке булку и целый кусок сыра, а рядом валялись разбросанные кусочки недоеденного кем-то гуляша. Николай довольно крикнул -- эк повезло ему напоследок! Сыр был подернут с одного бока плесенью, но это не беда. Плесень можно содрать ножичком. А мясо совсем хорошее. Николай опустил продукты в сумку и затрусил в сторону теплотрассы.

Жил он здесь недавно и очень дорожил своим жильем. До этого ночевал в подвалах, подъездах -- словом, где придется. Летом-то было раздолье -- каждый куст приютит, а с наступлением холодов Николай испугался, что замерзнет. Бомжевал он, в отличие от других бродяг, порой объединяющихся в целые семьи, в одиночку. Таким образом он как бы отгораживал себя от людей совсем опустившихся. Надеюсь, что еще вернется к нормальной жизни.

Отодвинув самодельную задвижку, Николай втиснулся в свое жилище. В течение месяца ежедневно таскал он сюда по кусочку фанеры, картона или какого-нибудь тряпья, обустроивая свое жилье. И утеплил-таки его настолько, что сейчас стены теплушки нисколько не пропускали холодный ветер. И кем-то выброшенную плитку бывший электрик сумел отремонтировать, так что она теперь грела как оглашенная, и Николай боялся, как бы не загорелось одежда невзначай. А обогреватель он смастерил, намотав на керамическую трубку найденную на той же мусорке проволоку. Повезло, что рядом находилась трансформаторная будка -- источник электричества. Так что жил он в комфорте, со светом и в тепле. Вот только бы никто его здесь не обнаружил.

Николай вытащил кусочки говядины и, бережно очистив их от грязи, положил на сковородку. Та была без ручки, но вполне пригодная. Пока разогревался ужин, мужчина очистил от плесени сыр. Немного подумав, он завернул его в бума-

гу и положил возле холодной стенки -- на завтрак. Поев, Николай улегся на самодельный топчан и, укрывшись имевшимся в наличии тряпьем, попытался согреться. Но мороз пробирал до костей. Бомж подполз поближе к плитке и, глядя на ее раскаленные спиралевидные кольца, вспомнил, как такую же плитку он покупал домой, когда были перебои с газом. А жена еще засмеялась: «Вот дожили, скоро как в старорежимные времена пищу будем на керогазе готовить...»

Дожили... Николай задумчиво глядел на витиеватые кольца спирали, а перед глазами проплывала его жизнь... Армия. После теплого молдавского климата в холодном северном городе Коле так хотелось тепла! И его сердце таяло возле смешливой Ниночки, с которой он познакомился на танцах в ДОФе. Домой в Молдавию матрос не вернулся, оставшись жить на севере, к которому постепенно привык. Родилась дочка, получили квартиру... Жизнь текла плавно и отлажено, и ничто, как говорится, не предвещало.

А потом грянула перестройка... На то дело его подбил друг, с которым они вместе служили: «Не бойсь, Колян, это дело верное!» Николай до сих пор не понимает, как он мог поддаться на уговоры! Но предприятия стояли, денег не платили... Его взяли с поличным прямо на проходной. Друг сумел выкрутиться, а Коле впаяли срок. Дело усугубило то обстоятельство, что как раз вступило в силу дополнение к статье УК, отягощающее меру наказания за подобные преступления. И Николай загремел по полной катушке.

Если бы ему сказали, что Нина не дожидается его, он бы ни за что не поверил, такая любовь у них была. Но чувства проверяются расстоянием и расставанием. Вот они и проверили. Он еще до окончания срока узнал, что бывшая жена вышла замуж. В Молдавии Колю никто не ждал, да и обстановка там назрела такая, что лучше было попытаться пристроиться где-нибудь в России. Но не таким это простым оказалось делом.

Николай когда-то считал, что у него много друзей. Кто-то за эти годы приподнялся, кто-то наоборот упал вниз. Коля попытался, было, обратиться к одному, другому... Но ни тем, ни другим бывший зэк был не нужен. Его выслушивали, пожимали плечами – мол, извини, у самих проблем хватает. Без прописки же он не мог ни на работу устроиться, ни жилье какое-никакое получить. Так оказался на свалке. Свалке жизни.

Поначалу Николай строил планы мести жене, потом это чувство как-то притупилось. От голода и холода, наверное, все чувства тупеют. Летом он подрабатывал на рынке грузчиком. Но потом так пообносился, что и оттуда его гнали. А как-то он столкнулся чуть ли не лицом к лицу с дочкой. Отпрянув, Николай отвернулся, чтобы та его не узнала. После этого решил лишний раз на люди не показываться.

Выходя на промысел, мужчина надвигал на глаза шапку так, что трудно было узнать в этом обросшем грязном старике бывшего франтоватого Колю. Который мог переплясать в свое время любого. А как он когда-то пел!.. За песни его и любила Нина. Есть ли она, любовь? И могут ли вообще любить женщины? Они только на предательство способны, зло подумал он.

Николай еще после встречи с дочерью решил, что ради нее не станет мстить жене. Ему нужно как-нибудь зиму продержаться, а летом он отправится в теплые края, поближе к родине. Там, возможно, и документы сможет выправить. Авось, и человеком опять станет. Ему только тридцать семь, вся жизнь впереди. Согретьшись, Николай стал засыпать. Перед его глазами замелькали радужные картинки...

Когда в пожарную часть сообщили о пожаре на теплотрассе, там недовольно чертыхнулись: «Опять, небось, бомжи подожгли, черт бы их побрал!..» Пожар удалось ликвидировать. Разбирая обугленные головешки, пожарные обнаружили расплавленный самодельный обогреватель, плитку, сковородку и обгоревший труп мужчины неопределенного возраста. Которого похоронили как неопознанного...

# Летописи межмирья

Александр Маяков

*7 месяц 514 год с.м.п. (декабрь 2012 года н.э)...*

*Новый Долан. Инквизитор Алексей*

Давно мы не собирались за круглым столом. Даже переговоры с союзниками больше на «их территории» проходят. Сейчас было закрытое заседание. На нем присутствовал я, королева Оливия, Евгений, Варинас, Мартис и Клодес с Артуром.

Оливия была зла, Варианс старался скрыть свое недовольство ситуацией.

- Что там произошло? – Спросила Оливия. Конечно, Варинас передал наш с Клодесом доклад королеве, но видимо она хотела услышать это от нас.

Генерал посмотрел на меня и опустил голову.

- На конвой напали кентавры. – Произнес я.

- Это я знаю, - напряжено произнесла королева. – Объясните мне, откуда они там взялись? Они ведь не участвовали в войнах и никогда не поддерживали Союз военной силой!

Королева была в ярости. Я никогда прежде не видел эльфийку такой.

- Дело в том, что они поддерживали не Союз, а Культ. – Ответил Варинас.

- Магистр, я не вас спрашивала. – Железным тоном отрезала королева. Такого от неё еще никто не видел. Даже Варинас нервно сглотнул.

- Ваше величество, Культ использует кентавров как пушечное мясо. – Ответил я. – Они, как оборотни для Союза, только расходный материал, - я бросил быстрый взгляд на Клодеса. Хотя я никогда особо не ассоциировал генерала с кровожадным офицером Союза, я все еще продолжаю его подозревать. Конечно, сейчас не уместно сравнивать предателя Анклава со служакой Союза, мы не с Союзом воюем, но...

Клодес, почувствовав взгляд, поднял голову и посмотрел на меня.

- Что, инквизитор? – Спросил он.

- Ваше величество, у меня имеются некоторые подозрения относительно генерала, я могу их высказать? – Не отрывая взгляда от генерала, произнес я.

- Подозрения? – Голос королевы изменился, вместо властного металла в нем было удивление.

Клодес испытующе смотрел на меня.

- Говори. – Произнес он.

- Я жду приказа королевы. – Быстро парировал я.

- Говорите, Алексей. – Произнесла королева, переводя взгляд то на меня, то на Клодеса.

- Все мы знаем, что генерал не однократно настаивал на причастности США к утечке информации. – Начал я. – Признаться, я и сам стал подозревать полковника Вайта в измене, но последние события убедили меня в обратном. Предатель Клодес.

Все присутствующие уставились на генерала. Тот сидел спокойно, если он и волновался, то ничем не выдавал этого. В зале повисло молчание.

- Леша, это серьезное обвинение. – Осторожно произнес Варинас. – У тебя достаточно оснований для таких высказываний?

Нервничать начал я. Только теперь я понял, что все мои доводы ничего не стоят. Генерал мог вести себя подозрительно, как мне показалось, во время сопровождения конвоя именно из-за того, что опасался очередной атаки. Его подозрения в измене Варинаса лишь подозрения, высказанные мне лично. И та фраза, брошенная Гиемом не доказательство. Может он специально это сказал, чтобы создать ложный

след для нас.

- Сказал «а», говори и «б», - произнес Клодес. – Так ведь говорят у вас, людей?

- Хорошо, - ответил я. – Во время последней операции, генерал вел себя подозрительно. Конечно, все солдаты нервничали, но генерал сильно разволновался перед самой атакой. Как будто он знал, где нам будет устроена засада. К тому же именно генерал вел колонну. И он легко мог завести нас в подходящее место. Дело в том, что нападение было произведено в очень удобном месте. Там летают несколько крупных островов, за которыми легко было укрыть отряд нападения. К тому же, на похоронах Морморта, генерал высказывал свои сомнения, относительно магистра Варинаса.

Если мои слова про засаду никого не удивили, то когда я упомянул Варинаса, все в корне поменялось. Присутствующие вопросительно посмотрели на генерала. Тот поспешил оправдаться:

- Это всего лишь предположения. – Произнес я.

- Генерал, вы подозреваете меня? – Удивился Варинас.

- Да, - кивнул Клодес. – Я сейчас поясню. Все ключи транспортируются без применения доспехов первопроходцев. Хотя это самый удобный и безопасный способ транспортировки ключа. Но вы, магистр, его игнорируете!

- Его никто не игнорирует. – Ответил Евгений. – Просто есть несколько причин не использовать их. Мы не можем доверить столь мощный артефакт не проверенным союзникам.

- Да? – Удивился генерал, - А встреча нас в межмирье?

Это был единственный аргумент в поддержку генерала. Это была наша оплошность. Но доспехи давно уже не использовались, все больше мы прибегали к услугам клириков.

- После заключения договора с оборотнями и возвращения Алексея, неизвестный похитил несколько частей комплектов. – Произнес Варинас. – Мы его смогли найти, это оказался один из оборотней, служивших с Рог Таном. Но при нем не оказалось деталей комплектов. По его словам он передал их какому-то вампиру.

Все снова уставились на Клодеса.

- И вы думаете, что мне? – Спросил он.

- Мы не знаем. – Ответил Евгений. – Клирики провели исследование его памяти, но вампир не показывал своего лица. Так что мы не можем утверждать, что это вы.

Клодес рассмеялся.

- Ой, - успокоившись, произнес он. – Может, хватит ломать комедию, господа? Я не причастен к этим инцидентам. Я такая же жертва, как и вы все. В последнем бою я потерял тридцать солдат. Тридцать! Они были верны мне, они пошли против Союза, только потому, что я им приказал. А теперь они мертвы!

Последнюю фразу он прокричал.

- Успокойтесь, генерал!- Королеве пришлось повысить голос.

- Простите, ваше величество. – Тихо ответил Клодес. – У вас еще есть «аргументы» против меня? – Спросил он у окружающих, выделив интонацией слово «аргументы».

- Гием. – Произнес я. – Он сказал: «благодарю за содействие, генерал». Почему он сказал это?

- Мне откуда знать? – Отмахнулся Клодес.

Черт! Он все отрицает и все улики... все шито белыми нитками.

- Генерал... - начал я, но королева меня перебила.

- Довольно! – Властно произнесла она. – Генерал Клодес, вы не против чтобы клирики провели исследование вашей памяти?

- Против! – Отрезал генерал.

- Можно узнать почему? – Удивилась королева.
- Ваше величество, а вы бы пожелали, что бы кто-то копался в вашей голове?
- Клодес посмотрел в глаза королеве. – Копались в самых потайных уголках вашего разума? Я бы даже сказал, в чертогах разума?
- Если это требуется для безопасности моих подданных, то да. – Не задумываюсь, ответила Оливия.
- В таком случае, я согласен. – Ответил он.
- Клодес, - произнес я. – Если вы виновны, признайтесь сейчас. Это...
- Облегчит мою участь? – Перебил меня Клодес. – Меня обвиняют в предательстве, меня ничего не спасет.

# Депресука или Чужие-Близкие

Александр Ту

Следователю обо всем этом Игорь разумеется рассказывать не стал. Ни о сути их беседы, ни уж тем более о том, что выпивал в гостях у учительницы вино. Не нужно было этого знать никому, так он тогда решил и менять своё решение не собирался.

Вопросов следователь задавал много, очень много. Он просто стрелял очередями вопросов. Но очень быстро Игорь понял, что все эти вопросы направлены лишь на то, чтобы поймать его, Игоря, на какой-нибудь лжи, найти нестыковку в его рассказе. Но все выстрелы уходили в молоко. Ну не за что было зацепиться, Игорь не врал, и желаемых следователем нестыковок не обнаруживалось. Все было ровно, гладко и слишком просто, а, значит, подозрительно. Ну не верил следователь, что все может быть так ровно, опыт не позволял. Он не верил даже не по долгу службы, а просто потому, что был обычным человеком, а люди в правду верят очень редко.

Люди все время строят из себя борцов за правду и сами же в неё не верят. Ну просто она, эта самая правда, все время выглядит как-то угловато, что ли, неказисто и некрасиво, часто просто подозрительно. Ложь всегда прекрасна, всегда. А вот правда — нет. Ложь она потому красива, что мы её делаем такой, приукрашиваем, наряжаем, тщательно продумываем имидж, стараемся. А правда — она сама по себе, такая как есть, побитая и оборванная, часто противная сама себе, но, дура, честная. И толку от этой правды, если она такая никому не нужна? От нее вроде как должно становиться легче на душе и чище, но хрен там! Даже этого обычно не случается. Даже нашей совести эта дурацкая правда не нужна, даже ей от нее становится стыдно и неудобно. Так что люди не любят правду, она слишком подозрительно и неопрятно выглядит, отталкивающе.

Глядя на нищего, например, или пьяного человека, мы не видим его два высших образования и высокий интеллект, не видим исключительную порядочность или богатый внутренний мир, нет. Мы видим нищего и пьяного. Так и с правдой, она может и хорошая, честная баба, но переспать тянет с шикарно обольстительной ложью.

— Ну, чего говорят? — Вареник подлетел к Игорю с вопросами, как только тот вышел из кабинета директора, — нашли Депресуку?

— Нет. — Игорь подошел к окну и швырнул портфель на подоконник. — Они и не ищут, похоже. Ждут, пока я им скажу или признаюсь в чем-то.

— А есть в чем признаваться? — Вареник явно нервничал и переживал за друга, — чего вообще говорят-то?

— Ничего не говорят, — отмахнулся Игорь, — спрашивают только одно и то же по сто раз. Зачем приходил? Что делали? О чем разговаривали? Не убивал ли случаем? Не маньяк ли ты, Игорек? Задолбали!

— Найдут? Как думаешь? Может, уехала куда?

— Не знаю. Некуда ей ехать было. Не к кому. Пошли, покурим.

— Не, мы сейчас с Рыжим на гаражи свалить решили с уроков. Пошли с нами.

— Да я домой пойду лучше. Директор отпустил все равно, да и родки волнуются. А ты чего вдруг с Рыжим-то скорешился? Вы ж терпеть друг друга не могли, а теперь друганами стали, смотрю.

— Дык в ДК тогда на Новый год и пересеклись, вот. Ты же не пошел, а мне чего одному тусовать, стремно было, там не местным быстро навалить могут, сам знаешь. Ладно, Игорян, полетел я. Дела.

— Смотри, Рыжий чувак мутный, подставить может, охренеешь потом. Че вы там, в гаражах, творите? Они там клей и бенз нюхают, мне парни рассказывали.

— Да нормально всё. — Вареник махнул рукой. — Никто ничего не нюхает. У Рыжего гараж от деда, вот и тусуем там, нормальная тема, заходи, если что, гараж сто четырнадцатый. Ладно, бывай!

Вареник схватил свой портфель и быстрым шагом направился к гардеробу. Глядя на удаляющегося по коридору друга, Игорь вдруг почувствовал обиду. Подленькую, завистливую обиду. Даже ревность. Они с Вареником всегда все делали вместе и хорошее, и плохое. И отвечали потом за это тоже вместе, как и положено лучшим друзьям. А теперь Вареник вдруг нашел себе нового друга, и между ним и Игорем явно проступило отчуждение. Эльвира Юрьевна так тогда и сказала, чужие-близкие. А еще обиднее было понимать, что это Игорь сам и оттолкнул от себя друга.

Бутылка шампанского в ту ночь закончилась очень быстро. Эльвира Юрьевна говорила без остановки и пила, именно вино и помогало ей говорить, помогало рассказать о том, что накопилось, открыться практически постороннему человеку, еще совсем пацану. Игорь тоже пил, но пил мало – выпитая ранее водка все еще имела действие – он больше слушал, лишь изредка спрашивая о чем-то. Он узнал многое о жизни этой женщины в ту ночь. О сложной, во многом ему еще непонятной жизни. Узнал, как она вдруг превратилась в неуспокоившийся призрак всего потерянного, в Депресуку. Для Эльвиры Юрьевны, хотя и для Игоря тоже, это был тяжелый рассказ.

Когда-то давно Эльвира Юрьевна еще не была Депресукой. Не была угрюмой тенью, с которой окружающие старались не общаться, словно боясь заразиться её тоской. Да что общаться, на нее и смотреть-то старались как можно реже, один взгляд на нее мог лишить желания жить. Пятнадцать лет назад она такой совсем не была и не стремилась стать.

Впрочем, она и Эльвирой Юрьевной тогда еще не была, не успела привыкнуть, что к ней будут обращаться по имени-отчеству. Эля была обычной девушкой, на вид совсем ещё девчонкой, несмотря на возраст, только что окончившей педагогический университет и одновременно с этим ставшей замужней женщиной. Вот так всё сразу: красный диплом и кольцо на безымянном пальчике. У Эли тогда вообще всё быстро происходило, она так жила, во всём всегда первая, старалась успеть абсолютно везде.

С распределением ей тогда повезло, осталась работать там, где и училась, в Ленинграде. Директор школы, в которой она проходила практику будучи студенткой, сразу заметил перспективного специалиста и сделал всё, для того чтобы за-

получить его себе. Так Эля сразу стала классным руководителем оравы из тридцати учеников.

Дети в молодой Эльвире Юрьевне души не чаяли, они по-честному, дети ведь по-другому не умеют, любили её. И она отдавала себя им полностью, без остатка. Днём и ночью она занималась только ими, своими детьми, своим классом. Это была самая взаимная любовь. На любовь к мужу Эли не хватало.

Поначалу супруг не просто терпел, он всячески поддерживал Элю и помогал. Понимал, старался понимать, что работа ей очень важна, что она с самого детства мечтала стать учителем. Он помогал ей устраивать походы и чаепития, принимал то, что она пропадает в школе с раннего утра и до позднего вечера, а если и дома, то занимается исключительно тетрадями и дневниками. Он старался четыре года. Но однажды понял, что не он главная любовь в жизни Эли, совсем не он, а вот эта орава из тридцати школьников. Ради них она готова пожертвовать и собой, и своей семейной жизнью. Он считал это слишком, но прекрасно видел, что Эльвира по-другому не может. Они стали друг другу чужими. Смириться с этим он не смог.

Эльвире Юрьевне было плохо тогда, очень больно и плохо, но она решила, что сможет это пережить назло судьбе. Думала, что работа поможет ей это сделать. У неё были её дети, был её любимый класс, и ради них она готова была перешагнуть через распавшийся брак. Она была уверена, что сможет, дети её сила и всё, что у неё осталось. Им она решила отдать своё сердце, свою душу и всю себя до последней капли. Не тут-то было, судьба оказалась довольно изобретательной на варианты ударов, она знала, где у Эли болевая точка и мгновенно ударила именно туда.

Всё случилось буквально через неделю после развода Эльвиры Юрьевны с мужем. Она вела свой класс в библиотеку, когда увидела в коридоре, как один из старшеклассников довольно сильно пнул болтавшегося под ногами первоклашку. Эля не помнила себя от охватившей её вдруг ярости и злобы, она даже не всё смогла потом вспомнить из того, что произошло, но она очень сильно схватила наглого юнца за ухо и трепала его минут пять, зло повторяя лишь одну фразу: «Нельзя обижать детей! Нельзя обижать детей! Нельзя обижать детей!» Её остановил лишь другой учитель, проходивший мимо, испугался, что Эля сейчас оторвет парню не только ухо, но и голову.

Так Эльвира Юрьевна начала превращаться в Депресуку. Уже вечером директор школы вызвал Элю к себе и попросил уволиться по-хорошему, пообещал даже поспособствовать переводу в другую школу. Наглый паренек, как оказалось, был сыном очень важного человека в горсовете, и тот, в свою очередь, настоял на увольнении молодой училки, посмевшей наказать его отпрыска. Человек был важный и видимо очень нужный школе, по крайней мере, он оказался нужнее Эльвиры Юрьевны, и её решили убрать от греха подальше.

Но даже тогда Эльвира не сдалась. Да, ревела всю ночь напролет, а утром пришла на работу и, первым делом зайдя в директорский кабинет, сообщила, что ни переводиться, ни увольняться она не будет. Могут наказывать как угодно, но своих ребят она не бросит. В тот день она стала героем для всего учительского состава и, самое главное, для своей любимой оравы из тридцати учеников. Героем Эля была ровно один день.

Вспоминать то, что тогда произошло дальше, Эльвире Юрьевне было тяжело. Игорь видел это, но и понял, что не рассказать она не может, ей нужно это. Он сидел, молча слушал историю превращения девушки Эли в Депресуку, понимал, что сейчас становится обладателем тайны этой прекрасной женщины, невольным соучастником её горя и не мог поверить. Не верилось ему, что так бывает, что вот так просто можно украсть у человека красоту, веру, доброту. Душу украсть, чёрт побери, сердце! Вот так просто прекрасную женщину превратить в нелюдимую тень. Такого не может быть! Такого просто не должно быть!



Но оказалось, что так бывает. Героем Эльвира пробыла ровно один день, уже на следующий состоялся педсовет с участием учителей и учеников. Главный вопрос был один, Эльвира Юрьевна. Наказать строптивую училку решили просто, чуть не лишившийся уха ученик вместе с родителями написал заявление о серьезном избиении, а подтвердили его слова главные свидетели... её любимая орава из тридцати запуганных детей. Так Эльвире дали понять, что скандал может быть нешуточный, и победить ей не суждено. Просто потому, что воевать теперь она вынуждена будет против своих любимых, против тридцати, пусть и невольных, но предателей. Им она сдалась без боя.

— Так вот я и стала для многих чужой. Были близкие, стали чужими. С мужем постепенно, а с ребятами моими в одно мгновение. Так бывает. Чужие-близкие.

— Но ведь они знали, что это неправда, — сказал Игорь. — Зачем тогда?

— Да никто их не спрашивал, Игорь. — Эльвира Юрьевна тихонько смахнула маленькую слезинку со щеки. — Всё они знали, всё понимали, а сделать ничего не могли. Думаешь, я их виню? Нет, конечно. И тогда ни разу даже не подумала винить или держать обиду. Я знала, что они совсем ни при чем, это была моя война, и я совсем не хотела их в неё втягивать. Вот и сдалась.

— Разве можно не обидеться на такое? Они же предали вас, получается.

— Ну, было конечно обидно, но не на них самих, не на ребят моих, а на саму ситуацию, скорее. Глупо всё получилось, сама виновата даже, дала волю нервам. Ну, а ты бы как поступил на их месте?

— Не знаю. — Игорь задумался, он действительно не знал, как бы он поступил в такой ситуации. Ведь класс Эльвиры Юрьевны знал, что поступает плохо, что предадут любимую учительницу по наказу взрослых, но все равно предали, значит, выбора у них не было.

Да и кто даёт детям выбирать, их просто делают, если нужно, предателями. Учат, что надо поступать хорошо, а заставляют поступать плохо, для взрослых это естественно. Такой вот урок дерьмовой жизни преподали, заставив затоптать человека в грязь. Игорь понимал, что возможно он поступил бы точно так же, пришлось бы, но вот как после этого жить, он не представлял. Как можно жить, видеть и общаться с человеком, которого предал? Просто видеть его спокойно, как?

Впрочем, Эльвира Юрьевна своих бывших учеников больше и не видела, и не общалась. Она помнила улыбку каждого своего подопечного, помнила взгляд каждого и характер, но помнила и предательство. Они стали чужими друг другу. После того педсовета она перестала работать в той школе и вообще в Ленинграде, перевели аж на другой конец страны. Так она и стала учительницей истории в школе, где теперь учился Игорь. Так она превратилась в Депресуку. В чужую для всех.

Игорь вдруг понял, что история Эльвиры Юрьевны зацепила его очень сильно, уже минут десять они сидели и просто молчали. Эльвира Юрьевна, не отрываясь, смотрела на репродукцию на стене и видимо переваривала всплывшие в её памяти картины прошлого, Игорь сидел и смотрел на стоявший на столе бокал с шампанским. Он не знал, что сказать. Хотелось многое высказать этой женщине, но он не мог, ему казалось всё это неуместным, не мог он подобрать даже слова.

— У вас красивая музыка играла, — выдохнул он наконец еле слышно. — Я там, за дверью, слышал. Очень красивая.

Эльвира Юрьевна повернулась к нему и расплылась в безумно счастливой улыбке. На глазах у неё были слезы, но при этом она улыбалась, безумно искренне и красиво. Она резко встала и подошла к стоявшей в углу комнаты старенькой, массивной, словно небольшой шкаф, радиоле.

— Пыль на ветру, называется, группа «Канзас». Знаешь такую? — она вновь повернулась к Игорю, в руках у нее был конверт с пластинкой. Конверт был явно самодельный, сделанный из грубого картона с нарисованной синим фломастером

буквой «К» посередине. — Мне от мужа еще осталось вот. Давно не слушала, да и не на чем было просто, а тут соседи месяц назад переезжали и радиолу подарили. Ну как подарили, — Эльвира Юрьевна достала из конверта черный виниловый диск и повернулась обратно к радиоле, — выкинуть хотели, а я вот забрала.

Эльвира Юрьевна установила пластинку в проигрыватель и вдруг, задумавшись на мгновение, повернулась к Игорю.

— Руденко, а сделай мне новогодний подарок, — она смотрела Игорю прямо в глаза, — потанцуй со мной... Всего один танец, не откажешь? А то уже тысячу лет с мужчиной не танцевала. Подаришь женщине танец?

Игорь не собирался отказывать, он просто не смог бы этого сделать. Он тонул в её бездонно-грустных глазах и был готов согласиться на что угодно. Эта женщина была прекрасна! Он был рад, что знает это, знает о её красоте. Прекрасная женщина. Еще вчера чужая, а сейчас очень близкая.

— Я не умею особо, — промямлил он еле слышно, но встал с дивана и подошел к Эльвире Юрьевне.

— Так и я могла уже забыть, как это делается, — засмеялась она, — последний раз, считай, с мужем и танцевала. Ничего, никто ведь не видит и не узнает, так что просто слушай музыку и танцуй.

Комнату стала заполнять музыка. Чертовски красивая и очень грустная музыка. Игорь подошел к учительнице, он был слегка растерян, не знал, что делать. Взять её за руку или за талию? Что? Но Эльвира Юрьевна мгновенно прильнула к нему и, обвив его шею руками, нежно положила голову на плечо. Игорь аккуратно, словно боясь всё испортить, положил руки на талию женщины. Он чувствовал, что дрожит, сердце билось словно сумасшедшее, от алкоголя и жуткого волнения голова кружилась. Игорь закрыл глаза и глубоко вдохнул. Запах женщины, приятные цветочные нотки духов с примесью паров легкого алкоголя и чего-то ещё безумно приятного и такого родного, казалось, опьянил его еще сильнее. Он чувствовал её и понял, что стесняться смысла нет, просто нет. Нет смысла стесняться, когда рядом такая родная женщина, родная и близкая. Его руки переместились на её поясницу и настойчиво прижали ближе. Эльвира Юрьевна на секунду оторвала голову от его плеча и заглянула ему в глаза. Она была счастлива. Слегка пьяна и очень счастлива.

— Просто слушай музыку. И танцуй.

Те три с половиной минуты, что длилась песня, очень грустная и такая красивая, Игорь запомнил на всю жизнь. Он впервые танцевал с женщиной. Не с юной девчонкой, ровесницей, а с настоящей женщиной. По-настоящему родной и близкой, пусть и всего на три с половиной минуты.

Эльвиру Юрьевну нашли весной, в конце марта, когда стал таять снег. Нашли на заброшенной стройке, совсем недалеко от её дома. Местные пьянчуги, периодически воровавшие со стройки кирпич для продажи, обнаружили торчавшее из под снега уже слегка поглоданное бездомными собаками тело в строгом вечернем платье цвета лазури и вызвали милицию. Игорь узнал об этом в школе от одноклассников.

Вообще говорили многое. Школа в тот мартовский день просто гудела, словно улей от слухов и разговоров. Говорили все вокруг от мала до велика, учителя и первоклашки, у каждого история была своя. Кто-то говорил, что действительно руки были объедены собаками, кто-то утверждал, что вообще все части тела были по отдельности, кто-то говорил, мол, это вообще не она, слухов было много. Но Игорь помнил это платье, он понял, что это была Эльвира Юрьевна, и не хотел в это верить. Просто вывод был у всех один, самоубийство. Пошла тётенька и сиганула с недостроенной многоэтажки аккуратно на бетонные блоки. В это Игорь верить отказывался.

# Императорский Рим.

## Фрагмент 1-ый.

### Цезарь Октавиан

Глеб Фалалеев

#### I. КОНСУЛ

В год 710-ый от своего основания Вечный город клочкотал как вулкан, готовый извергнуть из своих недр потоки кипящей лавы. Еще бы! Ведь случилось чрезвычайное! Риму угрожали! Не кто-нибудь, а римский патриций стоял у его стен и требовал себе консульских полномочий от имени войска! Сенат в замешательстве. Единого мнения нет, а решать надо здесь же, на месте, сейчас!

Центурион Корнелий, из любезности снявший с головы шлем, терпеливо ждёт ответа отцов-сенаторов. Он - старый воин, один из ветеранов Цезаря. Его крупное суровое лицо обезображено шрамами минувших сражений. Маленькие хитрые глазки немигающим взглядом следят за толпой богато разодетых сограждан, мясистые губы чуть тронуты ироничной улыбкой.

Сенаторы спорят.

- Мальчишка! Юнец! Еще и двадцати лет не прожил, а уже курульное кресло\* ему подавай! - слышатся возмущенные крики.

Корнелий теряет терпение и решительно хватается за рукоять своего меча.

- Решайте быстрее! Вот что сделает его консулом, если не сделаете вы! - гремит его голос.

Сенаторы вмиг затихают. Они прекрасно знают цену и мощь римского оружия. Особенно в руках таких людей, как этот посланец. Подобные ему, не бросают слов на ветер, они - действуют! Приславший его Гай Октавий, хоть и мальчишка, но Цезарь сделал его своим правопреемником. С тех пор, как он усыновил внучатого племянника, тот стал именоваться Гай Юлий Цезарь Октавиан, влившись в славный род Юлиев, ведущий своё начало от богов и героев.

Так что ж из того? Цезарь - мёртв, а Октавий - вот он, рядом, и за его спиной легионы, наполовину укомплектованные ветеранами. А это уже не юнцы... Это - сила!

Только один человек в Риме усомнился в подлинности завещания Цезаря. Звали его - Марк Антоний. Был он ближайшим сподвижником покойного диктатора и имел серьёзный мотив противостоять молодому выскочке. Ведь именно ему Октавиан предъявил обвинения в присвоении имущества Цезаря и его денег. Более того, желая доказать, что он - законный наследник, Гай продал часть своей личной недвижимости и, согласно последней воле своего великого дяди, раздал деньги народу. Скажите, какая щедрость! Но ход себя оправдал! Народ - за него!

Из Рима Корнелий вернулся в лагерь и, решительным шагом направился к палатке командующего. Войдя внутрь, он вскинул вверх правую руку в приветствии и торжественно провозгласил:

- Сенат и римский народ приветствуют тебя, консул Октавиан!

Центурион был доволен удачно исполненной миссией. Вечером, в кругу друзей, он со смехом рассказывал, какой неподдельный испуг был запечатлен на лицах спесивых сенаторов во время их встречи. Новый консул будет ему благодарен! Такого не забывают, уж это Корнелий знал точно! Одного не дано было знать почтенному центуриону, что в тот памятный день, одной только фразой, он обессмертил себя.

\*Курульное кресло - особое кресло без спинки с X-образными ножками выполненное, как правило, из бронзы и слоновой кости. В Древнем Риме могло принадлежать только высшим магистратам. Известно, что Гай Юлий Цезарь был первым человеком в Риме, получившем золотое курульное кресло.

Октавиан стал самым молодым консулом из всех, кого когда-либо знал Рим. Первое, что он сделал - это обвинил Брута и Кассия в убийстве, считая, что должен отомстить за смерть Цезаря. Заговорщики, благодаря умелой пропаганде, из недавних героев-освободителей от тирании, превратились во врагов Отечества. Если в мартовские иды 44 года до н.э. в них видели защитников Республики, то, менее чем через год, о Цезаре вспоминали, как о величайшем из римлян, способствовавшем процветанию государства.

Он взошел к власти по лезвию меча. Консульство его пахло кровью и дымом пожаров новых гражданских войн. Оно несло смерть.

## II. ТРИУМВИР

1 августа 30 года до н.э. Марк Антоний подготовил к бою остатки своих войск и приказал кораблям выйти из Александрийской гавани. Но ему изменил сначала флот, а затем и войска. Печальный и удрученный сидел он в опустевшем дворце египетской царицы Клеопатры VII. Голова была тяжелой от неудач и грустных воспоминаний.

Двенадцать лет! Долгих двенадцать лет он вершил судьбы Рима совместно с Октавианом!

Он вспомнил, как Сенат торжественно вручал им чрезвычайные полномочия. Как давно это было! Никто не ожидал, что, дорвавшись до власти, тщедушный Октавиан столь рьяно возьмётся за дело!

Списки проскрипций... По ним уничтожили многих... Октавиан просто потрясал холодной беспощадной жестокостью. Собственноручно он внес в число жертв даже своего опекуна Гая Торания, который был некогда товарищем его отца Октавия.

- Ты - должен умереть! - вот краткий приговор, который выносился молодым триумвиром.

И умирали. Кротко, безропотно и без суда. Кому нужен суд, когда приговор предрешен?

Марк Антоний поёжился. Несмотря на жаркое египетское солнце, ему стало зябко. Запекшиеся губы неуверенно прошептали страшное:

- Ты - должен умереть!

Тогда бы всё знать! Убить бы щенка! Теперь уже поздно!

Октавиан его никогда не любил. Брак Антония с его сестрой Октавией был лишь политическим ходом и не принес ему счастья. Что мог дать ему этот союз? Ничего, ровным счетом! Вот Клеопатра могла бы его осчастливить! Ведь подле неё растёт сын божественного Юлия - Цезарион. Растут и его, Антония, дети: Александр-Гелиос и Клеопатра-Селена. Солнце и Луна, что может быть лучезарнее?

На мгновение хмурое лицо поверженного военачальника просветлело. Всё-таки есть в этих прожитых годах крупницы приятных и дорогих ему воспоминаний!

Боги Олимпа! Ещё Юлий Цезарь мечтал о союзе Европы и Африки! Рим и Египет - вот две вершины, опершись на которые, можно объять этот мир! Египет - житница! Рим - арсенал! Реки пшеницы с юга и тысячи мечей с севера, что или кто устоит перед такой мощью? Клеопатра и Цезарион открывали путь к регентству. С ними можно было оспорить завещание Цезаря в пользу Октавиана.

Но... Римляне были слишком горды. У кормила власти они желали видеть только истинного римлянина, а не внебрачного полукровка, пусть даже царских кровей! Рим не понял великого плана! Он осудил его за публичный отказ от законной супруги. Октавиан не преминул воспользоваться благоприятной возможностью. Он сделал всё от себя зависящее, чтобы превратить их в изгоев. Хитрец так умело смешал имена Антония и Клеопатры с грязью, что Цезарь остался любимцем Рима, почти божеством, а его сын Цезарион воспринимался народом как черное пятно на белых одеждах Республики.

Марк Антоний медленно поднялся с места и прошёл в свои покои. Всё как и прежде, но Клеопатры не видно. Лишь тени слуг бесшумно снуют по дворцу. А мысли всё дальше текут...

Где-то уже это было, но где? Ах, да! Брут и Кассий! Ловко тогда Гай Октавий игру повернул! Ныне, игра повторилась! Но кролик - Антоний! Гай - сызнова волк! Вон за стенами Александрии он бродит, лязгая зубами в предвкушении крови!

День 2 сентября 31 года до н.э. свёл на нет годы борьбы и интриг. Почти год назад, в битве при Акции, познал Марк Антоний горечь позорного бегства. Исход последней гражданской войны решился в пользу Октавиана. А жаль...

Входит служанка.

- Господин, царица заперлась в своей усыпальнице в храме Изиды, и видимо... - голос ее прервался.

Сердце Антония сжалось в комок.

Всё кончено! Одним резким движением он сорвал с себя воинский панцирь. Из глубины души вырвался крик:

- Какой же из меня полководец, когда даже женщина превзошла меня решимостью!

Он найдёт в себе мужество покончить с собой. Жизнь его всё равно удалась. Её он считает счастливой. Умрёт он достойно, как и подобает римлянину.

Октавиан сам осмотрел его труп. Любоваться трупом врага в Риме считалось варварской жестокостью. Впоследствии не раз Октавиана порицали за это. Доброжелатели в его защиту свидетельствовали, что он пролил слёзы над мечом, обогранным кровью Антония. Были ли они искренни, эти слёзы? И что это были за слезы - горечи по утрате или радости при победе? Этого уже никто никогда не узнает...

Триумфальные празднества по случаю победы над Египтом длились три дня и завершились 15 августа 29 года до н.э. Октавиан стал единовластным правителем Рима. Антоний - умер, гордая наследница Птолемеев, предпочла смерть от укуса ужасного аспида шествию в золотых оковах перед колесницей триумфатора, а нежелательный наследник - Цезарион, убит в пылу рукопашной схватки при штурме дворца.

Вряд ли кто знал в эти дни, что празднуется победа Империи над Республикой. Римляне были в восторге. Хлеба в Египте было вдоволь, а зрелища - просто великолепны. Ещё целых два года, следуя своей любимой поговорке: "Поспешай медленно!", Октавиан даст своему народу насладиться призрачным миражом республиканских свобод плотно укутанных в жёсткий пурпур имперского плаща.

### III. ИМПЕРАТОР

В 29 году до н.э. наконец-то наступил долгожданный мир. При огромном стечении народа триумвир Октавиан сам запер храм Януса Квирина в знак того, что Рим ни с кем не воюет. Событие это было редчайшим, ведь от основания Вечного города и до сего дня, храм Януса закрывался лишь раз или два. Народ-воин не часто жил в мире с окружающим миром.

Гай Цильний Меценат - богатый этрусский магнат был ближайшим другом Августа и его советником во время гражданских войн. Отойдя от политики, он жил в Риме как частное лицо и, будучи тонким ценителем изящных искусств, покровительствовал служителям муз. В его доме собирались выдающиеся поэты и музыканты, артисты и учёные, риторы и ораторы. В прекрасных садах Мецената они проводили долгие часы в беседах и диспутах, состязаясь в красноречии во время прогулок по тенистым аллеям. Денег для них Гай Цильний не жалел, а самых достойных представлял императору.

Первым пришёл в кружок Мецената мантуанец Вергилий. В этом высоком смуглом несколько провинциальном молодом человеке, Меценат сразу сумел увидеть замечательный редкостный талант. Он подарил ему имя взамен того, кото-

рого Вергилий лишился при конфискации земель для солдат Августа. Скоро поэт позабыл об обидах...

Вергилий писал "Энеиду" - грандиозную поэму, воспевающую подвиги легендарного Энея, которого род Юлиев чтит, как своего прародителя. Октавиан покровительствовал ему, неоднократно писал о его произведении, просил присылать готовые части. Вот и сегодня разговор Мецената с поэтом коснулся как раз этой темы:

- Пишет ли Август, Вергилий?

- Да, Меценат. Верховный понтифик прислал мне письмо. Просит доставить ему новый список.

- Исполни. Август - велик! Счастливы мы, лицезрея его!

- Прав ты. Воистину сложно сказать, в чем более проявляется его величие: в войне или в мире! Сколько прекрасных построек воздвигнуто в Риме! Храмы, святилища, портики, термы! Трудно всё перечислить...

Меценату известно, что император гордится тем, что принял Рим каменным, а оставит его потомкам одетым в гляцевый мрамор. Но не это он считает главным. Главное - дух! Меценат отвечает:

- Постройки, конечно, прекрасны, кто будет спорить! Пример императора побудил многих из знатных семей к благоустройству столицы. Рим должен соответствовать величию державы. Но камень - бездушен. Люди - основа основ! А люди мельчают... Падают нравы... Жёны бросают мужей, да и мужья хороши...

- Забота о нравах для Цезаря первостепенна! Законы его поощряют крепкие семьи, обязывают граждан вступать в брак по достижении зрелого возраста, карают неверных жён и мужей...

В отличие от Вергилия, Меценат не столь восторжен в своих оценках.

- Может и так, но скажи мне, сколько скандальных процессов видели мы, когда мужья доносили на жён, лишь бы набить кошельки!

- Мир несовершенен, конечно, - Вергилий срывает цветок и задумчиво крутит его в своих тонких изящных пальцах. - Уже то хорошо, что возрождается дух благочестия. Обязанность сына - уважить отца! Так ведь записано в скриптах? Ересь восточных пророчеств несёт к нам тлен развращения!

- Цезарь сжигает крамольные списки, из Рима изгнали жрецов иноземных богов. И в этом - он прав. Только выход ли это? Книгу - сожжёшь, человека - изгонишь, убьёшь, наконец! А мысли? Их - тоже в огонь? Благочестие в мыслях должно быть, а не напоказ. Тайное в мыслях хранят!

- Время, Гай Цильний! Наилучший судья - это время! Нам не решить всех проблем, а оно - всё решает! Встретимся завтра! Прощай Меценат!

- Прощай, Вергилий! Так не забудь императору свиток стихов побыстрее отправить! Ждать он не любит!

Пройдёт десять лет и Вергилий умрёт, не закончив своей "Энеиды". Не успев её доработать и считая несовершенной, он завещал её сжечь. Цезарь Октавиан нарушил его завещание и приказал издать её после смерти поэта, чем сохранил для потомков, а имя автора - прославил в веках.

#### IV. АВГУСТ

Глубокой ночью 19 августа 14 года н.э. старик проснулся. Несмотря на широко распахнутое окно, духота была нестерпимой. Пот катил с жирного одутловатого лица и едкими солёными ручейками заливал глаза, не давая возможности взглянуть в непроницаемый мрак. Зловещие сны снились ему в последнее время... То явился друг и зять его, Марк Випсаний Агриппа, чьи кости давно уж истлели, и попрекнул ссылкой своего сына. То дух Антония напомнил ему о смерти сына великого Цезаря. Тени прошлого бередили его угасающий разум. То были тени грехов...

- Африкан! Огня!

Надреснутый старческий голос жалко прозвучал в безмолвии огромной

спальни, но чуткое ухо раба всё же его услышало. Дверь отворилась и огромный черный нубиец быстро зажёл четыре больших светильника, подошёл к кровати, чуть пригнулся пристально всматриваясь в его морщинистое измученное долгой болезнью лицо. Он ожидал приказаний.

Август приподнял правую руку и сделал круговое движение. Сил говорить не было. Умный раб догадался. Взял полотенце и насухо вытер крупные градины пота. Ещё два слабых взмаха кистью, и он бесшумно исчез.

- А всё ли было, как надо?

Этот вопрос всё чаще и чаще мучил больного Октавиана. Сорок четыре года стоял он у власти! Власть столь абсолютной, что трудно в неё было верить. Лишь всемогущие боги имели подобную власть! Дни его рождений, годовщины его побед, стали всенародными праздниками. Имя его включено в гимны жреческих коллегий, а здесь, в Нолах, над дверью его отчего дома висит благодарственный венок "За спасение граждан". Сенат, гордый римский Сенат, водрузил золотой щит с перечнем его заслуг и подвигов, и дал ему новое имя. Он - Август - Священный! Небывалое имя, конечно, а всё же приятно. По всей Италии воздвигнуты его статуи, а его гения-хранителя почитают наравне с богами-олимпийцами. Но это уже излишества.

Тут Октавиан Август вспомнил, как много лет назад он собрал все свои серебряные статуи в Риме и перечекал их в сотни тысяч монет. Глупые римляне вздрогнули, узрев в распоряжении императора дурное знамение: уничтожив свой образ - не значит-ли уничтожить себя? Успокоились только тогда, когда он торжественно пообещал, что на эти деньги он сделает два золотых треножника для храма Аполлона Палатинского. И сделал! Сделал, как обещал! С тех пор считается, что сам Аполлон хранит Августа от несчастья.

- А счастлив ли он?

Глубоко посаженные карие глаза на миг вспыхивают искрой надежды, но тут же искра угасает. Какое там счастье?! Родные дочь и внучка - две Юлии, сосланы за развратное поведение. Старшие внуки - Гай и Луций Цезари, которых он усыновил в надежде на опору в старости, умерли молодыми. Умер и младший пасынок, Друз - храбрейший из храбрых, любимец народа и войск. Как видно, то зависть богов! Они ведь, как люди, и в зависти своей, пощады не знают. Остался Тиберий...

- Ох уж мне, этот Тиберий! - Августа бьёт новый озноб, и он кутается в одеяло. - Бедный римский народ! В какие медленно жующие челюсти ему предстоит попасть! А может быть то хорошо, и Рим вспомнит меня с сожаленьем? Кто его знает... Светает однако... Уже не до сна. Надо успеть повидать напоследок друзей.

- Все ли пришли, Африкан?

- Да, Цезарь, все.

- Зови их сюда! А меня, причеши и одень!

Надо смотреться достойно. Не много осталось.

Заходят друзья. Сплошь белые тоги с пурпурной сенатской каймой. Одни старики! Всего лишь две фразы:

- Хорошо ли сыграл я комедию жизни? Коль хорошо сыграли мы, похлопайте и проводите добрым нас напутствием.

Друзья удаляются. Тихо кругом. Только сердце стучит, молотом тяжким отдаваясь в ушах.

Теперь, черёд Ливии. Единственной женщины, которую он любил на протяжении долгих лет жизни. Вот она входит. Чуть сгорбленная, седая, но всё-ж таки царственная законная супруга. Садится рядом, берёт его холодеющую руку в свои тёмные иссохшие ладони. На миг Августу кажется, что это пришла его мать. Но нет, это - Ливия.

Шум у ворот. Кто-то прибыл из Рима, но кто? Знать бы хотелось, ведь Рима ему уже не видать...

Октавиан с усилием отрывает голову от подушек. Сердце в груди полыхает. Страшный кровавый туман застилает глаза, время его уже на исходе. Рвется в клоко-  
чущем горле последняя фраза:

- ЛИВИЯ, ПОМНИ, КАК ЖИЛИ МЫ ВМЕСТЕ! ЖИВИ И ПРОЩАЙ!

# Афганский разлом

Роман Максимов

## Глава 1

«Не думайте, что Я пришел  
Нарушить закон или пророков;  
Не нарушать пришел Я,  
Но исполнить».  
( Евангелие от Матфея)

Солнце медленно, словно нехотя, клонилось к закату, когда на пыльной, утопанной гусеницами бронетехники дороге, ведущей в Баграм, появилась колонна БМП. Серые, от многочасового пути, машины разрезали вечернюю тишину тупым лязганьем железа; клокотанием мощных двигателей; выбрасывая в воздух клубы ядовитого выхлопного газа. С высоты колонна напоминала огромную извивающуюся змею, которая ползла на свой коварный промысел, но отличалась от пресмыкающегося тем, что вместо ядовитых зубов несла в себе не менее смертельный боекомплект.

Сергей Никитин сидел в десанте рядом с дембелями, которые то и дело затягивались какой то вонючей травкой, пуская тяжелый, густой дым, забивающийся Сергеем в нос и глаза. В БМП душно, как в парной (люки открывать не разрешали на протяжении всего марша), а тут еще эти двое с удовлетворением пускают дым тебе прямо в лицо! Постепенно Никитин почувствовал легкое головокружение и какое-то странное чувство расслабленности, словно неведомая сила, плавным движением своих невидимых рук, сняла всю дневную его усталость. «Что за черт? - подумал Сергей,- наверное наркотик курят, бляха-муха...» И что удивительно, ведь рядом, в башне сидит офицер – лейтенант, - и хоть бы что! Только изредка поглядывает на него, Сергея, ухмыляясь своими маленькими губками, над которыми еле заметно проступает темная, редкая щетина. «Сам поди наркота», - думал рядовой Никитин, крепко уцепившись за деревянную лавку, что бы не ударится головой о железную стойку десанта - пошла ухабистая дорога.

Мытарства молодого бойца оборвала команда жидкоусого лейтенанта, - «Стоп машины!»

Водитель-механик коробочки (так называли солдаты между собой БМП) Олег Яловец, одно призывник Сергея, с украинского города Черкассы, плавно нажал на тормоза и тяжелая, запыленная боевая машина пехоты, медленно остановилась. «Ну, поди приехали» - подумал Сергей и хотел было уже подняться со своего проклятого места, как вдруг почувствовал сильный удар в броню, как раз в том месте, где находился задний люк для высадки десанта. Не удержав равновесие, Никитин грузно падает на опешевшего дембеля, при этом попадая своей бритой головой ему в переносицу. Секунда – и уже «молодой» на себе ощущает тяжелый кулак «дедушки Советской Армии», профессионально вlepивший в Сергеево левое ухо. Весь десант спешно выскакивает наружу, выяснять причину случившегося. Первое, что пришло в голову Никитину, когда потирая больное ухо он выкарабкался из душного БМП, была одна отчаянная мысль: «Подбили, суки...Из гранатомета влупили!»

Кое-как выбравшись и оглядевшись вокруг, Сергей вскоре понял причину



свалившего его с ног мощного удара в люк бронемашины. Дело в том, что следовавшая чуть позади БМП, по общей команде «Стоп!» не остановилась, продолжая ехать вперед, так, как водитель «коробочки», - тоже молодой боец, впервые ступивший на обожженные белым солнцем, пыльные дороги Афгана, - сам того не замечая, заснул на ходу. Точнее отключился, вырубился, - или какие там еще можно найти слова, передающие состояние восемнадцатилетнего пацана, который вот уже более суток не смыкал глаз, сидя за штурвалом своей машины и слушая понукания «дедов» да их едкие, обидные словечки.

Еще там, в Союзе, в городе Термез, где формировали свежий полк для отправки в Афганистан, старослужащие открыто показывали свое превосходство над неопытными, только что с «гражданки» «салагами» - молодыми солдатами. Молодые делали все: выполняли унижительную работу, стирая «дедушкам» белье; подшивая им подворотнички; отдавали масло и сахар со своего спецпитания. Да мало ли каких унижений человеческого достоинства в нашей «доблестной, непобедимой и легендарной» армии увидел Серега за несколько месяцев, проведенных в Термезе. Но все-таки в сердце теплилась надежда, что там, в Афгане, где жизнь ходит взявшись за руки со смертью; где тебя могут в любой момент свалить на землю то ли автоматная очередь, то ли осколки снарядов и противопехотных мин; где дружба должна цениться гораздо выше всяких праздных слов, - там, в Афгане, нет и не должно быть дедовщины и всякого унижения человеческого достоинства других.

Как ты ошибся, Серега! Ведь пройдет совсем немного времени и ты сам будешь свидетелем того, как на боевые выходы старослужащие посылают «молодого», неопытного, необученного и не привыкшего к условиям местности, - хотя должны идти вместе, всячески поддерживать парня и если нужно, грудью закрыть «салагу» от душманской пули. Но увь... «Дедам» нужно домой, - они свое отпахали и лишний раз лезть под пули ни у кого нет желания.

Ты будешь видеть, как после таких боевых выходов несли окровавленные, бездыханные тела твоих сослуживцев, - одно призывников, -подорвавшихся на mine или напоровшихся на засаду «духов». Ты будешь свидетелем заболевания дистрофией в горах, в основном «молодых», - изможденных, не похожих на нормальных людей солдат, несущих на себе и свой, и «дедушкин» боекомплект...

Но это все будет потом... А пока, спрыгнув с БМП на землю, Сергей наблюдал, как приводили в чувство белокурого, худощавого водителя-механика врезавшейся в них боевой машины пехоты. Больше всего усердствовал смуглый, коренастый сержант, сопровождая волю своих громадных кулаков, отборной русской бранью. Белокурый то и дело поднимал руки, стараясь хоть немного защитить лицо и грудь от этих страшных, молниеносных атак сержанта.

- Паскуда!, - орал смуглый бычьим голосом, посылая удары в незащищенные места водителя, - педераст гребаный! Ты что не видел куда едешь? Спички вставляй в свои глаза, что б не закрывались! Придет время, сами закроются навечно, сука!...

Это было ужасно слышать, тем более видеть, как в общем то ни за что, ни про что свой избивал своего, - пусть «салагу», но все таки своего, русского парня! Сергей почувствовал острую ненависть к этому жестокому чернявому сержанту, усердно работающего руками и языком. «Сам ты паскуда», - думал Никитин, - «сам сука вонючая! Ведь этот белокурый пацан за тебя же, падлу, не смыкая глаз вел «коробочку» более суток. А ты отлеживался в десанте, отдыхал, - ты же «дедушка», «дембель», ты свое «отпахал», теперь пусть «молодые» пашут!»

С соседних БМП начали подходить солдаты и офицеры. Какой то майор ринулся к сержанту, сильно оттолкнул его от своей жертвы и о чем то быстро, гневно заговорил, манипулируя руками прямо возле лица чернявого.

Тут только Сергей заметил, что начала выплескиваться из разбитого бака солянка, которая струйками текла на пол машины, заполняя воздух специфическим запахом горючего. Рядом стоял жидкоусый лейтенант, поставив ногу на гусеницу

«коробочки» и, как тогда, в десанте, ухмылялся своими маленькими губками. Оказывается он всю бойню стоял здесь и смотрел! Спокойно смотрел, как избивают солдата, - его же, может быть подчиненного, - и ничего не сказал, не остановил разбушевавшегося сержанта! А мог бы! Власть ведь имеет!

Никитин сплюнул себе под ноги и впервые огляделся вокруг себя – «Куда же нас занесло?» У проходившего мимо солдата с боевой медалью «За отвагу» спросил, где находимся.

- Баграм, дружище, - весело сказал солдат и хлопнув слегка по плечу стриженного новоявленного бойца, добавил, -  
- Будем служить!

## Глава 2

«А теперь иду к Пославшему Меня,  
И никто из Вас не спрашивает  
Меня: Куда идешь?»  
( Евангелие от Иоанна)

Местность, где остановилась колонна бронемашин с молодым пополнением, представляла собой огромную пустыню, сплошь устланную консервными банками, которые необычно серебрились и сверкали на фоне заходящего за снежные вершины Афганских гор солнца.

Внимательно приглядевшись, за блеском этой консервной жести, можно было различить валявшиеся тут и там старые армейские котелки; побитые фляги; стреляные гильзы разных сортов; обрывки бумаги; клочья какого то ненужного солдатского тряпья. Все это походило, с первого взгляда, на обширную городскую свалку, где так часто любит «хозяйничать» шаловливая, вихрастая ребятня.

Сергей вспомнил, как когда то давно, в детстве, играя с другом на продывленной, вонючей угаром свалке своего родного города, нашел старый, весь покрытый ржавчиной, без магазина и части ствола немецкий автомат («Шмайсер», как потом ему объяснили старшие ребята) времен Второй Мировой Войны, и не менее ржавую, с огромной дырой на затылке, рогатую каску войск Вермахта. Теперь, играя в «войнушку» Сережка, - в каске и с автоматом наперевес, - слыл «самым главным фашистом» и у него даже был личный бункер, - заброшенный кирпичный сарай, - при входе в который маленький ушастый «фюрер» настоятельно требовал у входящих «аусвайс», - жестяные бутылочные крышечки...

- Увы, мы здесь не первые, - услышал Никитин за спиной чей то тихий голос. Обернувшись, увидел низенького веснушчатого паренька с большими серыми глазами и слегка вьющимся волосами, который широко улыбался, обнажая белые, как молоко, зубы.

- Володя Старовойтов, из Дубны, - представился веснушчатый, протягивая Сергею маленькую жилистую руку, - Это под Москвой, знаешь?

- Угу, - промычал Никитин, - осматривая нового знакомого, так внезапно оборвавшего его детские воспоминания, - Сергей... Никитин, из Никополя, - словно нарочно, выделяя каждое слово, произнес он, подав солдату раскрытую влажную ладонь.

Весь вечер шла разгрузка машин: доставали многоместные, вылинявшие на солнце армейские палатки, - и тут же, не мешкая, устанавливали их, образуя тем самым большой палаточный городок; снимали с БМП боекомплекты, РДВ и всякую житейскую мелочь, столь необходимую солдату в полевых условиях. Весь мусор сгребли в одну кучу, недалеко от палаточного городка. Куча оказалась внушительных размеров и походила на крепость, стенами которой служили бесчисленное множество консервных банок. « За этой стеной – как за Китайской стеной», - шутили ребята, старательно орудуя лопатами.

Сергей заметил, что пахут одни «салаги», - «дедушки» и «дембеля» либо си-

дят кучкой в стороне, покуривая «Чарс», - дешевый афганский наркотик, - либо бродят между работающими «молодыми», отвешивая кому подзатыльник, кому «саечку», - указывая, что и как делать.

Ночь пришла быстро, окутав палаточный городок своей звездной шалью. То тут, то там, по темному, безоблачному небу, пролетали яркие астероиды, на доли секунды оставляя за собой широкий, светящийся хвост. Некоторые из них исчезали сразу же после появления, другие же, проделав длинный путь по наклонной, растворялись за темными очертаниями гор. Это было великолепное зрелище!

Никитин стоял, прижав к груди свой старенький АКМ, - доставшийся ему в наследство от ушедших на «гражданку» дембелей, - наблюдая с любопытством и каким то непонятным трепетом души ночное звездное представление. «Какая красота», - подумал Сергей, провожая взглядом очередную падающую звезду на ночном темно – синем небосклоне, - «тут не воевать надо, а романы фантастические писать, или стихи про любовь, - этакую большую, многострадальную, но обязательно счастливую...»

Внезапно на ум пришли слова Наташки, сказанные в последний день его гражданской жизни, когда обнявшись друг с другом, словно пытаясь слиться воедино и раствориться в ночной темноте городского парка, они тихонько сидели на дальней скамейке, и было лишь слышно, как синхронно бьются их молодые, влюбленные сердца.

- Сережка, милый, - еле слышно, почти шепотом, говорила Наташа, плотнее прижимаясь к широкой юношеской груди, - Я тебя ждать буду, честное слово! Ты у меня один такой, - красивый, добрый... А вернешься домой, то сразу же поженимся; у нас будет много-много детишек, - ты же ведь любишь детей, правда?»

Но вместо ответа Сергей еще крепче прижал к себе Наташку и нежно поцеловал ее в губы. «Наташка, солнышко мое, я конечно люблю детей и тебя люблю тоже, и у нас обязательно будут дети: мальчики, девочки, - все равно, лишь бы у нас с тобой! Два года пролетят быстро - не успеешь оглянуться, - и потом уже нас ничто на земле, никакая, пусть даже сверхъестественная сила, не сможет оторвать друг от друга!»

Они познакомились в автобусе, совершавшем пригородный рейс Никополь – Марганец. Он стоял, ухватившись обеими руками за поручни, не сводя глаз с молодой, симпатичной девушки – кондуктора, которая спешно раздавая пассажирам билеты, бросая взамен в свою потертую коричневую сумочку звонкие монетки, - изредка поглядывала на вылупившегося в нее глаза темненького паренька с небольшим, еле заметным шрамом на переносице.

- А Вы почему не платите за проезд?, - вдруг в упор обратилась к нему девушка – кондуктор.

Да, действительно, вот уже десять минут, как автобус отправился, а Он еще даже не купил билет. Засмотрелся на чернобровую, с длинными русыми волосами и как алый мак сочными, слегка подкрашенными губами девушку с кондукторской сумкой через плечо. «Черт, где же кошелек?», - лихорадочно думал Он, тщетно выворачивая карманы своих новеньких «джинсов», - кошелек исчез бесследно. – Может оставил дома, а может и выпал по дороге, кто знает?...»

Она с любопытством наблюдала за манипуляциями темноволосого паренька и, когда тот, медленно поднял на нее полные страдания и душевной муки глаза, - прыснула от смеха, не обращая внимания на недоуменные лица пассажиров. Он засмеялся тоже. Они смотрели друг на друга и смеялись, словно находились одни, и не было ни этого автобуса, ни пассажиров с тусклыми, каменными лицами, ни стремительно проносившихся за окнами городских строений. Где то впереди салона кто то хихикнул, потом еще и еще... Каменные лица пассажиров понемногу стали расплываться и вскоре весь автобус разразился долгим, заразительным смехом. Так познакомились Он и Она... Сергей и Наташа...

Сергей невольно улыбнулся. Теплые воспоминания на какое то время вытеснили всю его злость и обиду на чернявого коренастого сержанта, избивавшего худенького водителя – механика, а теперь и его, Серегу, заставившего вместо себя нести это чертово ночное дежурство возле заваленного камнями и досками кириза.

Сержанта звали Эдуардом, а фамилия Кабанов очень кстати подходила под его сытую красную рожу с маленькими злыми глазками. В палатке их койки оказались рядом, точнее одна над другой. Сергею, как «салаге» предоставлялось место на верхнем ярусе. Внизу лежали «деды» и «дембеля». Палатка была довольно обширная и вмещала в себя десять двухъярусных кроватей, не считая две кровати без яруса для старшины роты и командира взвода.

Прозвучавшая долгожданная команда «Отбой» в одно мгновение свалила с ног уставший от изнурительного рабочего дня мотопехотный полк. «Молодые» еле забирались на вторые этажи, для скорости получая хороший пинок старослужащего в «место не столь отдаленное от спины». Никитин также почувствовал на себе тяжелый удар Кабанова и в мгновение ока оказался под потолком на своем втором ярусе. Не прошло и десяти минут, как палатка погрузилась в глубокий, всемогущий «мистер Сон»...

Но долго спать Никитину не пришлось. Он проснулся от сильной тряски. Чья то огромная волосатая рука безжалостно трясла его за плечо, словно старалась во что бы то ни стало скинуть на пол сонного, измученного солдата. Открыв глаза, Сергей увидел перед собой свиную харю сержанта, который в данный момент должен был находиться в наряде, - как, в общем и все остальные старослужащие,- предоставляя, по приказу командиров, отдых еще не оперившимся «салажатам». Никитин буркнул что-то невнятное и повернулся на другой бок, тем самым вызвав бешеную ярость у Кабанова. В то же мгновение, еще толком не соображая, что произошло, Сергей очутился на земляном полу палатки.

- Одевайся, - коротко бросил сержант и швырнул солдату лежащее на тумбочке обмундирование.

Солдат хотел было что-то возразить наглому «дембелю», но тот с такой силой сжал ему ключицу, что разом пропала всякая охота перечить. Молча одевшись, взяв автомат, Сергей медленно побрел к указанному Кабановым месту дежурства.

На следующий день полк начал заниматься благоустройством территории – палаточного городка, который на утро, в первых бликах солнца, казался неотъемлемой частью местного пейзажа. Работы было много (ведь за вчерашний вечер успели убрать лишь мусор, да поставить полевые палатки), но это не мешало, по ходу дела, заводить новые знакомства, искать земляков, демонстрировать друг другу, кто на что горазд, - в общем понемногу осваиваться на новом, незнакомом месте и в новом, большом коллективе.

Сергей познакомился с двумя братьями Бугаевыми – Сашкой и Колькой, одного призыва, с далекого сибирского города Томска. Он немного завидовал этим сильным, мускулистым парням, занимавшимся на «гражданке» борьбой «Самбо». Братья держались всегда вместе и могли дать должный отпор зазнавшемуся «деду», а то и целой группе «дедов» и «дембелей», которые не прочь были бы унижить их человеческое достоинство. . Так было раз в Термезе, когда один «дембель» приказал новеньким, только что приехавшим с молодым пополнением, солдатам, к утру почистить ему сапоги; постирать его грязное белье; подшить белый подворотничок на гимнастерку; погладить ее и в добавок ко всему натереть до блеска пастой «Гоя» пуговицы на кителе и пряжку на ремне. Понятное дело, братья отказались выполнять этот, не входящий ни в какие рамки человеческих отношений, приказ наглого «дембеля», за что им устроили «темную» после отбоя. Но нарвались не на тех, кого можно запросто избить, растоптать, вымазать в «параше»; кому можно без зазрения совести помочиться в рот или затушить на лбу сигарету, как довольно часто делают с «неудобными», послушавшимися приказов «дедушек Советской Армии» молодыми

солдатами, не имеющими ни силы воли, ни элементарного чувства достоинства к самим себе. Зачастую такие солдаты, физически хилые, трусливые, замкнутые в себе и становятся объектом издевательств и насмешек старослужащих, а то и своих же однопризывников, даже некоторых офицеров.

Сергей как-то, еще на гражданке, слышал от пришедшего с армии знакомого, что один прапорщик – гомосексуалист, удовлетворял свои потребности в каптерке с молодым солдатом, который, будучи по своей натуре боязливым и мнительным, попал под влияние педераста, - и вырваться уже не мог, т.к. любое проявление нежелания идти в осатаневшую каптерку пресекалось зверскими избиениями или самого прапорщика, или подосланных им «шестерок». В конце концов парень повесился ночью в умывальнике, находясь в наряде дневальным по роте...

Нет, не на таких нарвались «деды», пытаюсь расправиться с братьями Бугаевыми. Итог: у двух «дедушек» перелом ключицы; у одного вывернута ступня; остальные отделались внушительными синяками и ссадинами, - отнюдь не украшающими их «мужественные лица». Все... Больше к братьям старослужащие не обращались за помощью, а тот, наглый «дембель», приказавший «пошестерить» и вовсе затих, словно и нет его в расположении.

Бугаевы быстро завоевали симпатии окружающих и Сергей, понятно, был доволен своими новыми знакомыми.

Миша Пеньковский, - шабутной, темноглазый весельчак, к тому же превосходно играющий на гитаре, где-то раздобытой в соседнем пустующем кишлаке, - сразу стал «своим парнем», душой коллектива. Он знал много разных песен, в том числе армейских, что послужило пристальным вниманием к нему со стороны «дембелей» и теперь в его прямые обязанности входило убаюкивать на сон грядущий «дедушек» Советской Армии. Впоследствии, Никитин знал наизусть почти все его песни, которые негромко, сонным голосом, перебирая задубевшими пальцами уже ненавистные струны гитары, исполнял Пеньковский, сидя на койке какого то «дембеля», который растянувшись, сладко посапывал под звуки аккордов. Во мраке палатки почти каждый вечер, после отбоя, Мишутка Соловей, - как шутливо называли его сослуживцы, - тянул протяжным скрипучим голосом:

Мы сегодня до зари встанем, на зарядку побежим строем,  
Нас уже и так осталось мало, вот, сегодня, не поднялись трое...  
Бьют дождинки по груди впалой, а начальству все равно мало...  
А на окнах не решетки, а рамы, все равно я, как в тюрьме, мама.

А в столовой еда пахнет хлоркою,  
Кто то в бане примерз у стены,  
Просыпаемся мы, - и грохочет над полночью,-  
- Рота подъем!, - дикий голос жлоба старшены...

Я сегодня до зари встану, посмотрю на старшину, лягу...  
Что-то с сердцем у меня стало, впереди еще подъем, мама...  
Обещает быть весна ранней, только я не доживу, знаю,  
Нас уже и так осталось мало, да и те, поди, помрут к маю...

Кстати сказать, Пеньковский не ограничивался старыми, уже будучи популярными в армейской среде, песнями (хотя знал их очень много, еще с «гражданки»), которые настойчиво требовали исполнить «деды», иногда в наркотическом дурмане подпевая гитаристу заплетающимися языками. Нет. Он пел песни и собственного сочинения, никому ранее не известные.

Вообще-то Мишка был талантливым парнем не только в музыке, но и в поэзии. Он сочинял прекрасные стихи про любовь, верность и дружбу; про Афган со

всеми его ужасами бытия; про далекую Родину и голубоглазую сельскую девчонку, которая ждет своего возлюбленного солдата домой. Он никогда не расставался с тетрадкой в зеленой, потертой обложке, куда заносил своим размашистым почерком новые поэтические мысли. Даже идя на боевые выходы, Мишка брал ее с собой и, если позволяло время и приходило вдохновение, писал незамысловатые по содержанию, но доходящие до самого сердца каждого солдата, стихи. Естественно, закончив очередное сочинение, Пеньковский тут же брал гитару и подбирал к стихам музыку. Потом новую песню оценивали и обсуждали «дедушки», которым Мишутка, без явного удовольствия, до полуночи, давал «эстрадный концерт».

### Глава 3

«Или, как может кто войти в дом сильного  
И расхитить вещи его, если прежде  
Не свяжет сильного? И тогда расхитит  
Дом его»  
( Евангелие от Матфея )

За несколько дней, пока благоустроивали городок, Сергей ближе познакомился со многими солдатами своей недавно сформированной роты: «молодыми», «черпаками», «дедами»... В кругу его знакомых оказались ребята разных национальностей и даже в палатке, где жили взводом, можно было насчитать чуть ли не все пятнадцать братских республик нашей огромной страны под названием СССР.

Братья Бугаевы и Мишутка «Соловей» попали вместе с Никитиным в один взвод, которым командовал лейтенант с немецкой фамилией Шнайдер. Тот самый, жидкоусый офицер, как окрестил его Сергей при первой встрече в десанте БМП. Лейтенант сразу же не понравился Сергею; а тут, в лагере, находясь в подчинении у него вот уже несколько дней, совсем невзлюбил жидкоусого. Дело в том, что лейтенант всячески поддерживал «дембелей» на счет «воспитания» молодых солдат и иногда с издевкой говаривал: «Плох тот «салага», который не испытывал за службу кулака «деда». Он никогда не ночевал в палатке, - всегда уходил отдыхать в «модуль», - предоставляя «дембелям» полную свободу в занятиях «вечерней гимнастикой» с «молодыми». Старшине роты – прапорщику Петренко, - было абсолютно все равно, есть ли дедовщина среди личного состава, или нет. Главное – что бы «шестерки» вовремя доставали наркотик, а там, - хоть потоп! Иногда в порыве наркотической злобы, он лично избивал одного из своих «шестерок» за мнимую недоставку зелья, иди за неудачный обмен стрелянных гильз от снарядов на «афгани» у местного населения. Кстати, обмен гильзами на афганские деньги – довольно частое явление, встречающееся повсеместно, где стоят советские воинские части. За вырученные от обмена «афгани», солдаты покупают в дуканах сигареты, конфеты, шмотки разные импортные, подарки для дома. Но в пустующих кишлаках, оставленных душманами, дуканы, с их изобилием товара, могут оказаться заминированными, - и смерть тем ребятам, кто позарится на их разноцветные витрины.

Никитин, изнемогая от жары, доходящей до пятидесятиградусной отметки, обливаясь потом, сооружал СПС, как внезапно его окликнул Альгис Муляускас, - латыш – «черпак» из одного взвода, по кличке «Муля». Толстая, розовая физиономия «Мули» выражала какую – то зловещую иронию, а весь вид латыша показывал, что он пришел сообщить Сергею важную новость. Жестом указав Никитину следовать за ним, «Муля» зашел за палатку. Когда взгляды двух солдат встретились, Альгис, положив руку на плечо собеседника, негромко, язвительно начал:

- Значит так, Серега... Совет старейшин нашего взвода решил взять шефство над вами, «салагами», закрепив каждого за определенными «дембелями». Мне поручили сообщить, что ты закреплен за сержантом Кабановым, как земля за колхозом. Так, что теперь Эдичка – твой непосредственный «шеф». Только он может решать –

казнить тебя или миловать. Ты знаешь, Сережка, это даже лучше, - больше ни один старослужащий не в праве тебе что-то приказывать делать, - ты подчиняешься только Кабанову. Ну а у остальных «дедов», как ты, надеюсь, понял, будут свои «подшефные». И еще..., - «Муля» на секунду замолчал, потом тихонько, уже совсем другим тоном, добавил, - С Кабановым лучше живи мирно, не вы...ся, иначе он тебе житья не даст. Я знаю его давно, - еще с Союза. Будучи «дедом», он загонял одного «молодого», в общем хорошего парня, что-то сказавшему поперек него... Так вот, это «молодой» застрелился в караульном помещении, будучи дневальным по роте...

Весь оставшийся день Никитин провел со странным неприятным трепетом в душе, - то ли от слов Муляускаса, то ли от чувства собственного бессилия. Быть «шестеркой», ох, как не хотелось, но и постоянно получать по роже от старослужащих тоже было мало приятного. Все же Сергей решил довериться судьбе и приготовился после отбоя предстать пред ясные очи своего нового «шефа».

После полного благоустройства военного городка, хозяйственная жизнь полка сменилась нелегкой армейской службой. Начались тактические занятия, цель которых – научиться правильно и быстро ориентироваться на местности; уметь вести боевые действия в кишлаках: выстраиваться «цепочкой», проходить улицы, дувалы, наводить «кипишь» в домах, где, якобы, засели вооруженные душманы. На операции ходили в близлежащие полуразрушенные кишлаки, покинутые местным населением. В некоторых из них все же оставались люди: немощные, высушенные старики – бабаи, которым было уже все равно, где дожидаться приглашения Аллаха в свою небесную обитель. Они отрешенно смотрели выщевшими пустыми глазами на храбрых солдат в советской военной форме, которые с воплями, улюлюканием и победоносными криками вламывались в глиняные, рябые от автоматных выбоин дома, и начинали производить «шмон». Офицеры приказывали искать припрятанное душманами оружие, но так, как солдаты были не слишком подчиненные приказам командиров, они «шмонали» все. Брали яйца, орехи, конфеты, сахар, мыло, зубные пасты, лезвия для бритв, - в общем все, что осталось от бывших жителей кишлака, так необходимого солдатам, а тем более тем, кому вот – вот предстоит демобилизация домой.

Никитин, под четким руководством Кабанова, вламывался в дома и выносил оттуда «дембелю» подарки. Сам Эдичка в дома не заходил, - боялся, а вдруг заминирован порог, двери или что-нибудь еще. Чего доброго можно к концу службы подорваться к чертям собачьим на mine – ловушке! А ведь такое часто бывало. Например, заходят солдаты в какой-нибудь пустой кишлак, открывают дверь дома, - и мгновенно срабатывает взрывной механизм. Мина – ловушка хладнокровно ложит за мертво несколько наших ребят.

В одном доме, к которому подошли Сергей с Кабановым, двери были на замке. Двухэтажное, шикарное глиняное сооружение указывало, что некогда здесь жила зажиточная семья. Огромный виноградник, свесившийся с дувала, создавал приятную теньевую прохладу. Небольшие, сарайного типа постройки, свидетельствовали о наличии у бывших хозяев скота. Естественно, сейчас они были пусты и только легкий ветерок играл с открытыми деревянными калитками.

- А ну заскакивай туда и смотри, что там есть, - негромко говорит Кабанов, толкая прикладом автомата Никитина вперед.

Со страхом в сердце, Сергей поплелся к двери, боясь ежесекундно подорваться на mine-ловушке. «Сам, гад, не идет,- боится, - думал Никитин, -«молодого» посылает... Ну конечно, своя рубашка ближе к телу. Тем более, что ему скоро домой, что ему лезть на рожон?.. Да ну все к дьяволу!...

Сбив прикладом увесистый железный замок, Никитин ногой открыл дверь, вбежал внутрь помещения и начал стрелять с автомата в разные стороны, как учили офицеры на занятиях. Все глушит... С потолка сыпется глина, стоит серый, пылевой туман... Заскочивши без остановки на второй этаж, увидел разбросанные по комнате женские платья, подушки, книги, импортное мыло и всякую мелочь, в спешке остав-

ленную сбежавшими хозяевами. Видимо это была женская половина в доме. Из-под одной подушки выглядывал новенький транзистор, поблескивая черной лакированной панелью. Сергей включил его, - работает, - даже не осознавая, что транзистор мог быть заминирован.

Сложив свои «трофеи» в вещмешок, Сергей, теперь уже неторопливо спускается вниз, во двор, к ожидающему его сержанту. Там начинается другой «шмон», - Кабанов обыскивает «молодого», шаря своими огромными волосатыми ручищами под его, пропитанной потом и пылью, ХБ; залазит в вещмешок и тут же извлекает из него новенький импортный транзистор. Радости «дембеля» нет предела! Он дружелюбно подмигивает и хлопает Никитина по плечу, - молодец, мол, теперь будет с чем ехать домой!

Забрав у солдата, вдобавок, мыло, лезвия, цветное махровое полотенце, Эдик «великодушно» оставил в Сергеевом вещмешке несколько горстей орехов, конфеты и небольшую книжечку «Корана», которую Сергей нашел все в той же женской половине дома. Оглядевшись вокруг, ребята увидели, что остались одни, - рота ушла далеко вперед, даже не вспомнив об отставших солдатах. Нужно было не мешкая догонять своих. У сидящих возле дувала стариков-бабаев в чалмах, Эдик спросил, куда пошли наши «шурави», но вместо ответа бабаи показывают на дорогу, ведущую из кишлака, на которой то тут, то там лежат убитые, (точнее расстрелянные, из автоматов, пулеметов, винтовок...) петухи, куры, собаки... В общем, направление движения роты ясно указывали неприглядные деяния наших «доблестных» воинов.

Когда догнали своих, собрались на лужайке, возле небольшой речушки, в которой была до того вкусная студеная вода, что не хотелось отрываться от ее живительной влаги. Каждый делится впечатлениями о проведенном «шмоне» в кишлаке. Кто конфетами угощает, кто яйцами, кто орехами. У некоторых добычи – по целому ведру или мешку! У всех царит веселое настроение, - «пошерстили» немного «духов»! Знай наших! Слышатся шутки, смех, пошленькие анекдоты... Мишутка Соловей, правда без гитары, но все равно очень здорово затянул популярную песенку про ДШК, услышанную от какого то «деда»:

Ну-ка мне, солдат, скажи, по уставу доложи

«Что на свете всех сильнее, тяжелее и мощнее...

Бьет подальше, чем ПК?

- Дегтяревский ДШК! Он на свете всех сильнее, тяжелее и мощнее...

Бьет подальше, чем ПК. Вобщем чудо ДШК!

Он огнем смертельным строчит, он для «духов» просто крах...

Если где-то скрылся враг,

Если пара «цинков» есть,

То в горах – ни встать, ни сесть!

Как полюбишь ДШК, - станешь хуже ишака...

Лучше уж любить гражданку, сигареты, пиво, пьянку...

Лучше уж спокойно спать, да свою любовь ласкать!...

Толпа ( так, как стихи знали почти все), подхватывает песню и вскоре вся лужайка представляет собой многоликий, разноголосый хор...

Вечером офицеры предупредили, что особый отдел будет всех «шмонать» и тем, кто что-то взял в домах афганцев, не поздоровится. Некоторые ребята попрятали подальше более-менее ценные вещи; иные же все выбросили, боясь проверки. Но «шмона» со стороны особого отдела не было.

Понемногу тактические занятия, с их однообразием, начинали надоедать и в полку стали поговаривать о настоящих боевых действиях против «душманов». Молодым, полным энергии ребятам, хотелось повоевать, а не просто поиграть в «войнушку», - как невесело шутили солдаты.

И война, ужасная, кровопролитная, ненавистная впоследствии каждому солдату и офицеру, война, - не заставила себя долго ждать...



# Кровь на моих руках

Лиза Керн

Глава 15:

- Ты сомневаешься в этом? - шепчет он

- Выпьем?

- Если только ты не против. Джим наливает нам по бокалу.

Я выпиваю.

- Какой же Фин ублюдок.

Я поворачиваюсь к Джиму лицом.

- Хватит о нем. Мне нужен только ты. Всегда и везде.

Я ставлю бокал на стол, и обвиваю его шею руками, целую его.

Он берет меня за талию и прижимает. Я начинаю медленно двигаться к кровати.

Я просовываю свои руки ему под футболку. Трогаю его спину. Начинаю медленно ее снимать. Его накаченное тело горит как и моё. Джим снимает с себя футболку.

Он толкает меня на кровать, и ложится сверху

- Ты ведь понимаешь, что если ты меня прямо сейчас не остановишь, потом я уже не остановлюсь. Лиан, подумай хорошо. Я не хочу на тебя давить. Ты не должна делать это лишь из-за меня.

- Джим, просто не сдерживайся

Думаю тебе этого достаточно.

Он наклоняется ко мне и шепчет

- Потом я никогда не отстану от тебя. Слышишь... Никогда. Теперь ты моя.

Моя шея покрывается его поцелуями. Его дыхание очень быстрое, как и стук сердца... Все моё тело дрожит.

\*\*\*

Я открываю глаза. Я лежу на кровати. Рядом спит Джим.

Вся моя шея болит. У меня вообще все болит.

Я встаю, прикрываясь одеялкой.

Блин, где моя одежда?

Я помню, что Джим кинул её рядом с кроватью, но её тут нет.

Вдруг я чувствую губы Джима на своей шее. Он начинает обхватывать меня руками.

- Так, Джим, где моя одежда?

- Я спрятал её. Проводя пальцами по моей спине говорит Джим.

- Если ты не вернешь мою одежду, я возьму твою.

- Бери, в ней ты будешь ещё сексуальней.

Я беру футболку Джима, которая висит на углу кровати.

- Отвернись

- Мм, а если я не хочу?

- Я тебе врежу

- Ух ты, какие мы грубые. Мне мало. Я хочу еще тебя. Он отворачивается к стене. Я быстро одеваю его футболку.

- Джим, если ты не вернешь мне мои штаны, мне придётся одеть твои трусы.

- Вау, ты хочешь оставить меня без трусов? Лиан, если ты хочешь меня, то скажи прямо.

Джим начинает смеяться. Ага, я вижу свои штаны у него под подушкой.

- Ммм, Джим, я тебя хочу. Я сажусь на него, и начинаю целовать. Пока у

Джима закрыты глаза, я быстро вытаскиваю свои штаны.

Я слазию с него.

- Эй, в чем дело?!

- Кажется кто-то остался без трусов. Смеюсь я, показывая ему его шорты. Я отхожу в сторону и одеваю свои штаны.

- Лиан, верни

- Неее. Продолжаю смеяться я

- Ну ты у меня получишь, когда я встану.

- Ваууу, ты собираешься ходить голым? Джим, да ты меня с ума сведешь. - я смеюсь еще больше.

- Ну все, держись. Он снимает с кровати простыню. Я выбегаю за глыбу и начинаю бежать.

Я вижу Джул. Подбегаю к ней.

- Боже, что с тобой, Лиан?

- В смысле?

Джул подходит ко мне, приподнимает мою голову.

- Теперь ясно, о чем вы с Джимом болтали. Ты видела себя?

- Нет, а что со мной?!

Она даёт мне расческу с зеркалом.

- Боже! вся моя шея в многочисленных засосах.

На губах видны укусы. Я смотрю на руки. Даже на руках у меня видны небольшие синяки.

- Мдаа, Лиан, что он сделал с тобой?

- Мне сказали не сдерживай себя - подходит сзади Джим, замотанный по поясу в простыню.

- Я не имела ввиду засосы

- Это знаки, что ты теперь моя. -с ухмылкой говорит Джим.

- Джим, ...ты ведешь себя как зверь!

- Но теперь, ты моя добыча. От его слов мое сердце вновь быстро бьется.

- Как у вас все серьезно. -смеется Джул.

- Привет, Лиан. За спиной Джул я вижу Фина.

Глава 16:

- Привет, Лиан. За спиной Джул я вижу Фина.

- Я хочу просто поговорить.

Джим сжимает кулаки.

Я подхожу к нему

-Джим, все в порядке. Сходи пока переоденься. Он долго смотрит злобным взглядом и уходит на ту сторону.

- Лиан, мы можем прогуляться?

Да, теперь я отношусь к Фину не так как раньше, но мне интересно, что он скажет.

- Хорошо, только не долго.

Мы выходим из пещеры.

- Лиан, извини меня. Я не знаю, что на меня тогда нашло.

Я очень сожалею. Мне не нужно было пить. Да, ты не такая как все, и я кажется влюбился в тебя, но я не думал, что все дойдет до такого.

Мне становится его жаль. Ведь правда, когда человек пьян он не может контролировать себя.

- Фин, все в порядке. Я понимаю.

Я разворачиваюсь и начинаю идти назад. Фин хватается за руку.

- Подожди. Я хотел сказать, что если Джим обидит тебя то он пожалеет.

- Он не обидит меня

- Со стороны кажется другое.

Он проводит своим большим пальцем по моим губам.

Я сразу убираю его руку.

- Фин, не надо. Не трогай меня

- Лиан, я не стану причинять тебе такую боль как Джим.

- Он не причиняет мне боль!

- Хорошо, тебе ведней. Только знай, что...

Он прикладывает мою руку к себе на грудь. Я чувствую стук его сердца.

- Оно бьётся ради тебя. - договаривает Фин

- Фин, я ...

Он не даёт мне договорить

- Я буду ждать тебя.

- Тебе придётся ждать вечность. - целуя меня в шею сзади говорит Джим

- Ну это мы ещё посмотрим. - говорит Фин и идёт назад.

- Джим, пошли в пещеру с улыбкой говорю я.

- Там слишком много народа. Я хочу побыть лишь с тобой. - шепчет Джим, обнимая меня.

- У меня из-за тебя вся шея тёмная. - поворачиваясь к нему лицом говорю я.

- Мм, хочешь тоже сделать мне засосы?

- Может быть. Я целую его.

И немного прикусываю его нижнюю губу.

- Лиан, ты что творишь?!

- А что я творю? - с ухмылкой говорю я

- Меня это ужасно заводит.

- Даа?

- Хочешь проверить?

- Нет, хочу поиграть с тобой. Ты очень милый, когда заводишься

- Я тут знаю одну очень интересную игру. - ухмыляясь говорит Джим

- Эй, вы идете есть? - сзади себя я слышу Джул.

- Да, мы уже идём.

- Я надеюсь мы продолжим. - вздыхая говорит Джим

\*\*\*

Мы все сидим за столом.

Фин умудрился взять не только кучу разной еды, а даже разные сладости. Джим еле терпит Фина за столом по моей просьбе. Джул протягивает мне пирожное. Я подношу его ко рту, как вдруг Джим целует меня в щеку, и мои губы все оказываются в креме.

- Джим, ну вот, что ты творишь?

Я беру салфетку.

- Нет, позволь мне. - ухмыляясь говорит Джим.

Он поворачивает мою голову к себе. И начинает языком слизывать крем с моих губ.

- Кто с нами на озеро? - спрашивает Сайм.

Я немного отталкиваю Джима и вытираю оставшийся крем салфеткой.

- Я думаю мы с вами, но чуть позже. - говорит Джим

- Хорошо. Пошлите

Джул, Фин и Сайм уходят.

- Я не могу больше видеть этого ублюдка. - с ненавистью говорит Джим о Фине.

Ну вот опять он о нём. Он все время заикливается на Фине.

Я мажу его рот кремом.

- Эй!

- Тише..

Я сажусь ближе и тоже начинаю повторять его действия. Немного покусывая его губы.

- Лиан, ты издеваешься надо мной?

- Мм, твои губы сладкие. - смеюсь я.

- Ну все.

- Что?

- Иди сюда.

Я быстро вскакиваю и начинаю убегать. Ему хватило пол минуты чтобы догнать меня.

Он прижимает меня к стене, и начинает целовать.

- Джим, Джим..

- Ну уж нет. Сначала ты дразнишь меня, а потом просто уходишь?

Мы начинаем целоваться.

Вдруг в пещеру резко забегают ребята.

- Валим!!! На озере мусора!! - кричит Фин, закрывая багажник своей машины.

Глава 17:

- Что?! Мусора? Как они нашли нас?!

- Мы незнаем. Быстрее в машину!

- Сайм, садись назад, я поведу - нервно говорит Джим.

Сайм и Джул садятся назад.

Я сажусь вперёд.

Фин залазает в свою машину.

Выбегает назад, и дает нам всем по пистолету.

Мы выезжаем из пещеры.

От озера нам на встречу едут 4 полицейских машины.

- Пристегнитесь! - кричит Джим, резко разворачивая машину.

Я быстро пристегиваюсь.

Смотрю назад. Сайм прижимает к себе Джул, пряча ее голову своей.

- Лиан, ты готова?

- К чему? Моё сердце стучит очень быстро. Мне страшно. Страшно за ребят.

- Стрелять.

- Я не умею!

- Научись в действиях.

Он открывает окно возле меня.

- Давай, детка, у тебя все получится.

Джим заряжает мой пистолет, и отдаёт мне его назад.

Он жмет на газ ещё сильнее.

Фин едит сзади нас.

Перед нами начинают появляться деревья. Мы проехали поляну. Начинается густой лес.

- Чёрт! Мы не сможем проехать!

Я быстро оглядываюсь. Вижу дорогу.

- Джим! Там дорога!!

Он резко разворачивает в сторону дороги. Машину ужасно тресет.

- Молодец. Теперь осталось сделать пару выстрелов.

Джим открывает окно возле Сайма.

Вдруг я слышу сзади выстрелы.

- Фин! В него стреляют!! Моё сердце вот- вот остановится от частых ударов.

Я выглядываю в своё окно, и кричу  
-Фин, держись!  
Я вынимаю руки с пистолетом.  
Моё дыхание ускоряется.  
Я прицеливаюсь. Закрываю глаза.Раздается выстрел. Я слышу звук падения стекла. Открываю глаза. Я прострелила стекло полицейской машине.  
- Ты шикарна! - с улыбкой говорит Джим.  
Я вижу, что Фин вновь догоняет нас. Я немного успокаиваюсь.  
Теперь мы уже едем по дороге.  
- Держитесь крепче.  
\*\*\*

Мы выезжаем на городскую дорогу.  
- Джим, налево! - кричит из соседней машины Фин  
Джим резко заворачивает в какой-то переулок.  
Еще один поворот. Мы снова заворачиваем. Полиция продолжает ехать за нами.

Два поворота в разные стороны.  
- Я отвлеку хотя бы пару машин. Джим, ты знаешь куда ехать.- кричит Фин, уезжая в противоположную сторону.  
- Фин, нет! - кричу я , но он продолжает ехать. Теперь три машины гонятся за ним, а одна за нами.  
- Джим, что нам делать? Фин в опасности. Мне становится страшно за него. Хоть он чуть не совершил подлый поступок... Он рискует ради нас.  
- Все будет хорошо. Джим сжимает мою ладонь, и снова кладет руку на руль.

- Сайм, стреляй - уверенно говорит Джим.  
Саймон выглядывает из окна, и раздаются 4 выстрела.  
- Красавчик  
Мы немного отрываемся от машины. Со временем ещё больше.  
\*\*\*

- Джим, куда мы едим ?  
- Сам не знаю, но Фин сказал в самом крайнем случае ехать туда.  
Мы едим уже 40 минут. Что же с Фином, смог ли он оторваться от них?  
Фин, будь осторожнее.

- Приехали. Вы пока идите в дом, а я спрячу машину.  
Мы все выходим из машины.  
Я обхожу её, подхожу к Джиму  
- Будь осторожнее.  
Я целую его в щеку. Он берет меня за шею и целует в губы.  
- Я быстро.  
Я, Джул и Сайм подходим к дому.  
Перед нами просто огромный особняк.  
Сразу видно, что владелец этого дома очень богатый человек.  
- Идём? -Спрашивает меня Сайм.  
- Да.  
Мы подходим к двери.  
Саймон постучался в дверь.  
Дверь открывается, и я вижу перед собой дедушку лет 60-65 .  
- Здравствуйте. А кто вы, молодые люди?  
- Меня зовут Саймон. Это моя сестра Лиан. А вот наша подруга Джул. Нас

прислал сюда Фин.

- Фин? Тогда добро пожаловать.

На вид он очень милый и добрый пожилой человек.

Этот особняк внутри как дворец.

- Фин, рассказывал мне о вас. Вы наверно проголодались, я сейчас поставлю чай, и принесу вам что-нибудь поесть.

- Спасибо огромное. - улыбаюсь я.

Вдруг в дверь стучится кто-то.

- Это наверно Джим, наш друг.

- Аа, друг? Раз друг... то впустим его.

В дверях появляются Джим и Фин. Фин, он оторвался от них!

- Фин, ты в порядке?

- Да, Лиан, все хорошо.

Я подхожу и обнимаю Фина.

- Мы все волновались за тебя.

Джим зло смотрит на нас. Я подхожу к нему. И тоже обнимаю его.

- Я рада, что ты рядом.

Фин подходит к тому дедушке, и обнимает его.

- Дедуль, я скучал.

- Я тоже, мой милый.

Дедуль?

Глава 18:

- Дедуль, я скучал.

- Я тоже, мой милый.

Дедуль? Это его дедушка? Фин даже ничего нам не рассказывал о нем.

- Дед, можно ребятам жить на 2 этаже?

- Да, конечно. Молодые люди, проходите на второй этаж, и выбирайте комнаты. Вы можете жить по 2-3 человека в комнате.

Джим немного наклонился ко мне

- Я думаю, что нам хватит одной комнаты

Мы поднимаемся на второй этаж.

- Лиан, в одну?

- Уже поздно, она в моей власти. - хватая меня за талию, и прижимая, говорит Джим.

- Я что одна буду?

- Нет, у меня есть идея получше.

- Сайм, подожди.

- Ты что с ума сошла?! - возмущенно спрашивает Джул.

- Джул, не парься. Доверься мне.

Я догоняю Саймона.

- Сайм, а ты можешь пожить в одной комнате с Джул? Просто я уже договорилась с Джимом. Джул будет грустно и скучно одной. Тем более вы лучше узнаете друг друга. А потом мы с тобой поменяемся местами.

- Хорошо, я не против.

Я оборачиваюсь назад. Лицо Джул покраснело.

Она догоняет меня.

- Лиан, ты издеваешься?

- Нет, я просто хочу, что б

Саймон влюбился в тебя. А потом вы жили долго и счастливо...Со временем у вас появятся дети - начинаю смеяться я.

- Так все, замолчи. - слегка толкает меня Джул.

- Выбирайте из этих. - догнав нас говорит Фин, указывая на четыре двери.  
- На этом этаже есть ванна, туалет. Поэтому вам не нужно каждый раз спускаться вниз.

- Ну что, какая будет наша? - оборачиваясь, говорю Джиму.  
- Мне вообще без разницы. Ну а вообще... с большой кроватью. -ухмыляясь смеётся Джим.

- Джим, ты можешь говорить не только об этом?  
- Из-за того, что нам помешали - нет.

Я захожу в первую комнату.

Она настолько большая, что я прихожу в небольшой шок. Мебель очень красивая и дорогая.

- Ммм, меня устраивает эта кровать. - закрывая за нами дверь, шепчет Джим.

- Как тут классно

- Я с тобой согласен.

Джим запирает за нами дверь, и начинает целовать меня в губы.

Я кусаю его.

- Лиан, ты это зря. - на лице Джима появляется ухмылка.

Он сдирает с себя футболку.

- Скажи мне не сдерживаться.

- А если я скажу, что ты должен сдержаться?

- Ну попробуй

- Джим, сдерживай себя. Посмотрим на сколько тебя хватит.

Я целую его шею, немного укусив.

Он сжимает кулаки. Его дыхание ускоряется.

Я глажу его спину сжимая её.

Целую в губы. Снова кусая их.

- Ну все, я больше не могу. Теперь моя очередь кусать тебя.

Он целует меня.

Залазает руками под мою футболку. Трогает мою спину, целует в шею.

- Ребята щас чай пойдут пить, пошли с ними?

- Чуть позже, у нас щас другой чай.

- Нет, пошли. Джул, Сайм и Фин уже ждут нас. Потом будет другой чай - смеюсь я.

Я быстро убегаю вниз.

- Будет хуже. - слышу я.

\*\*\*

Мы сидим за столом.

Рядом со мной слева сидит Джул, а справа Джим.

Напротив сидят Фин, его бабушка и Сайм.

Я беру в руки вилку и начинаю есть.

Вдруг я чувствую руку Джима на своей ноге.

Я смотрю на него. Он с ухмылкой смотрит в тарелку.

Он ведёт рукой по моей ноге.

- Кхм. Кхм. - специально закашлялась я.

- Лиан, все в порядке? -спрашивает меня Сайм.

Я кивнула головой.

Джим, придурок. Что он делает?!

Тут же люди!

Он засовывает свою руку мне под футболку.

Я тоже опускаю свою руку под стол. И несильно стукнув его по ноге злобно смотрю на него.

- Спасибо, я наелась. Я встаю из-за стола, и иду в комнату.

Я захожу в комнату, и подхожу к окну. Офигеть! Так тут ещё есть бассейн! Слышу шаги сзади. Это Джим.

- Ты это специально? - поворачиваясь к нему, говорю я.

- Ты сама напросилась

- А сейчас ты напросился. Я толкаю его на кровать и начинаю целовать.

Скоро, Джим, твоя милая шея будет в засосах и укусах как и моя. Посмотрим твою реакцию на это.

Глава 19:

- Лиан, это просто.. - одевая шорты под одеялкой говорит Джим.

- Посмотри в зеркало. - смеюсь я

- Зачем?

- Посмотри на себя.

Джим встаёт, и идёт к зеркалу.

Рот Джима открывается.

- Лиан, ты что натворила?

- Ты сам меня довел до этого. - я снова смеюсь.

Его шея вся в засосах и укусах, как и моя.

- Но это было приятно.

- Когда пройдут эти, поставлю новые. - с ухмылкой говорю я

- Лучше я тебе.

- Только попробуй.

В нашу комнату кто-то стучится.

- Эй, вы идете гулять? - слышу я голос Сайма.

- Да, мы вас догоним сейчас. - говорит Джим.

Я беру футболку Джима.

- Джим, подай мои штаны с кресла.

Джим берет мои штаны и подносит их мне.

- Спасибо.

- А я что, без футболки буду?

- Ну тебе можно. - смеюсь я

- Ага, и все щас заметят засосы.

- Мои же заметили. Отвернись

Джим отворачивается. Я одеваю футболку и штаны. Джим одел майку.

- Все, я готова, пошли.

Он берет меня за руку, и мы идём вниз.

\*\*\*

- Фин, можешь дать мне мой пакет с одеждой из своей машины? - я смотрю на Фина.

- Зачем, если мы сейчас заедем в город за новой?

- А как же полиция?

- Лиан, риск круто. Опасно, но с удовольствием.

- Тогда вперед.

Мы садимся в машину. Я, Джул и Сайм сидим сзади. Фин и Джим впереди.

Я тихо спрашиваю Джул

- Ну что там, как у вас с Саймом?

- Ничего. Он относится ко мне как к знакомой.

В её глазах появляется грусть.

Неужели Саймон все ещё любит Карлоту? Я должна с ним поговорить. Но сейчас ещё не время. Фин включает музыку. Все начинают подпевать.



Раньше, когда у меня не было никого кроме Сайма, я даже и не мечтала о такой жизни. Сейчас все изменилось. Сейчас со мной дорогие мне люди. Это дарит мне безграничное счастье.

\*\*\*

Наша машина останавливается возле магазина с одеждой.

Мы все выходим из машины, и заходим в магазин.

Тут куча разной одежды. Я смотрю на цены. Всех моих денег не хватит на одни шорты или майку!

- Фин, почему тут все так дорого?

- Не волнуйся за все расплачусь я. Мне дед дал одну из своих карточек.

Мы с Джул набрали кучу разной одежды. Да и парни тоже. Мы так долго ехали, и обходили весь магазин, что снова наступил вечер.

- Теперь куда?

- В клуб?

- Там нас точно найдут.

- Найдут - убежим. - уверенно говорит Фин.

- Ладно, уговорили.

- Лиан, тебе не страшно? - спрашивает меня Джул

- С ребятами нет. Тем более, когда ещё мы все вместе сходим в клуб? Мы только, что и делаем это сбегая от полиции.

Нам нужно отдохнуть.

- Наверно ты права...

Мы садимся в машину. Теперь я сижу между Джул и Саймоном.

Мы двигаемся с места.

- Сайм, можно вопрос? - тихо спрашиваю я его.

- Давай.

- Ты все еще любишь Карлоту?

- Моё сердце охолодело к ней навсегда. Наконец-то Сайм понял, что она не подходит ему.

- Тебе никто не нравится?

- А по-твоему мне кто-то должен нравиться?

- Да нет... Я просто спросила.

Кажется Сайм даже не замечает Джул. Ну почему?

Она же очень хорошая девушка.

Подъезжаем к клубу.

Мы заходим внутрь.

\*\*\*

Моя голова начинает болеть. Из-за алкоголя и громкой музыки.

Мы с Джул сидим на диване в углу клуба. Парни сидят в противоположной стороне.

- Джул, пока ты немного пьяна, поговори с Саймоном. Потом ты не сможешь...

- Лиан, я не смогу

- Сможешь... Просто подойди к нему. Джул глубоко вдыхает и идёт к парням.

Вдруг на её место ко мне подсаживается какой-то парень. Лет 18.

- Ты подруга Джима и Фина?

- Да. А от куда ты их знаешь? И вообще кто ты?

- Я сын Фреда.

проза

публицистика

Пенан

Р **свобода**

е эротика

фанфик

поэзия

**Мансёнг**

п

м

д

хокку

о

и

е

**рок**

т

р

с

е

**антиутопия**

т

т

к

сарказм

а

а

т

рубаи

ж

любовь

**т**

новелла

**о**

киберпанк

**п**

поэма

**п**

**р**

**скетч**

**и**

пародия

**ь**

**а**

**я**

**е**

**г**

фельетон

**юмор**

песня

**с**

**е**

повесть

п

лирика

**д**

религия

сонеты

**эпопея**

**и**

о

э

шансон

**видения**

литература

**я**

м

стимпанк

а

**рассказ**

мемуары

ф

действие

**Драпа**

п

**стих**

э

р

н

и

т

к

е

л

з

ю

и

ч

е

н

и

я

ирония

фантастика

роман сюрреализм

**Рубаи**

граматургия

критика

**Философия**

сказка





**2020**

На фото: Эльвира Абдалова